This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

А. МАЙКОВА

СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ II

ИЗДАНІЕ
А. Ф. МАРКСА.
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

300 A 19

PROV.

NEVILL FORBES BEQUEST

PG3337. M2. A1. 1884 (2)
= Rep. Slav. 199

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА.

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Изданіе четвертое,

исправленное и дополненное

АВТОРОМЪ.

Въ трехъ томахъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Ф. МАРКСА. Прачешный пер., № 5.
1884.

LIBRARY OF THE TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
26 SEP 1936
OF OXFORD

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВТОРАГО ТОМА.

СТРАН.

I. Гейне. 1—60.

1. Гейне (Прологъ) 3
2. „Пора, пора за умъ мнѣ взяться!“ 4
3. „Сердце, сердце! что ты плачешь?“ 5
4. „Осенняго мѣсяца обликъ“ 6
5. „Не теряй, мой другъ, терпѣнья“ 8
6. „Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ“ 9
7. На морѣ 10
8. „Осердившись, кастраты“ 12
9. „Ну, время! конца не дождешься!“ 13
10. „Плачу я, въ лѣсу блуждая“ 15
11. „Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни“ 16
12. „Я вглядываюсь жадно“ 17
13. „Одинокая слезка“ 18
14. „Въ толпѣ опять я слышу пѣсню“ 19
15. „Что за милый это мальчикъ!“ 20
16. „Мнѣ снилось: на рынкѣ, въ народѣ“ 22
17. „Меня ты не смутила 24
18. „Ее въ грязи онъ подобралъ“ 25
19. Невольникъ 26
20. „На мольбы мои упорно“ 27
21. Лилія 28
22. Чайльдъ Гарольдъ 29
23. „Ночи теплый мракъ гвоздики“ 30
24. „Онъ ужь снился мнѣ когда-то“ 31

СТРАН.

25. „Чуднымъ звукомъ даже ночи“ 32
26. Король Гаральдъ 34
27. Али—Бей 36
28. „Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ“ 38
29. „Изъ моей великой скорби“ 39
30. „Посмотри: во всемъ доспѣхѣ“ 40
31. „Ты быстро шла, но предо мною“ 41
32. Весною 42
33. На горахъ Гарца 43

Романъ въ пяти стихотвореніяхъ:

34. 1. „Инеемъ снѣжнымъ какъ ризой покрытъ“ 45
35. 2. „Давно задумчивый твой образъ“ . . . . . —
36. 3. „Въ легкомъ челнѣ мы съ тобою“ 46
37. 4. „Любовь моя—страшная сказка“ . . . . . —
38. 5. „Здѣсь мѣсто есть... Самоубійцъ“ 47
39. „Они о любви говорили“ 49
40. Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!“ 51
41. „Краса моя рыбачка“ 52
42. Лорелея 53
43. Auf Flügeln des Gesanges 55
44. „Нежданной молніей, вполнѣ“ 57
45. „Конецъ! опущена завѣса!“ 59

II. Искусство. 61—72.

46. „Уйди отъ насъ! языкъ твой насъ пугаетъ!“ 63
47. „Надъ прахомъ генія свершать святую тризну“ 64
48. На смерть М. И. Глинки 66
49. Эоловы Арфы 68
50. „Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ“ 69
51. „Возвышенная мысль достойной хочетъ брони“ 70
52. „Сидѣли старцы Иліона“ 71

III. Элегіи. 73—78.

53. „Какъ чудныхъ странниковъ сказанья“ 75
54. „Когда гонимъ тоской неутолимой “ 78

IV. Три правды. 79—86.

55. Три правды (сказка) 81

СТРАН.

V. Рыбная ловля. 87—98.

56. Рыбная ловля 89

VI. Дурочка. 99—110.

57. Дурочка. (Идиллія) 101

VII. Дома. 111—160

58. Мать 113
59. Лѣтній дождь 116
60. Сѣнокосъ 117
61. Ночь на жнитвѣ 119
62. Въ степяхъ I. Ночная гроза 121
63. „ „ II. Разсвѣтъ 122
64. „ „ III. „Мой взглядъ теряется въ торжествен. просторѣ“ 123
65. „ „ IV. Полдень . . . . . —
66. „ „ V. Стрибожьи внуки 124
67. Нива 126
68. Картинка 128
69. Поля 131
70. Бабушка и Внучекъ 137
71. Упраздненный монастырь 145
72. Пѣсни 156
73. „Дорогъ мнѣ передъ иконой“ 159

VIII. Страны и народы. 161—233.

74. Разрушеніе Іерусалима 163
75. Изъ Петрарки 165
76. Мадонна 167
77. Менестрель 168
78. Приговоръ. Легенда о Констанскомъ соборѣ 171
79. Миньона (изъ Гете) 179
80. Поэтъ и цвѣточница. (Гетевская элегія) 181
81. Алексисъ и Дора. (Пересказъ Гетевской элегіи) 191
82. Конь. (Изъ сербскихъ пѣсенъ) 197
83. Пастухъ. Испанская легенда 199
84. Пѣвецъ (изъ Шамиссо) 204

стран.
85. Принцесса Шабашъ (изъ Гейне) 207
86. Двѣ бѣлорусскія пѣсни: 1. Петрусь 215
87. „ „ „ 2. „Ой сынки мои, соколы мои“ . . . 219
88. Сонъ Негра (изъ Лонгфелло) 220
89. Купальщицы (мелодія съ береговъ Ганга) 223
90. Изъ Турецкой антологіи 224
Изъ крымскихъ сонетовъ Мицкевича:
91. 1. Акерманскія степи 226
92. 2. Байдарская долина 227
93. 3. Алушта днемъ 228
94. Приданое 229
95. Въ альбомъ гр. Е. П. Р—й 231
96. Е. А. Ш—й 233

IX. Былины. 235—291.

97. Никогда! первая встрѣча славянъ съ римлянами 237
98. Любуша и Премыслъ (1871) 249
99. Сабля царя Вукашина. Изъ Сербскихъ народныхъ пѣсень (1870) 256
100. Сербская церковь. Сербское преданіе (1867) 263
101. Какъ отдарилъ турецкій султанъ московскаго царя. Изъ сербскихъ пѣсень (1867) 270
102. Сонъ королевича Марка. Сербское преданіе (1871) 278
103. Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ 282

X. Странникъ. 293—336.

104. Странникъ 295

XI. Изъ Апокалипсиса. 337—352.

105. Изъ Апокалипсиса 339

XII. Бальдуръ. 353—384.

106. Бальдуръ 355

XIII. Пульчинелль. 385—402.

107. Пульчинелль 387

СТРАН.

XIV. Слово о Полку Игоревѣ. 403—491.

1. Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ 405
2. Слово о Полку Игоревѣ 441
3. Объяснительныя примѣчанія къ Сл. о П. И. 470

Примѣчанія къ II тому 492

ПЕРЕВОДЫ и ВАРІАЦІИ.

ГЕЙНЕ.

Гейне.

(Прологъ).

Давно его мелькаетъ тѣнь
Въ садахъ поэзіи родимой,
Какъ въ рощѣ трепетный олень,
Врагомъ невидимымъ гонимый.
И скачемъ мы за нимъ толпой,
Коней ретивыхъ утомляя,
Звеня уздечкою стальной
И крикомъ воздухъ оглашая.
Олень бѣжитъ по ребрамъ горъ,
И съ горъ кидается стрѣлою
Въ туманы дремлющихъ озеръ,
Осеребренные луною...
И мы стоимъ у береговъ...
Въ туманахъ—замки, пѣсень звуки,
И благовонія цвѣтовъ,
И хохотъ, полный адской муки...

1857.

I.

Пора, пора за умъ мнѣ взяться!
Пора отбросить этотъ вздоръ,
Съ которымъ въ міръ привыкъ являться
Я, какъ напыщенный актеръ!
Смѣшно все въ мантіи иль тогѣ,
Съ партера не сводя очей,
Читать въ надутомъ монологѣ
Анализъ сердца и страстей!..

Такъ... но безъ ветоши ничтожной
Неловко сердцу моему!
Ему смѣшонъ былъ паѳосъ ложный;
Противенъ смѣхъ теперь ему!
Вѣдь все-жь, на память роль читая,
Въ ней вопли сердца я твердилъ
И, въ глупой сценѣ умирая,
Взаправду смерть въ груди носилъ!

1857.

II.

Сердце, сердце! что ты плачешь?
Иль судьба тебѣ страшна?
Полно! что зима отыметъ —
Все отдастъ тебѣ весна!

А вѣдь что̀ еще осталось!
Божій міръ не обойдешь!
Выбирай себѣ любое:
Что полюбишь — все возьмешь!

1857.

III.

Осенняго мѣсяца обликъ
Сквозитъ въ облакахъ серебромъ.
Стоитъ одинокъ на кладбищѣ
Пастора умершаго домъ.

Уткнулася въ книгу старуха;
Сынъ тупо на свѣчку глядитъ;
Двѣ дочки сидятъ, сложа руки;
Зѣвнувши, одна говоритъ:

„Вотъ скука-то, Господи Боже!
Въ тюрьмѣ веселѣе живутъ!
Здѣсь только и есть развлеченья,
Какъ гробъ съ мертвецомъ принесутъ!“

Старуха въ отвѣтъ проронила:
— „Всего четверыхъ принесли

Съ тѣхъ поръ, какъ отца схоронили...
Охъ, дни-то какъ скоро прошли!“

Тутъ старшая дочка очнулась.
„Нѣтъ полно! не въ мочь голодать!
Отправлюсь-ка лучше я къ графу!..
Съ терпѣньемъ-то нечего взять!..“

И вторитъ ей братъ, оживившись:
—„И дѣло! а я такъ въ шинокъ,
У добрыхъ людей научиться
Казной набивать кошелекъ!“

Въ лицо ему книгу швырнула
Старуха, не помня себя:
—„Издохни ты лучше, проклятый!
Отецъ бы услышалъ тебя!“

Вдругъ всѣ на окно оглянулись,
Оттуда рука имъ грозитъ:
Умершій пасторъ передъ ними
Во всемъ облаченьѣ стоитъ...

1857.

IV.

Не теряй, мой другъ, терпѣнья,
Что въ стихахъ моихъ порой
Слышно старое мученье,
Вѣетъ прежнею тоской!..

Дай, умолкнетъ въ сердцѣ эхо
Прежнихъ бѣдъ и мукъ моихъ —
Полонъ счастья, полонъ смѣха,
Изъ души польется стихъ.

1857.

V.

Много слышалъ добрыхъ я совѣтовъ,
Наставленій, ласки и обѣтовъ;
Говорили: „только не ропщите,
Мы ужь васъ поддержимъ, погодите!“

Я повѣрилъ, ждалъ, заботы кинулъ,
И едва отъ голоду не сгинулъ...
Да нашелся добрый человѣкъ,
Поддержалъ, спасибо, онъ мой вѣкъ.

Каждый день онъ хлѣба мнѣ приноситъ,
И въ награду ничего не проситъ...
Обнялъ бы его я — да нельзя!
Человѣкъ-то добрый этотъ — я.

1852.

VI.

На морѣ.

Тишь и солнце! спятъ пучины,
Чуть волною шевеля;
Изумрудныя морщины
Вкругъ бѣгутъ отъ корабля.

Въ штиль о морѣ не тревожась,
Спитъ, какъ мертвый, рулевой.
Весь въ дегтю, у мачты съежась,
Мальчикъ чинитъ холстъ худой.

Съ грязныхъ щекъ румянецъ пышетъ;
Ротъ, готовый всхлипнуть, сжатъ;
Грудь все чаще, чаще дышетъ,
Лобъ наморщенъ, поднятъ взглядъ:

Передъ нимъ, багровъ отъ водки,
Капитанъ стоитъ, вопя:
„Негодяй! ты — красть селедки!
Вотъ я вышколю тебя!“

Тишь и солнце!.. Въ влагѣ чистой
Рыбка прыгаетъ; кольцомъ
Вьетъ свой хвостикъ серебристый,
Шутитъ съ солнечнымъ лучомъ.

Вдругъ по небесамъ пустыннымъ
Свищетъ чайка какъ стрѣла,
И, нырнувши клювомъ длиннымъ,
Съ рыбкой въ небо поплыла.

1857.

VII.

Осердившись, кастраты,
Что я грубо пою,
Злобнымъ рвеньемъ объяты,
Пѣснь запѣли свою.

Голоса ихъ звенѣли,
Какъ чистѣйшій кристалъ;
Въ ихъ руладѣ и трели
Колокольчикъ звучалъ;

Чувства въ дивныхъ ихъ звукахъ
Было столько, что вкругъ
Въ истерическихъ мукахъ
Выносили старухъ.

1857.

VIII.

Ну, время! конца не дождешься!
И ночь-то! и дождикъ-то льетъ!
Къ окну подойдешь, содрогнешься,
И за сердце злоба возьметъ.

А вонъ — съ фонаремъ черезъ лужи
Вѣдь вышелъ-же кто-то бродить...
Старушка-сосѣдка! дрожитъ, чай отъ стужи,
Да надобно мучки купить.

Чай, хочетъ, бѣдняжка, для дочки, для крошки
Пирогъ она завтра испечь...
А дочка, поджавши лѣнивыя ножки,
Изволили въ кресла залечь...

И щурятъ на свѣчку глазенки...
И рады, что пусто вокругъ,
Лепечутъ, шаля, ихъ губенки
Завѣтное имячко вслухъ.

1857.

IX.

Плачу я, въ лѣсу блуждая.
Дроздъ за мной по вѣткамъ скачетъ,
На меня онъ все косится
И щебечетъ: „что онъ плачетъ?“

— „Ты спроси своихъ сестричекъ
Умныхъ ласточекъ спроси ты,
У которыхъ гнѣзды прямо
Надъ окошкомъ милой свиты!“

1857.

X.

Сіялъ одинъ мнѣ въ жизни,
Одинъ чудесный ликъ!
Но онъ угасъ—и мракомъ
Я былъ затопленъ вмигъ...

Когда дѣтей внезапно
Въ лѣсу застигнетъ ночь,
Они заводятъ пѣсню,
Чтобъ ужасъ превозмочь;

И я, чтобы не думать,
Пою среди людей...
Скучна имъ эта пѣсня—
Да мнѣ не страшно съ ней!

1857.

XI.

Я вглядываюсь жадно
Въ портретъ ея нѣмой —
И, мнится, оживаетъ,
Она передо мной;

Глядитъ мнѣ прямо въ очи,
Съ улыбкой и слезой,
И, точно сожалѣя,
Качаетъ головой...

Невольно слезы льются
Изъ глазъ моихъ въ отвѣтъ...
Не вѣрится! ужели
Ея ужь больше нѣтъ!...

1856.

XII.

Одинокая слезка
По ланитамъ прокралась...
Лишь одна отъ былого
Мнѣ она оставалась...

Ея свѣтлыя сестры —
Ихъ развѣяли годы!
Съ ними радость и горе
Унесли непогоды...

Расплылися въ туманы
Прежнихъ звѣздъ миріады,
Проливавшихъ такъ много
Мнѣ на сердце отрады...

Въ самомъ сердцѣ ужь нѣту
На любовь отголоска...
Ужь и ты проливайся,
Одинокая слезка!

1857.

XIII.

Въ толпѣ опять я слышу пѣсню,
Что пѣла милая когда-то...
Ахъ, въ это праздничное солнце
Еще страшнѣй ея утрата!

И, уронить бояся слезы,
При всѣхъ я очи потупляю,
И въ лѣсъ спѣшу, но за слезами
Едва дорогу различаю...

1857.

XIV.

Что за милый это мальчикъ!
Какъ онъ радъ всегда поэту
Предложить отвѣдать устрицъ,
Сдѣлать честь его Моэту!

Вѣчно — фракъ и бѣлый галстухъ;
Тонъ хорошаго сословья;
По утрамъ ко мнѣ онъ ходитъ
О моемъ узнать здоровьѣ;

О моей хлопочетъ славѣ,
Остроты мои сбираетъ;
Мнѣ въ дѣлахъ или въ бездѣльѣ
Услужить не пропускаетъ;

Декламируетъ въ салонахъ,
Дамъ плѣняя слухъ и взгляды,
Изъ моихъ твореній дивныхъ
Вдохновенныя тирады...

О, такіе люди — рѣдкость —
Хоть смѣшны порой, какъ дѣти,
Въ вѣкъ, когда ужь лучшихъ нѣту
Да выводятся и эти!

1856.

XV.

Мнѣ снилось: на рынкѣ, въ народѣ,
Я встрѣтился съ милой моей;
Но — какъ она шла боязливо,
Какъ бѣдно все было на ней!

Въ лицѣ исхудаломъ и блѣдномъ,
Съ своею рѣсницей густой,
Глаза только прежніе были,
И чудной сіяли душой.

У ней на рукѣ былъ ребенокъ;
За палецъ держась, поспѣвать
За нею другой торопился —
Румяный... какъ нѣкогда мать...

И съ ними пошелъ я, тоскливо
Потупивши въ землю глаза,
Въ груди моей точно проснулись
Подавленныхъ чувствъ голоса.

„Пойдемъ“, я сказалъ ей, „жить вмѣстѣ;
Я няньчиться буду съ тобой,
Ходить за дѣтьми и работать,
И вновь разцвѣтешь ты душой!“

Она подняла ко мнѣ очи,
И очи сказали безъ словъ,
Одной только грустью: „ужь поздно!“
И я зарыдать былъ готовъ...

И въ очи смотрѣли ей дѣти,
Вдругъ обняли мать горячо...
Ихъ крикъ уязвилъ мою душу...
Вдругъ слышу, меня за плечо

Хватаетъ еврей, мой издатель:
„Побѣда!“ кричитъ, „торжество!
Въ три дня разошлось все изданье...“
О, какъ же я проклялъ его!..

1857.

XVI.

Меня ты не смутила,
Мой другъ, своимъ письмомъ.
Грозишь со мной все кончить —
И пишешь — цѣлый томъ!

Такъ мелко и такъ много...
Читаю битый часъ...
Не пишутъ такъ пространно
Рѣшительный отказъ!

1857.

XVII.

Ее въ грязи онъ подобралъ;
Чтобъ все достать ей, красть онъ сталъ;
Она въ довольствѣ утопала
И надъ безумцемъ хохотала.

И шли пиры... но дни текли —
Вотъ утромъ разъ за нимъ пришли;
Ведутъ въ тюрьму... Она стояла
Передъ окномъ и — хохотала.

Онъ изъ тюрьмы ее молилъ:
„Я безъ тебя душой изнылъ,
Приди ко мнѣ!“ — Она качала
Лишь головой и — хохотала.

Онъ въ шесть поутру былъ казненъ,
И въ семь во рву похороненъ, —
А ужь къ восьми она плясала,
Пила вино и хохотала.

1857.

XVIII.

Невольникъ.

Каждый день въ саду гарема,
У шумящаго фонтана,
Гордымъ лебедемъ проходитъ
Дочь великаго султана.

У шумящаго фонтана,
Блѣдный, съ впалыми щеками,
Каждый разъ стоитъ невольникъ
И слѣдитъ за ней очами.

Разъ она остановилась,
Подняла глаза большіе
И отрывисто спросила:
„Имя? родина? родные?“

— „Магометъ“, сказалъ невольникъ:
„Еменъ — родина, а кровью
Я изъ Афровъ, родъ, въ которомъ
Рядомъ смерть идетъ съ любовью.“

1856.

XIX.

На мольбы мои упорно
Нѣтъ и нѣтъ ты говоришь,
А скажу ль: ну, такъ простимся!
Ты рыдаешь и коришь...

Рѣдко я молюсь, о Боже!
Успокой ее ты разомъ!
Осуши ея ты слезы,
Просвѣти ея ты разумъ!

1857.

XX.

Лилія.

Отъ солнца лилія пугливо
Головкой прячется своей,
Все ночи ждетъ, все ждетъ тоскливо —
Взошелъ бы мѣсяцъ поскорѣй.

Ахъ, этотъ мѣсяцъ тихимъ свѣтомъ
Ее пробудитъ ото сна
И — всѣмъ дыханьемъ, полнымъ цвѣтомъ,
Къ нему запросится она...

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ,
И — всѣ раскрывши лепестки,
Благоухаетъ и трепещетъ
Отъ упоенья и тоски.

1857.

XXI.

Чайльдъ Гарольдъ.

Челнъ плыветъ, одѣтый въ трауръ,
И, подобныя тѣнямъ,
Похоронныя фигуры
Въ этомъ челнѣ по бортамъ.

Передъ ними — трупъ поэта;
Съ непокрытой головой
Все онъ въ небо голубое
Смотритъ мертвый, какъ живой...

Даль звенитъ... Кого-то кличетъ
Точно нимфа изъ-за волнъ...
Точно всхлипываютъ волны
Лобызать кидаясь челнъ.

1857.

XXII.

Ночи теплый мракъ гвоздики
Благовоніемъ поятъ;
Точно рой златистыхъ пчелокъ,
Звѣзды на небѣ блестятъ.

Въ бѣломъ домикѣ, сквозь зелень
Вижу, гаснетъ огонекъ;
Слышу стукъ стеклянной двери,
Слышу милый голосокъ...

Сладкій трепетъ; робкій шопотъ,
Нѣга счастья и любви...
И — внимательнѣе розы,
Вдохновеннѣй соловьи.

1857.

XXIII.

Онъ ужь снился мнѣ когда-то
Этотъ самый сонъ любви!..
Воздухъ, полный аромата...
Поцѣлуи... соловьи...

Такъ же мѣсяцъ всплылъ двурогій,
И бѣлѣетъ водопадъ...
Такъ же мраморные боги
Сторожатъ у входа въ садъ...

Ахъ! я знаю, какъ жестоко
Измѣняютъ эти сны!
Какъ заноситъ снѣгъ глубоко
Поле, полное весны...

Какъ мы сами сонъ свой губимъ,
Забываемъ и клянемъ,—
Мы, которые такъ любимъ,
И блаженствомъ жизнь зовемъ!..

1857.

XXIV.

Чуднымъ звукомъ даже ночи
Наполняетъ мнѣ весна,
И въ мечтахъ моихъ, какъ эхо,
Отзывается она.

Точно въ сказочномъ я мірѣ...
Все мнѣ чудно—шумъ листовъ,
Пѣнье птичекъ-невидимокъ,
Ароматъ ночныхъ цвѣтовъ.

Розы кажутся краснѣе,
И вокругъ головокъ ихъ
Точно ро́злито сіянье,
Какъ вкругъ ангеловъ святыхъ.

Самъ я—кажется въ ту пору —
Самъ я точно соловей,
И пою я этимъ розамъ
Всю тоску любви моей.

И пою я имъ до солнца,
Иль пока не грянетъ самъ
Соловей весенней рощи
Вызовъ къ братьямъ-соловьямъ.

1857.

XXV.

Король Гаральдъ.

Король Гаральдъ на днѣ морскомъ.
Сидитъ ужь вѣкъ, сидитъ другой.
Съ своей возлюбленной вдвоемъ,
Съ своей царевною морской.

Сидитъ онъ, чарой обойденъ,
Не умирая, не живя;
Въ блаженствѣ тихо замеръ онъ;
Лишь сердце жжетъ любви змѣя.

Склонясь къ коварной головой,
Онъ въ очи демонскія ей
Глядитъ все съ вящею тоской,
Глядитъ все глубже, все страстнѣй.

Онъ, какъ пергаменъ, пожелтѣлъ,
Въ сухой щекѣ скула торчитъ;
Златистый локонъ посѣдѣлъ,
И только взглядъ горитъ, горитъ...

И лишь когда гроза гремитъ,
И вкругъ хрустальнаго дворца
Хлябь, зеленѣя, закипитъ, —
Очнется бранный духъ бойца;

Въ шуму и плескѣ слышитъ онъ
Норманновъ о́кликъ удалой —
И схватитъ мечъ, какъ бы сквозь сонъ,
И кинетъ прочь, махнувъ рукой.

Или когда надъ нимъ заря
Румянитъ сводъ прозрачныхъ водъ,
Онъ слышитъ пѣснь, какъ встарь моря
Гаральдъ браздилъ средь непогодъ,—

Его встревожитъ пѣсня та;
Но злая дѣва сторожитъ,
И быстро алыя уста
Къ его устамъ прижать спѣшитъ.

1857.

XXVI.

Али-Бей.

Али-Бей, герой ислама,
Упоенный сладкой нѣгой,
На коврѣ сидитъ въ гаремѣ,
Между женъ своихъ прекрасныхъ.

Что игривыя газели
Эти жены: та рукою
Бородой его играетъ,
Та разглаживаетъ кудри,

Третья, въ лютню ударяя,
Передъ нимъ поетъ и пляшетъ,
А четвертая, какъ кошка,
У него прижалась къ сердцу...

Только вдругъ гремятъ литавры,
Барабаны бьютъ тревогу:
„Али-Бей! вставай на битву!
Франки выступили въ поле!“

На коня герой садится,
Въ бой летитъ, но мыслью томной
Все еще въ стѣнахъ гарема
Между женъ своихъ витаетъ, —

И межь тѣмъ какъ рубитъ Франковъ,
Улыбается онъ сладко
Милымъ призракамъ, и въ битвѣ
Отъ него не отходящимъ...

XXVII.

Ты вся въ жемчугахъ и алмазахъ!
Богатство—вѣнецъ красоты!
При этомъ—чудесные глазки...
Ужель недовольна все ты?

На эти чудесные глазки
Я риѳмы сплеталъ какъ цвѣты,
И вышли—безсмертныя пѣсни...
Ужель недовольна все ты?

Ахъ! эти чудесные глазки
Огнемъ роковымъ налиты...
Отъ нихъ я совсѣмъ погибаю...
Ужель недовольна все ты?

1865.

XXVIII.

Изъ моей великой скорби
Пѣсни малыя родятся,
И, звеня, на легкихъ крыльяхъ,
Свѣтлымъ роемъ, къ милой мчатся.

Покружася надъ прекрасной,
Возвращаются и плачутъ...
Не хотятъ сказать, малютки,
Мнѣ, что слезы эти значутъ...

1857.

XXIX.

Посмотри: во всемъ доспѣхѣ
Мужъ, готовый выйдти въ бой;
Онъ ужь бредитъ объ успѣхѣ,
Мечъ свой пробуя стальной.

Вдругъ Амуровъ рой крылатый
Съ толку сбилъ его совсѣмъ:
Кто разстегиваетъ латы,
Кто съ главы срываетъ шлемъ;

Кто съ улыбкою лукавой,
Пальчикъ къ губкамъ приложивъ,
Шепчетъ на ухо—и славы
Позабытъ святой призывъ.

Узнаешь ли въ этой сценѣ,
Милый ангелъ мой, меня?
Вѣкъ зоветъ, бойцы въ аренѣ,
А—въ твоихъ объятьяхъ я!

1857.

XXX.

Ты быстро шла, но предо мною
Вдругъ оглянулася назадъ...
Какъ будто спрашивали гордо
Уста открытыя и взглядъ...

Къ чему ловить мнѣ было бѣлый,
По вѣтру бившійся покровъ?..
А эти маленькія ножки...
Къ чему искалъ я ихъ слѣдовъ!..

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна,
Такъ возмутительно покорна,
И такъ убійственно скучна!

1857.

XXXI.

Весною.

Сверкая, проносятся волны рѣки...
Такъ любится сердцу весною!..
Пася свое стадо, сплетаетъ вѣнки
Румяная дѣва одна надъ рѣкою.

И солнце и зелень! и жжетъ и томитъ!..
Такъ любится сердцу весною!..
„Кому же вѣнки?“ кто-то въ слухъ ей твердитъ—
И мчится мечта за мечтою...

Вотъ слышится топотъ... вотъ всадникъ летитъ,
И перьями вѣетъ, и блещетъ онъ сталью..
Робѣетъ малютка, и ждетъ и молчитъ —
Но мигъ — и онъ скрылся за синею далью!..

И плачетъ и мечетъ въ златыя струи
Бѣдняжка вѣнки, съ уязвленной душою...
А гдѣ-то запѣлъ соловей о любви...
Такъ любится сердцу весною!..

1857.

XXXII.

На горахъ гарца.

Раскрывайся, міръ преданій!
Приготовься, сердце, къ нимъ,
Къ сладкимъ пѣснямъ, тихимъ грезамъ,
Къ вдохновеньямъ золотымъ!

И иду въ лѣса густые,
Доберусь до замка я,
На которой устремляетъ
Первый нѣжный лучъ заря.

Тамъ среди сѣдыхъ развалинъ,
Какъ живые, предо мной
Встанутъ дней минувшихъ люди
Съ прежней свѣжею красой...

Вотъ онъ, вотъ! надъ нимъ, какъ прежде,
Полны блеску небеса,
А внизу — въ волнахъ тумана
Словно плаваютъ лѣса...

Но травой покрыта площадь,
Гдѣ счастливецъ побѣждалъ,
И побѣды призъ у лучшихъ,
Можетъ быть, перебивалъ...

Плющъ виситъ кругомъ балкона,
Гдѣ склонялась на скамью
Побѣдившая очами
Побѣдителя въ бою...

Ахъ! и рыцаря, и даму,
Смерть давно ужь унесла...
Всѣхъ насъ этотъ черный рыцарь
Вышибаетъ изъ сѣдла!

1868.

XXXIII.

Романъ въ пяти стихотвореніяхъ.

1.

Инеемъ снѣжнымъ, какъ ризой, покрытъ,
Кедръ одинокій въ пустынѣ стоитъ.
Дремлетъ, могучій, подъ пѣснями вьюги,
Дремлетъ и видитъ — на пламенномъ югѣ
Стройная пальма ростетъ и, съ тоской,
Смотритъ на сѣверъ его ледяной.

2.

Давно задумчивый твой образъ,
Какъ сонъ, носился предо мной,
Все съ той же кроткою улыбкою —
Но — блѣдный, блѣдный и больной,..

Одни уста еще алѣютъ,
Но прикоснется смерть и къ нимъ,
И все небесное угаситъ
Въ очахъ лобзаньемъ ледянымъ.

3.

Въ легкомъ челнѣ мы съ тобою
Плыли по быстрымъ волнамъ...
Тихая ночь навѣвала
Грезы блаженныя намъ...

Островъ стоялъ, какъ видѣнье
Луннымъ лучомъ осіянъ;
Пѣсни оттуда звучали
Сквозь серебристый туманъ.

Пѣсни туда насъ манили...
Но, и сильна, и темна,
Въ море, въ широкое море
Грозно влекла насъ волна.

4.

Любовь моя — страшная сказка,
Со всѣмъ, что есть дикаго въ ней,

Съ таинственнымъ блескомъ и бредомъ,
Созданіе жаркихъ ночей.

Вотъ — „рыцарь и дѣва гуляли
„Въ волшебномъ саду межь цвѣтовъ...
„Кругомъ — соловьи грохотали
„И мѣсяцъ свѣтилъ сквозь деревъ...

„Нѣма была дѣва, какъ мраморъ...
„Къ ногамъ ея рыцарь приникъ...
„И вдругъ великанъ къ нимъ подходитъ,
„Исчезла красавица въ мигъ...

„Упалъ окровавленный рыцарь...
„Исчезъ великанъ“... а потомъ...
Потомъ... Вотъ когда похоронятъ
Меня — то и сказка съ концомъ!..

5.

Здѣсь мѣсто есть... Самоубійцъ
Тѣла тамъ зарываются...
На мѣстѣ томъ плакунъ-трава
Одна, какъ тѣнь, качается...

Я тамъ стоялъ... душа моя
Тоскою надрывалася...
Плакунъ-трава, въ лучахъ луны,
Таинственно качалася.

1867.

XXXIV.

Они о любви говорили
За чайнымъ блестящимъ столомъ.
Изяществомъ дамы сіяли,
Мужчины — тончайшимъ умомъ.

„Любовь въ платоническомъ чувствѣ",
Замѣтилъ совѣтникъ въ звѣздахъ.
Совѣтница зло улыбнулась,
Однако промолвила: „ахъ!"

Въ отвѣтъ ему толстый каноникъ:
„Любить надо въ мѣру, затѣмъ—
Что иначе—вредъ для здоровья."
Княжна проронила: „а чѣмъ?"

Съ улыбкой давая барону
Душистаго чаю стаканъ,
Графиня сказала протяжно:
„Амуръ — безпощадный тиранъ!“

За чаемъ еще было мѣсто:
Тебѣ бъ тамъ, малютка, засѣсть,
И, слушая только сердечка,
Урокъ о любви имъ прочесть.

1867.

XXXV.

„Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!
Сколько яду, желчи, зла!..“
Что жь мнѣ дѣлать! сколько яду
Въ жизнь мою ты пролила!

„Сколько яду въ этихъ пѣсняхъ!“
Что жь мнѣ дѣлать, жизнь моя!
Столько змѣй ношу я въ сердцѣ,
Да и сверхъ того—тебя!

1867.

XXXVI.

Краса моя, рыбачка,
Причаль сюда челнокъ,
Садись, рука съ рукою,
Со мной на бережокъ.

Прижмись ко мнѣ головкой,
Не бойся ничего!
Ввѣряешься жь ты морю —
Страшнѣе ль я его?

Ахъ, сердце — тоже море!
И бьется и бурлитъ,
И также дорогія
Жемчужины таитъ!

1867.

XXXVII.

Лорелея.

Бѣда ли, пророчество ль это...
Душа такъ уныла моя,
А старая, страшная сказка
Преслѣдуетъ всюду меня...

Все чудится Рейнъ быстроводный,
Надъ нимъ ужь туманы летятъ,
И только лучами заката
Вершины утесовъ горятъ.

И чудо-красавица дѣва
Сидитъ тамъ въ сіяньѣ зари,
И чешетъ златымъ она гребнемъ
Златистыя кудри свои.

И вся-то блеститъ и сіяетъ,
И чудную пѣсню поетъ:
Могучая, страстная пѣсня
Несется по зеркалу водъ...

Вотъ ѣдетъ челнокъ... и внезапно
Охваченный пѣснью ея,
Пловецъ о рулѣ забываетъ
И только глядитъ на нее...

А быстрыя воды несутся...
Погибнетъ пловецъ средь зыбей!
Погубитъ его Лорелея
Чудесною пѣснью своей!..

1867.

XXXVIII.

Auf Flügeln des Gesanges.

Поэзіи геній крылатый,
Незримой воздушной стезей,
Въ край солнца, къ источникамъ Ганга,
Умчитъ насъ, мой ангелъ, съ тобой!

Въ глубокой, цвѣтущей долинѣ,
Въ виду неприступныхъ снѣговъ,
Ты явишься пышной царицей
Роскошнѣйшихъ въ мірѣ цвѣтовъ!

Тамъ пѣнные съ горъ водопады
И шелестъ волны въ тростникѣ
Толпы богомольцевъ, идущихъ
Омыться въ священной рѣкѣ.

Все чудныя сказки намъ скажетъ
Про войны людей и духовъ,
Про женъ, исторгавшихъ супруговъ
Изъ челюстей адскихъ боговъ...

Услышимъ мы вопль ихъ страданій,
И вдругъ—въ ихъ далекой любви,
Сквозь бездну вѣковъ—мы узнаемъ
Любовь и страданья свои...

1867.

XXXIX.

Нежданной молніей, вполнѣ
Открывшей мнѣ тотъ мракъ глубокій,
Гдѣ чуть дышу я, были мнѣ
Тобой начертанныя строки...

Среди обломковъ, ты одна
Въ моемъ минувшемъ—образъ ясный,
Какъ мраморъ божески-прекрасный,
Но и какъ мраморъ холодна!..

О, каковы жь мои мученья!..
Вдругъ этотъ мраморъ тронутъ! онъ
Заговорилъ! и сожалѣнья
Слезою теплой окропленъ!..

А ты, мой Богъ! тебя напрасно
Молю я: узелъ развяжи,
Дай мнѣ покой, и положи
Конецъ трагедіи ужасной!

1866.

XL.

Конецъ! опущена завѣса!
Къ разъѣзду публика спѣшитъ...
Ну что жь? успѣхъ имѣла пьеса?
О, да! въ ушахъ моихъ звучитъ
Еще доселѣ страстный шопотъ,
И крикъ, и вызовы, и топотъ...
Ушли... и зала ужь темна,
Огни потухли... тишина...

Чу! что-то глухо прозвенѣло
Во тьмѣ близь сцены опустѣлой...
Иль это лопнула струна
На старой скрипкѣ?.. Тамъ что? крысы
Грызутъ ненужныя кулисы...

И лампы гаснутъ и чадитъ
Отъ нихъ дымящееся масло...
Одна осталась... вотъ—шипитъ,
Шипитъ... чуть тлѣетъ... и угасла...
Ахъ, эта лампа... то, друзья,
Была, увы! душа моя.

1857.

ИСКУССТВО.

I.

Уйди отъ насъ! языкъ твой насъ пугаетъ!
У насъ сердецъ восторженныхъ порывъ
Передъ твоимъ бездушьемъ замираетъ —
Ты желченъ, золъ, самолюбивъ...
Межь тѣмъ какъ мы, изъ жизненнаго мрака,
Стряхнувши прахъ вседневной суеты,
Вступаемъ въ царство свѣта — сзади ты,
За икры насъ кусаешь, какъ собака.

1852.

II.

(Отрывокъ).

Надъ прахомъ генія свершать святую тризну
Народъ притекъ. Кто холмъ цвѣтами осыпалъ,
Кто звучные стихи усопшаго читалъ,
Гдѣ радовался онъ и плакалъ за отчизну;
И каждый повторялъ, съ слезами на глазахъ:
„Да, чувства добрыя онъ пробуждалъ въ сердцахъ!“
Но вдругъ среди толпы ужасный крикъ я внемлю...
То на-земь кинулся какъ жердь сухой старикъ.
Онъ корчился, кусалъ и рылъ ногтями землю,
И пѣну ярости точилъ его языкъ.
Его никто не зналъ. Но старшіе въ народѣ
Припомнили, что то былъ старый клеветникъ,
Изъ тѣхъ, чья ненависть и немощная злоба
Шли слѣдомъ за пѣвцомъ, не смолкли и у гроба,

Дерзая самый судъ потомства презирать.
И вотъ, поднявшися и бормоча безъ связи,
На холмъ могильный сталъ кидать онъ комья грязи;
Народъ, схвативъ его, готовъ былъ растерзать,
Но Вождь мой удержалъ. „Вашъ гнѣвъ пѣвца обидитъ“,
Сказалъ: „Стекайтеся, какъ прежде, совершать
Поминки надъ пѣвцомъ, и гробъ его вѣнчать,
А сей несчастный—пусть живетъ и видитъ!“

1855.

III.

На смерть М. И. Глинки.

Ещe печаль! опять утрата!
Опять вопросъ въ душѣ занылъ
Надъ прахомъ бѣднаго собрата:
Куда жь онъ шелъ? зачѣмъ онъ жилъ?

Ужель затѣмъ, чтобъ сердца муки
На пѣсни намъ перевести,
Намъ дать въ забаву эти звуки,
И неразгаданнымъ уйти?...

Я эти звуки повторяю—
Но пѣснямъ, милымъ съ давнихъ дней,
Уже иначе я внимаю...
Онѣ звучатъ уже полнѣй...

Какъ будто въ нихъ теперь всецѣло
Вошла, для жизни безъ конца,
Душа, оставившая тѣло
Ихъ бездыханнаго творца.

1857.

IV.

Эоловы арфы.

Засуха!... Воздухъ спитъ... и небеса молчатъ...
И арфъ эоловыхъ безмолвенъ грустный рядъ...
Тѣ арфы — это вы, пѣвцы моей отчизны!
То образъ вашихъ душъ, исполненныхъ тоской,
Мечтой заоблачной и грустной укоризной!..
Молчатъ онѣ, молчатъ, какъ арфы, въ этотъ зной!..
Но, если бъ мимо ихъ промчался вихремъ геній,
И жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ —
На встрѣчу новыхъ силъ и новыхъ откровеній
Какими бъ звуками откликнулись онѣ!..

1856.

V.

Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ;
Поэтъ ужь въ первую минуту ихъ рожденья
Въ нихъ чуетъ сѣмена грядущаго творенья.
Онѣ какъ будто спятъ, и зрѣютъ въ тихомъ снѣ,
И ждутъ мгновенія, чьего-то ждутъ лишь знака,
Удара молніи, чтобъ вырваться изъ мрака...
И сходишь къ 'нимъ порой украдкой и тайкомъ,
Стоишь, любуешься таинственнымъ ихъ сномъ,
Какъ мать, стоящая съ заботою безмолвной
Надъ спящими дѣтьми, въ свѣтлицѣ, тайны полной...

1868.

VI.

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони;
Богиня строгая — ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...

Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ — огнемъ души твоей!..

Исполненъ радости, иль гнѣва, иль печали,
Пусть вдругъ онъ выступитъ изъ тьмы передъ тобой —
И ту разсѣетъ тьму — прекрасный самъ собой
И безконечностью за нимъ лежащей дали...

1869.

VII.

Сидѣли старцы Иліона
Въ кругу у городскихъ воротъ;
Ужь длится града оборона
Десятый годъ, тяжелый годъ!
Они спасенья ужь не ждали,
И только павшихъ поминали,
И ту, которая была
Виною бѣдъ ихъ — проклинали:
„Елена! ты съ собой ввела
„Смерть въ наши домы! ты намъ плѣна
„Готовишь цѣпи!!!..“
Въ этотъ мигъ
Подходитъ медленно Елена,
Потупя очи къ сонму ихъ;

Въ ней дѣтская сіяла благость,
И думы легкой чистота;
Самой была какъ будто въ тягость
Ей роковая красота...
Ахъ, и сквозь облако печали
Струится свѣтъ ея лучей...
Невольно, смолкнувъ, старцы встали
И разступились передъ ней.

1869.

ЭЛЕГІИ.

I.

Какъ чудныхъ странниковъ сказанья
Про дальніе края,
О прошлыхъ дняхъ воспоминанья
Въ душѣ читаю я...

Какъ сонъ блестящій, вижу горы,
Статуи, рядъ дворцовъ,
Рѣзные, темные соборы
Старинныхъ городовъ...

Гремятъ веселые напѣвы
За дружескимъ столомъ;
Въ златомъ туманѣ идутъ дѣвы
Подъ розовымъ вѣнкомъ...

Но клики пира, дѣвъ улыбки
Меня не веселятъ,
И прежде милыя ошибки
Соблазномъ не манятъ...

Иного счастья сердце проситъ...
Ужь изъ знакомыхъ водъ
Въ иныя воды вѣтеръ вноситъ
Мой челнъ; волна реветъ;

Кругомъ угрюмѣй видъ природы,
И звѣздъ иныхъ огнемъ
Небесъ таинственные своды
Осыпаны кругомъ...

Къ нимъ такъ и тянетъ взоръ мой жадный,
Но ихъ спокойный видъ,
Ихъ блескъ холодный, безотрадный
Мнѣ душу леденитъ!

За все, чѣмъ прежде сердце жило,
Чѣмъ билось, я дрожу,
И въ даль туманную уныло,
Оставивъ руль, гляжу,—

И не садится ангелъ бѣлый
Къ рулю въ мой утлый челнъ,
Какъ въ оны дни, когда такъ смѣло
Онъ велъ его средь волнъ...

1857.

II.

Когда гонимъ тоской неутолимой,
Войдешь во храмъ и станешь тамъ въ тиши,
Потерянный въ толпѣ необозримой,
Какъ часть одной страдающей души:
Невольно въ ней твое потонетъ горе,
И чувствуешь, что духъ твой вдругъ влился
Таинственно въ свое родное море,
И за-одно съ нимъ рвется въ небеса...

1857.

ТРИ ПРАВДЫ.

Три правды.

Сказка.

Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ.
Вышелъ разъ онъ въ садъ послѣ обѣда,
А въ саду для птицъ стояли сѣти;
Видитъ онъ, что въ сѣть попалась птичка,
Птичка-крошка, вся почти съ наперстокъ.
Онъ изъ сѣти высвободилъ птичку,
Въ руки взялъ, и что̀ же — птичка
Говоритъ ему по-человѣчьи:
„Отпусти-ка ты меня, хозяинъ,
Я тебѣ за то скажу три правды.
Съ этими ты правдами на свѣтѣ
Наживешь и денегъ и почету,
И на зависть всѣмъ пойдешь все въ гору!“

„Чудеса Господни, да и только!
Думаетъ купчина,—эко диво!
Говоритъ по-человѣчьи птица!“
—„Хорошо, сказалъ онъ ей, посмотримъ,
Каковы твои три птичьи правды!
Скажешь дѣло—выпущу на волю.“

—„Ну, такъ слушай, молвила пичуга:
Плачь не плачь, что̀ было—не воротишь;
Не тянись за тѣмъ, что̀ не подъ-силу;
И не вѣрь чужимъ словамъ и толкамъ!
Вотъ тебѣ и всѣ мои три правды.“

—„Ну, сказалъ купецъ, оно не много,
И въ торговлѣ—тертая монета!
Плачь не плачь, что̀ было—не воротишь;
Гдѣ ты, значитъ, лишнее просадишь,
Хоть расплачься, не поможешь горю;
Лучше ты возьмись за умъ, за разумъ,
Да гляди ужь въ оба: знаемъ это!
Не тянись за тѣмъ, что̀ не подъ-силу:
Мало ль тутъ у насъ ошмыгъ то ходитъ!
Торговалъ лѣтъ двадцать, сбилъ копѣйку,
Да и ухнулъ, за рублемъ погнавшись—

Не учить насъ стать и этой правдѣ!
А—*не вѣрь людскимъ словамъ и толкамъ:*
Ужь на что̀ жь еще и поддѣваютъ
Дураковъ изъ нашенскаго брата!
Нѣтъ ужь, не сули орлицу въ небѣ,
А подай ты мнѣ синицу въ руки —
Мы на этомъ, тетка, зубы съѣли!..
Ну, такъ какъ же! что съ тобой мнѣ дѣлать?
Ты сама то проку небольшого —
Аль пустить ужь уговора ради?
Ну, ступай себѣ, Господь съ тобою!"

И пустилъ купецъ на волю птичку;
Заложилъ самъ за спину онъ руки,
И пошелъ тихонько по дорожкѣ.
Только птичка все надъ нимъ летаетъ,
Подъ носомъ шмыгнетъ, на вѣтку сядетъ,
И звенитъ-гремитъ, что колокольчикъ,
И, выходитъ, словно какъ смѣется.
„Ты никакъ, купецъ спросилъ, смѣешься?"

—„Ничего! пичуга отвѣчала —
Я смѣюсь на вашу братью глядя.
Вотъ хоть ты: будь на волосъ умнѣе,

Ты бы первый былъ богачъ на свѣтѣ;
Еслибъ ты моихъ не слушалъ басень,
А пошелъ, да распоролъ мнѣ брюхо,
Ты во мнѣ нашелъ бы брилліантикъ—
Не соврать-сказать — величиною
Что яйцо куриное! не меньше!
А о томъ вѣдь только чай и мысли,
Чтобъ весь свѣтъ въ мошну къ себѣ упрятать!
За умомъ знать только дѣло стало!“
У купца ажь ноги подкосились.
Весь сомлѣлъ и руки растопырилъ.
Какъ же такъ далъ маху! ахъ, мой Боже!
Какъ-нибудь поправить надо дѣло;
Вотъ и сталъ онъ къ птичкѣ подступаться:
Рѣчь повелъ сторонкой, осторожно,
Будто самъ съ собою разсуждаетъ:
„Я дивлюсь и вашей братьѣ, птицѣ, —
Что за радость жить вамъ по-цыгански!
Ну, куда ни шло еще, какъ лѣто.
А какъ осень завернетъ, да стужа!
На дождѣ промокнешь и продрогнешь!
На морозѣ и совсѣмъ замерзнешь!
То ли дѣло у меня въ хоромахъ!
И питье и кормъ—все даровое!
По зимѣ натопимъ жарко печи—

И живи, что въ царствіи небесномъ!
Право, ты вѣдь умница, пичужка,
Разсудить могла бы не по-птичьи!“

А пичуга пуще заливалась:
„Ахъ, купецъ, купецъ ты именитый!
Брюхо нажилъ, да ума не нажилъ!
На словахъ, поди ты, что на гусляхъ,
А на дѣлѣ—хуже балалайки!
Самъ твердилъ сейчасъ мои три правды:
Плачь, не плачь, что́ было не воротишь —
Упустилъ меня и ужь горюешь!
Съ горя всѣ дѣла, пожалуй, кинешь!
Не тянись за тѣмъ, что́ не подъ-силу:
А ко мнѣ какъ началъ подступаться!
И найдись теперь какой пройдоха,
Посули меня тебѣ представить —
Капиталъ ему по каплѣ спустишь!
Самъ *людскимъ смѣялся толкамъ глупымъ* —
Моему же, птичьему, повѣрилъ:
Ну, какой во мнѣ быть можетъ камень —
И какой еще величиною!
Что яйцо куриное! ишь, умникъ!
А вѣдь самъ въ рукахъ держалъ и видѣлъ—
Вся то я не болѣе наперстка!“

Обругалъ купецъ пичугу, плюнулъ, —
Увидалъ, что въ дуракахъ остался!—
Двадцать лѣтъ молчалъ про этотъ случай,
Разсказалъ почти что передъ смертью,
Подъ хмѣлькомъ, у внучки на крестинахъ.

1861.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

Рыбная ловля.

(Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому, и всѣмъ понимающимъ дѣло).

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.
Бывало ввечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,

Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...
Въ столицу приведенъ насильно точно я;
Какъ будто всѣмъ чужой, сижу на чуждомъ пирѣ,
И, кажется, опять я дома въ Божьемъ мірѣ,
Когда лишь заберусь на бережокъ ручья,
Закину удочки, сижу въ травѣ высокой...
Полдневный пышетъ жаръ — съ зарей я поднялся —
Откинешься на лугъ и смотришь въ небеса,
И слушаешь стрекозъ, покуда сонъ глубокій
Подъ теплый паръ земли глаза мнѣ не сомкнетъ...
О чудный сонъ! душа, Богъ знаетъ, гдѣ, далеко,
А ты во снѣ живешь, какъ все вокругъ живетъ...

Но близкіе мои — увы! — все горожане...
И странствовать въ лѣсу, поднявшися съ зарей,
Иль въ лодкѣ осенью сидѣть въ сыромъ туманѣ,
Иль мокнуть на дождѣ, иль печься въ лѣтній зной —
Имъ дико кажется, и всякій разъ, я знаю,
Что, если съ вечера я лесы разверну
И новые крючки навязывать начну,
Я тѣмъ до глубины души ихъ огорчаю;
И лица важныя нерѣдко страсть мою

Корятъ насмѣшками: „грѣшно, молъ, для поэта
Позабывать Парнасъ и огорчать семью“.
Я съ горя пробовалъ послушать ихъ совѣта —
Напрасно!.. Вотъ вчера, чтобъ только сонъ прогнать,
Пошелъ на озеро; смотрю — какая гладь!
Лѣсистыхъ береговъ обрывы и изгибы,
Какъ зеркаломъ, водой повторены. Вездѣ
Полоски свѣтлыя отъ плещущейся рыбы!
Иль ласточекъ, крыломъ коснувшихся къ водѣ...
Смотрю — усачъ-солдатъ сложилъ шинель на травку,
Самъ до колѣнъ въ водѣ и удитъ на булавку.
„Что̀ служба?“ крикнулъ я. — „Пришли побаловать
Маленько“, говоритъ.— „Нѣтъ, клевъ то ка̀къ, служивый?“
— „А клевъ то? да такой тутъ вышелъ стихъ счастливый,
Что въ часъ-отъ на уху успѣли натаскать.“

Ну, кто бы устоять тутъ могъ отъ искушенья?
Закину, думаю, я разикъ — и назадъ!
Есть мѣсто жь у меня завѣтное: тамъ скатъ
Отъ самыхъ камышей и мелкіе каменья.
Тихонько удочки забравши, въ попыхахъ
Бѣгу я къ пристани. Во слѣдъ мнѣ крикнулъ кто-то,
Но быстро оттолкнулъ челнокъ я свой отъ плота
И, гору обогнувъ, зарылся въ камышахъ.

Злодѣи-рыбаки ужь тутъ давно: вонъ съ челномъ
Запрятался въ тростникъ, тотъ шаритъ въ глубинѣ...
Есть что-то страстное въ вниманьи ихъ безмолвномъ,
Есть напряженіе въ сей людной тишинѣ:
Лишь свистнетъ въ воздухѣ леса волосяная,
Да вздохъ послышится—упорно всѣ молчатъ
И зорко издали другъ за̀ другомъ слѣдятъ.
Межь тѣмъ живетъ вокругъ равнина водяная:
Стрекозы синія колеблютъ поплавки
И тощіе кругомъ шныряютъ пауки,
И кружится, сребрясь, снетковъ веселыхъ стая,
Иль брызнетъ въ стороны, отъ щуки исчезая.

Но вотъ одинъ рыбакъ вскочилъ, и трепеща
Всѣ смотрятъ на него въ какомъ-то страхѣ чуткомъ:
Онъ, въ обѣ руки взявъ, на удилищѣ гнуткомъ
Выводитъ на воду упорнаго леща.
И чернозолотой красавецъ повернулся,
И вдругъ взмахнулъ хвостомъ,—испуганный, рванулся—
„Отдай, отдай!“ кричатъ, и снова въ глубину
Идетъ чудовище, и ходитъ, вся въ струну
Натянута, леса... дрожь вчужѣ пробираетъ!..
А тутъ мой поплавокъ мгновенно исчезаетъ.

Тащу — леса въ водѣ описываетъ кругъ,
Уже зіяетъ пасть зубастая — и вдругъ
Взвилась моя леса, свистя надъ головою...
Обгрызла!... Господи!.. но, зная норовъ щукъ,
Другую удочку за тою-же травою
Тихонько завожу и жду, едва дыша...
Клюетъ... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надеждъ, волнуяся отъ страха,
Выкидываю вверхъ — чуть-виднаго ерша...
О, тварь негодная!.. Отъ злости чуть не плàчу;
Кляну себя, людей и міръ за неудачу,
И какъ на угольяхъ, закинувъ вновь, сижу,
И только комары, облипшіе мнѣ щеки,
Обуздываютъ гнѣвъ на промахъ мой жестокій.

Чтобы вздохнуть, кругомъ я взоры обвожу.
Какъ ярки горы тамъ при солнцѣ заходящемъ!
Какъ здѣсь, вблизи меня, съ своимъ шатромъ сквозящимъ,
Краснѣютъ темныхъ соснъ сторукіе стволы
И отражаются внизу въ заливѣ черномъ,
Гдѣ бѣлый паръ уже бѣжитъ къ подножьямъ горнымъ.
Съ той стороны село. Среди сребристой мглы
Окошки свѣтятся, какъ огненныя точки;

Купанье тамъ идетъ: чуть слышенъ визгъ живой,
Чуть-чуть бѣлѣются по берегу сорочки,
Межь тѣмъ, какъ слышится изъ глубины лѣсной
Кукушка поздняя да дятелъ молодой...
Картины бѣдныя полунощнаго края!
Гдѣ бъ я ни умиралъ, васъ вспомню умирая:
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря съ людьми, учили жить меня!..

Но вотъ ужь смерклося. Свѣжѣетъ. Вкругъ ни звука.
На небѣ и водахъ погасъ пурпурный блескъ.
Чу... тянутъ якоря! Раздался веселъ плескъ...
Нѣтъ, видно, не возьметъ теперь ни лещъ, ни щука!
Вотъ, если бы чѣмъ-свѣтъ, забраться въ тростники,
Когда лишь по зарѣ замѣтишь поплавки,
И то, почти къ водѣ припавши... тутъ охота!..
Что жь медлить? Завтра же... Межь тѣмъ всѣ челноки,
Толкаясь, пристаютъ у низенькаго плота,
И громкій перекликъ несется на водахъ
О всѣхъ событьяхъ дня, о порваныхъ лесахъ,
И брань и похвальба, исполненныя страсти.
На плечи, разгрузясь, мы взваливаемъ снасти,
И плещетъ ходкій плотъ качаясь подъ ногой.

Идемъ. Подъ мокрою одеждой ужь прохладно;
Зато какъ дышется у лодокъ надъ водой,
Гдѣ пахнетъ рыбою и свѣжестью отрадной,
Межь тѣмъ, какъ изъ лѣсу чуть-слышнымъ вѣткомъ,
Смолой напитаннымъ; потянетъ вдругъ тепломъ!..

О, милые мои! Ужель вамъ непонятно,
Вамъ странно, отчего въ тотъ вечеръ благодатный
Съ любовію въ душѣ въ вашъ кругъ вбѣгаю я
И, весело садясь за ужинъ деревенской,
Съ улыбкой слушаю нападки на меня —
Невинную грозу запальчивости женской?
Бывало, съ милою свиданье улучивъ,
И ужь обдумавши къ свиданью поводъ новый,
Такой же приходилъ я къ вамъ... Но что вы? что вы?
Что значитъ этотъ кликъ и смѣха дружный взрывъ?
Нѣтъ, полно! вижу я, не сговорить мнѣ съ вами!
Истома сладкая ко сну меня зоветъ.
Прощайте! добрый сонъ!.. уже двѣнадцать бьетъ...

Иду я спать... И вотъ опять передъ глазами
Все катится вода огнистыми струями,

И ходятъ поплавки. На мигъ лишь задремалъ —
И кажется клюетъ!.. Тутъ полно, сонъ пропалъ;
Пылаетъ голова и сердце бьется съ болью.
Чуть показался свѣтъ, на цыпочкахъ, какъ воръ,
Я крадусь изъ дому и лѣзу чрезъ заборъ,
Взявъ хлѣба про запасъ съ кристальной крупной солью.
Но на небѣ сѣро и мелкій дождь идетъ
И къ стужѣ въ воздухѣ замѣтенъ поворотъ;
Чуть видны береговъ ближайшіе извивы;
Не шелохнется лѣсъ, ни птица не вспорхнетъ,—
Но чувствую уже, что будетъ ловъ счастливый.

И точно. Дождь потомъ зашлепалъ все сильнѣй;
Вскипѣло озеро отъ бѣлыхъ пузырей,
И я промокъ насквозь, окостенѣли руки;
Но окунь — видно, сталъ бодрѣе съ холодкомъ —
Со дна и по верху гнался за червякомъ,
И ловко выхватилъ я прямо въ челнъ двѣ щуки...
Тутъ вѣтеръ потянулъ — и золотымъ лучомъ
Деревню облило. Э, солнце какъ высоко!
Ужь дома самоваръ, пожалуй, недалеко...
Домой! и въ комнату, пронизанный дождемъ,
Съ пылающимъ лицомъ, съ душой и мыслью ясной,

Двѣ шуки на снуркѣ, вхожу я съ торжествомъ...
И крикомъ всѣ меня встрѣчаютъ: „ахъ, несчастный!..“

Непосвященные! напрасенъ съ ними споръ!
Искусства нашего непризнанную музу
И грекъ не пріобщилъ къ парнасскому союзу!
Нѣтъ, муза чистая, витай между озеръ!
И пусть бѣгутъ твои балованныя сестры
На шумныхъ поприщахъ гражданственности пестрой
За лавромъ, и хвалой, и памятью вѣковъ:
Ты, ночью звѣздною, на мельничной плотинѣ,
Въ семъ царствѣ свай, колесъ, и плѣсени, и мховъ,
Таиственностью духъ питай въ святой пустынѣ!
Заслыша, что къ тебѣ въ тотъ часъ взываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
Въ высокой осокѣ протоптанной тропинкой,
Въ дремучій, темный лѣсъ; играй, рѣзвись со мной;
Облей въ пути лицо росистою рябинкой;
Учи переходить по жердочкѣ живой
Ручей, и, усадивъ за ольхой серебристой
Надъ ямой, гдѣ лопухъ разросся круглолистый,
Гдѣ рыбѣ въ затиши прохлада есть и тѣнь,
Показывай мнѣ, какъ родится новый день;

И въ часъ, когда спадетъ съ природы тьмы завѣса,
И солнце вспыхнетъ вдругъ на пурпурѣ зари,
Со всѣми криками и шорохами лѣса
Сама въ моей душѣ ты съ Богомъ говори!
Да просвѣтленъ тобой, дыша, какъ часть природы,
Исполнюсь мощью я и счастьемъ той свободы,
Въ которой праотецъ народовъ, дни катя
Къ сребристой старости, былъ веселъ, какъ дитя!

1855.

ДУРОЧКА.

Дурочка.

Идиллія.

Всѣмъ довольна я, старушка —
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ: есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить!

У меня — семья большая;
Дѣтки вкругъ насъ, стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ..

Но какъ въ ясномъ небѣ тучка —
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая то внучка
Просто дурочка была;

Вовсе здраваго понятья
Не имѣла; что ни дай
Ей, — хоть шелковое платье —
Въ мигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!

Благородныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. „Да поди!“
Говорю: „тамъ всѣ сестрицы;
Только такъ хоть посиди!“

— „Нѣтъ ужь, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!“ — „Какъ такъ?“
— „Что мнѣ съ этакими злыми!“...
И забьется на чердакъ.

Только встала — полетѣла!
Всю деревню обѣжитъ!..
Это — первое ей дѣло —
Все друзья вѣдь — просто стыдъ!

Свадьба ль въ домѣ — все равно ей,
Посѣтитъ ли смерть кого,
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать — и ничего!

Мать учить начнетъ, бывало,
Говоритъ, подъ-часъ и бьетъ —
Какъ къ стѣнѣ горохъ! ни мало,
То есть, ухомъ не ведетъ.

Ну, ее за то жь и гнали;
Вѣчно съ нею воркотня;
На хлѣбъ, на воду сажали...
Баловала только я —

И она какъ-будто чуетъ,
И ко мнѣ одной идетъ:
Обойму ее, цѣлуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ.

Надорветъ мое сердечко...
„Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!“

„Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?“ говорю;
Да не слушаютъ старуху.
Сколько я ихъ ни журю.

Ей одно лишь любо было —
Няньчить маленькихъ дѣтей;
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.

Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся;
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ нельзя.

Въ снѣгъ — на улицу, и скачетъ!
А возьмутъ ее домой —
Въ уголъ спрячется и плачетъ...
Домъ ей словно какъ чужой:

Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба,
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ.

Мы видали, къ ней станицей
Птица всякая летитъ,
И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говоритъ...

Порча ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужь такой —
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.

И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужь въ ней пути.
Что лечить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не идти.

Докторовъ иныхъ бы нужно —
Повести бы по мощамъ...
Ну, да лѣтомъ недосужно—
Жатва, сѣвы — знаешь самъ!

Вотъ, и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: „гдѣ ты пропадала?“
Вздоръ разсказываетъ намъ —

Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;

Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ ростетъ; что тамъ
Зрѣютъ желтые лимоны
По высокимъ деревамъ;

Что тамъ городъ есть великій
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій
И гонитель христіанъ;

Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течетъ ручьями —
А они все не сдались;

Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;

Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила.
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была;

Да безумная невѣста...
Но всего не передать;
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать...

Только видимъ—дѣвка бредитъ!
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ прійдетъ зима.

Между тѣмъ прошла ужь осень;
Дуня что-то все молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.

Мать журила; запирали;
Да ничто неймется ей!
Разъ ушла она; мы ждали—
Нѣтъ. Ужь поздно. Мы за ней

Разослали по сосѣдямъ—
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ:
Снѣгъ въ лѣсу-то размело...

„Взглянь-ко“, говорю я: „Саша“—
А сама-то вся дрожу:
„Что тамъ? ужь не Дуня ль наша?“
Такъ и есть, она!.. Гляжу —

Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала...

Я вотъ такъ тутъ и завыла!
Точно что̀ оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...

Послѣ все ужь мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.

У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ —
Такъ, пятнадцатый годокъ.

Съ нимъ то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.

И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда жь!

Гдѣ же ей пройдти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами...
Такъ, ужь, видно, суждено!

Не жилось ей, знать, на свѣтѣ...
Богъ не долго жить даетъ
Юродивымъ: Божьи дѣти —
Прямо въ рай онъ ихъ беретъ.

Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало,
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея жь замѣтно стало,
Что души то въ домѣ нѣтъ...

1851.

ДОМА.

I.

Мать.

„Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему неловко! —
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу...
Подремли, мой мальчикъ,
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ...
Нѣтъ! не хочешь?.. сказки — вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ...
Зашумѣлъ сыръ-теменъ боръ,
Лисъ лисичку будитъ;
Во сыромъ-темномъ бору...

Задремалъ мой крошка!..
...Я малинки наберу
Полное лукошко...
Во сыромъ темномъ бору...
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ...

„Во сыромъ бору“ поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ...
Тихо, долго ночь идетъ...
Ночь ужь день выводитъ—
Мать поетъ... рука у ней
Затекла, устала,
И неразъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...
И едва дитя, въ жару,
Вздрогнувъ, встрепенется—
„Во темномъ-сыромъ бору“
Снова раздается...

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!

Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затепленъ ею!
И едва онъ засвѣтилъ, —
Вдругъ ей ясно стало
Что любви, что чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!..

1861.

II.

Лѣтній дождь.

„Золото, золото падаетъ съ неба!“
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— Полно-те, дѣти, его мы сберемъ,
Только сберемъ золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

1856.

III.

Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ—сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ...
Возъ ростетъ, ростетъ, какъ домъ...

Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ...

Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

IV.

Ночь на жнитвѣ.

Густѣетъ сумракъ, и съ полей
Уходятъ жницы... Ужь умолкъ
Вдали и плачъ и смѣхъ дѣтей,
Собачій лай и женскій толкъ.

Ушелъ рабочій караванъ...
И тишина легла въ поляхъ!..
Какъ безконечный ратный станъ,
Кругомъ снопы стоятъ въ копнахъ;

И задымилася роса
На всемъ пространствѣ желтыхъ нивъ,
И ночь взошла на небеса,
Тихонько звѣзды засвѣтивъ.

Вотъ вышелъ мѣсяцъ молодой...
Одно, прозрачное, какъ дымъ,
Въ пустынѣ неба голубой
Несется облачко предъ нимъ:

Какъ будто кто-то, неземной,
Подъ бѣлой ризой и съ вѣнцомъ
Надъ этой нивой трудовой
Стоитъ съ серебрянымъ серпомъ,

И шлетъ въ сверканіи зарницъ
Благословенье на поля:
Вознаградила бъ страду жницъ
Ихъ потомъ влажная земля.

1862.

V.

Въ степяхъ.

1.

НОЧНАЯ ГРОЗА.

Ну, ужь ночка! Воздухъ жгучій
Не шелохнется! Кругомъ
Жарко вспыхиваютъ тучи
Синей молніи огнемъ.

Словно смотръ въ воздушномъ станѣ
Духамъ тьмы назначенъ! Мигъ —
И помчится въ ураганѣ
По рядамъ владыка ихъ!

То-то грянетъ канонада, —
Огнь и громъ, и дождь и градъ,

И по степи силы ада
Съ дикимъ свистомъ полетятъ!..

Нѣтъ, при эдакомъ невзгодьѣ,
Въ этомъ мракѣ, предоставь
Все коню! отдай поводья,
И не умничай, не правь:

Ровно, ровно, вѣрнымъ шагомъ,
Не мечася какъ шальной,
По равнинамъ, по оврагамъ,
Онъ примчитъ тебя домой...

2.

РАЗСВѢТЪ.

Вотъ — полосой зеленоватой
Ужь обозначился востокъ;
Туда — тепло и ароматы
Помчалъ со степи вѣтерокъ;

Блѣднѣютъ тверди голубыя;
На горизонтѣ — все чернѣй

Фигуры, словно вырѣзныя,
Въ степи пасущихся коней...

3.

Мой взглядъ теряется въ торжественномъ просторѣ...
Сіяетъ ковыля серебряное море
Въ дрожащихъ радугахъ — незримый хоръ пѣвцовъ
И степь и небеса весельемъ наполняетъ —
И только тѣнь порой отъ бѣлыхъ облаковъ
На этомъ праздникѣ, какъ дума, пролетаетъ.

4.

ПОЛДЕНЬ.

Паръ полуденный, душистый
Подымается съ земли...
Что жь за звуки въ серебристой
Все мнѣ чудятся дали?

И въ душѣ моей, какъ тѣни
По степи отъ облаковъ,
Рядъ проносится видѣній,
Рой какихъ-то давнихъ сновъ...

Орды ль идутъ кочевыя?
Ревъ верблюдовъ, скрипъ телѣгъ?..
Не стрѣльцы ль сторожевые?
Не казацкій ли набѣгъ?

Полоняночка ль родная,
Пѣсню жалкую поетъ,
И татарченка качая,
Голосъ милымъ подаетъ?..

4.

СТРИБОЖЬИ ВНУКИ.

„Се вѣтри, Стрибожьи внуци, вѣютъ съ моря"...
на силы Дажьбожья внука, храбрыхъ Русичей...

Слово о Полку Игоревѣ.

Стрибожьи чада! Это вы
Несетесь съ шумомъ надъ степями,
Почти касаяся крылами
Подъ ними гнущейся травы?
Чего вамъ надо? Эти степи
Уже не тѣ, что въ дни, когда
Здѣсь за ордою шла орда,
Неся на Русь пожаръ и цѣпи!

Ушелъ далеко Черный Дивъ
Передъ Дажьбожьими сынами,
Имъ, чадамъ Свѣта, уступивъ
Свое господство надъ степями!
И Солнца русые сыны
Пришли—и степь глядитъ ужь садомъ...
Тамъ — зрѣютъ жатвы; убраны
Тамъ холмы синимъ виноградомъ;
За весью весь стоитъ; косцовъ
Несется пѣсня удалая,
И льется звонъ колоколовъ
Въ степи отъ края и до края...
И слухъ пропалъ о временахъ
Когда, столь грозное бывало,
Здѣсь царство темное стояло;
И путникъ мчится въ сихъ мѣстахъ,
Стада овецъ порой пугая,
Нигдѣ засадъ не ожидая;
Спокойно тянутся волы;
И падшихъ ратей ищутъ тщетно
Въ степи, на клѣктъ ихъ безотвѣтной,
Съ высотъ лазуревыхъ орлы...

1863.

VI.

Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду — съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ

И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужь вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ — на зарѣ стучатъ проворные цѣпы:
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударяя...

О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба, —
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно —
О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: „Господи! какая благодать!“

1856.

VII.

Картинка.

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 г.)

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что жь такъ слушаютъ малютку, —
Аль ужь такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужь увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужь вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ ужь на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братья, — это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

VIII.

Поля.

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ;
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...

Я ѣду день, я ѣду два —
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля...

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я...

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ наконецъ бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то... „Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?“

— „Осмѣлюсь, баринъ, попросить —
Не подвезете-ль старика?“
— „Садись! Зачѣмъ не услужить!
Услуга-жь такъ не велика!“

„Садись!“ — „Я здѣсь, на облучокъ“...
— „Да мѣсто есть: садись рядкомъ!“
Но тутъ ужь взять никто бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе-бъ былъ
„Необразованный мужикъ!“

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

—„Я былъ дворовый человѣкъ“—
Онъ говорилъ—„у князя Б.!
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужь по себѣ!“

— „И слава Богу!“ — „Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!

„Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!

„Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не година,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ,—такъ съ глазъ долой!

„Еще скажу: добры князья!
—Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, молъ,—такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ! —

„Жаль ихъ самихъ!"—И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,

Слѣда ужь нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И каруселей, и сады—

Все въ запущеньи, все гніетъ...
Усадьба—прежде городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ!
И пей и ѣшь! Все было въ прокъ!

„Да, вспомянешь про старину!“
Онъ заключилъ: „былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что̀ она? одинъ развратъ!

„Одинъ развратъ!“ онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...

„Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ“,
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: „спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?“

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ въ тупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ...

„Чего?...“ онъ началъ было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!

Впередъ—въ пространство безъ конца!
Впередъ—не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ-ли молодца,
И кони-ль вторили ему, —

Но мы неслись, какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ-бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой...

Неслись... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ...

Неслись... „Куда-жь те дьяволъ мчитъ!“
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль—какъ широка!...

1862.

IX.

Бабушка и внучекъ.

Въ святцахъ у бабушки разъ
Внучекъ цвѣтокъ увидалъ;
—„Тутъ сувенирчикъ у васъ“
Онъ улыбаясь сказалъ;

„Что, еслибъ онъ говорилъ?
Можетъ быть цѣлый романъ
Мнѣ бы теперь онъ открылъ...
Былъ-бы и мужъ тамъ тиранъ,

„Ночь, соловей и луна,
Быстрый свиданія часъ...
Было—и въ тѣ времена —
Много, чай, всякихъ проказъ?...“

—„Грѣхъ надъ старухой шутить...“
Бабушка внучку въ отвѣтъ;
Кто-жь бы еще подарить
Могъ мнѣ его, какъ не дѣдъ?“

—„Дѣдушкинъ это цвѣтокъ?“
Внучекъ опять:—„признаюсь,
Вотъ угадать бы не могъ!
Дѣдушка! эдакой тузъ!“

—„Молодъ покойничекъ былъ!...
Ну, да и я то тогда...
Въ мысляхъ-то вѣтеръ бродилъ!..
Тоже была молода...

„Ѣздили разъ мы весной,
Въ ранній уловъ стерлядей,
Къ мельницѣ нашей лѣсной...
Батюшка... много гостей...

„Я и стою на мосту;
Вкругъ молодежь мнѣ поетъ
Все про мою красоту:
Что тутъ на умъ не взбредетъ?

„Мельница такъ и дрожитъ;
Омутъ то въ пѣнныхъ бугрáхъ
Ходенемъ ходитъ, кипитъ,
Такъ что и вспомнить то страхъ!

„Въ воду и кинь я цвѣтокъ!
— Кто, говорю я, спрыгнетъ
Съ мосту отсюда въ потокъ
И мой цвѣтокъ принесетъ,

„Тотъ мнѣ и есть кавалеръ! —
Всѣ засмѣялись вокругъ;
Только одинъ офицеръ
Съ мосту то прямо и—бухъ!

„Я обомлѣла. Народъ
Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ...
Только глядимъ—онъ плыветъ,
Держитъ цвѣтокъ мой въ рукѣ...

„Мнѣ подаетъ: я готовъ
Жизнь, молъ, за васъ положить!...
Вотъ молодецъ былъ каковъ!
Да, не любилъ онъ шутить!

„Дѣдушку я твоего
Тутъ и узнала тогда...
Такъ и пошла за него...
Былъ человѣкъ это!... Да!...

„Стараго вѣка кремень!
Баринъ онъ былъ матерой!
Селъ что имѣлъ, деревень!
Видный, красавецъ собой,

„Соколомъ яснымъ ходилъ!
Первымъ вездѣ былъ лицомъ!
Что онъ народу кормилъ!
Ну, да и самъ жилъ царемъ...

„Въ гости-ль меня вывозилъ —
Въ золото, жемчугъ, атласъ,
Словно царицу рядилъ,
Словно какъ везъ на показъ!

„Сѣрый лихой шестерикъ
Держатъ едва подъ-устцы...
Кучеръ былъ сила-мужикъ!
И гайдуки молодцы!

„И, какъ жила я за нимъ,
Тронуть меня ужь не смѣй
Кто хоть бы словомъ худымъ:
Со свѣту сгонитъ—ей-ей!

„Да, это былъ человѣкъ!...
Нынче и родъ ужь не тотъ!
Нынче,—не тотъ ужь и вѣкъ!
Мелкій пошелъ все народъ!..“

—„Бабушка! внучекъ прервалъ,
Я отъ самихъ стариковъ
Часто про дѣда слыхалъ:
Онъ не совсѣмъ былъ таковъ!

„Былъ онъ—надменный богачъ!
Жилъ—азіатскимъ пашой;
Самъ и судья, и палачъ,
Ночью ѣзжалъ на разбой;

„И въ душегубствѣ неразъ
Былъ по суду обвиненъ...
Правда, въ то время у насъ
Знатному что̀ былъ законъ!

„Пьянство и ночью и днемъ!
Въ домѣ жилъ цѣлый гаремъ!
Вы же—всю жизнь подъ замкомъ
Въ страхѣ дрожали межь тѣмъ!

„Васъ то онъ будто любилъ!
Боже мой! онъ какъ злодѣй,
Вашу всю жизнь загубилъ,
Васъ загубилъ, и дѣтей!

„Мѣсяцъ иль два присмирѣвъ,
Первой то страстной порой,
Ласковъ былъ съ вами, какъ левъ
Съ львицей своей молодой!

„Ну, а какъ душу отвелъ..
Бабушка! сердце во мнѣ
Рвется при мысли—что золъ
Вынесли вы то однѣ!

„Вѣрьте, люблю я, какъ мать,
Васъ за страдальный вашъ вѣкъ...
Что-жь отъ меня вамъ скрывать!
Дѣдъ былъ—дурной человѣкъ!“...

Бабка трясетъ головой,
Шепчетъ на рѣчи его:
„Что говорить мнѣ съ тобой!
Ты не поймешь ничего!“

Вяжетъ старушка чулокъ,
Вяжетъ чулокъ и молчитъ,
И на засохшій цвѣтокъ
Нѣжно порою глядитъ...

Смотритъ на бабушку внукъ...
Онъ изумленъ, что у ней
Слезы закапали вдругъ
Тихо изъ тусклыхъ очей...

Въ жизни дитя—не умѣлъ
Сердца еще онъ понять!
Онъ испытать не успѣлъ,
Какъ оно можетъ прощать!

Какъ изъ-за прошлыхъ скорбей,
Ихъ разгоняя, что тьму,
Сладкій лишь мигъ все яснѣй
Издали свѣтитъ ему;

И, какъ святой идеалъ,
Образъ рисуетъ того,
Кто это сердце терзалъ,
Кто такъ измучилъ его!...

1857.

Упраздненный монастырь.

Давно въ туманѣ предо мной
Блестящей точкою горя,
То надъ лѣскомъ, то надъ горой
Свѣтился крестъ монастыря.

И вдругъ—обрывъ! и вотъ—рѣка
Въ тѣни высокихъ береговъ,
Бѣжитъ, подернута слегка
Отливомъ красныхъ облаковъ.

И на откосѣ мѣловомъ
Открылась старая стѣна
Съ безглавой башней, какъ огнемъ,
Закатомъ дня озарена.

Прохлада вѣетъ надъ рѣкой,
Струясь за рѣзвымъ вѣтеркомъ,
И тихо движется со мной
Неповоротливый паромъ.

Вотъ монастырь... Слѣды ль осадъ,
Пищалей, приступовъ къ стѣнамъ,
Въ кирпичныхъ грудахъ, что лежатъ,
Поросши лѣсомъ, здѣсь и тамъ?..

Лампада у воротъ горитъ
Предъ полинялымъ образкомъ;
Монахъ, сѣдой старикъ, сидитъ
У кружки подъ двойнымъ замкомъ;

Сидитъ и смотритъ, какъ ползутъ
Мои лошадки по горѣ...
— „Что, отче честный, есть ли тутъ
Что посмотрѣть въ монастырѣ?“

— „А посмотри! Запрету нѣтъ!
Что есть — увидишь“, молвилъ онъ,
„Да что смотрѣть то! Сколько лѣтъ,
Какъ монастырь ужь упраздненъ“.

„Святыню вывезли... Живемъ
Мы вотъ одни давненько тутъ
Съ отцомъ Паисіемъ и ждемъ,
Аль насъ куда переведутъ,

„Аль здѣсь помремъ... Я, вотъ, съ ногой
Изнылъ. Ломота извела.
Лѣчился лѣтось у одной
Старушки: нѣтъ, не помогла!

„Войди въ калитку то, смотри!“ —
Мнѣ указалъ на дверь старикъ;
А самъ спѣшилъ въ лучахъ зари
Еще погрѣться хоть бы мигъ.

Бѣднякъ! едва ль не правъ былъ онъ!
Смотрѣть не много было, нѣтъ!
Кой-гдѣ слѣды витыхъ колоннъ,
Письма и позолоты слѣдъ.

Всѣ церкви въ землю повросли,
Кругомъ забиты двери ихъ...
За то, что кудри, до земли
Висѣли вѣтви ивъ густыхъ...

А домъ, гдѣ кельи — какъ скелетъ,
За блѣдной зеленью стоитъ,
И въ острыхъ окнахъ стеколъ нѣтъ,
И грустно мракъ изъ нихъ глядитъ...

Лишь бродитъ вкругъ голодный котъ;
Надъ нимъ, несясь стрѣлы быстрѣй,
Кружатся ласточки; въ разбродъ
Гуляетъ стая голубей—

Все тихо валится кругомъ...
Еще пройдетъ немного лѣтъ,
И стѣны продадутъ на сломъ,
И старины пройдетъ и слѣдъ...

Смотрѣть не много... Что жь изъ нихъ,
Изъ этихъ камней говоритъ
Моей душѣ? и шагъ мой тихъ,
И сердце такъ въ груди стучитъ?

Святыню вывезли... Но нѣтъ,
Не всю!... Нѣтъ, чувствую, живутъ
Мольбы и слезы, столько лѣтъ
Отъ сердца лившіяся тутъ!

Я живо вижу, какъ сюда
Пришелъ спасаться мужъ святой,
Въ тѣ времена еще, когда
Кругомъ шумѣлъ здѣсь боръ густой,

И, вѣковымъ объята сномъ
Вся эта дикая страна
Казалась людямъ—волшебствомъ
И чародѣйствами полна...

И келью самъ въ горѣ изсѣкъ,
И жилъ *пустынным житіемъ*
Въ той кельѣ Божій человѣкъ,
На козни бѣса глухъ и нѣмъ.

И, что свѣча въ ночи горитъ,
Онъ въ этомъ мракѣ просіялъ,
Училъ народъ, устроилъ скитъ,
И утѣшалъ, и просвѣщалъ. .

И вотъ—вкругъ валятся лѣса!
И монастырь здѣсь возстаетъ...
Надъ гробомъ старца чудеса
Пошли твориться... и ростетъ

За храмомъ храмъ, встаетъ стѣна,
Встаетъ гостинницъ длинный рядъ;
И въ погреба течетъ казна,
И всюду трудъ, и всюду ладъ!

Идутъ обозы вдоль горы;
Хлопочетъ келарь, казначей...
Варятъ меды, творятъ пиры,
Всечасно братья ждетъ гостей...

А эти гости — то князья,
Въ орду идущіе съ казной,..
То ихъ княгини, ихъ семья,
Въ разлукѣ плачущія злой...

И черный людъ, безвѣстный людъ
Со всей Руси идетъ, бредетъ...
Въ грѣхахъ всѣ каяться идутъ—
Да страшный гнѣвъ свой Богъ уйметъ...

Идутъ—съ пожарищъ, съ поля битвъ,
Ища исходу хоть слезамъ—
Подъ чтенье сладостныхъ молитвъ,
Подъ пѣнье ангельское тамъ...

И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ —
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ...

Вотъ ѣдетъ новый караванъ...
Полумонашеская рать...
И раззолоченный рыдванъ...
Съ крестами клиръ идетъ встрѣчать.

Съ потухщимъ окомъ, блѣденъ, худъ,
Выходитъ, думой обуянъ,
Здѣсь панихидой кончить судъ,
Кровавый судъ свой, царь Иванъ...

Ударилъ колоколъ большой —
И двери царскія въ алтарь
Предъ нимъ раскрылись, и, больной,
Повергшись ницъ, рыдаетъ царь...

И, глядя, плачутъ всѣ вокругъ...
Но многолѣтье кончилъ клиръ,
И ждетъ царя и царскихъ слугъ
Въ большой трапезной свѣтлый пиръ...

Но царь на свѣтлый пиръ нейдетъ.
Одинъ, онъ въ кельѣ заперся...
Онъ ѣстъ лишь хлѣбъ, онъ воду пьетъ,
И весь онъ Богу отдался...

Вотъ на обитель сходитъ сонъ;
Одинъ лишь царь не знаетъ сна...
Все ходитъ онъ, все пишетъ онъ
Имъ побіенныхъ имена...

Все кровь... А тутъ — покой кругомъ!
Главу обитель вознесла,
Что тихій островъ на мірскомъ
Многомятежномъ морѣ зла...

Принять бы схиму здѣсь... Лежать
Живымъ въ гробу — а надъ тобой
Монахи будутъ возглашать:
Раба Ивана упокой...

Все суета!.. И какъ видна
Она изъ гроба то!..—А тутъ —
Что въ царствѣ будетъ? Вся страна
Взликуетъ! Скажутъ: царь былъ лютъ!

Измѣна встанетъ! Зашумятъ
Опять бояре, города...
Найдется царскій братъ иль сватъ,
Мой родъ зарѣжетъ... Что̀ тогда?

И духъ его, какъ воронъ злой,
По всей Руси витать пошелъ
И ищетъ: гдѣ онъ недругъ мой?
Гдѣ смута? гдѣ гнѣздо крамолъ?

Зоветъ на судъ онъ города,
Живыхъ и мертвыхъ онъ зоветъ,
И, вновь для грознаго суда
Готовый, мысль въ душѣ куетъ —

Куетъ онъ мысль—какъ бы сплотить
Всю Русь въ одно, чтобъ ничего
Не смѣло въ ней дышать и жить
Безъ изволенія его...

А ночь, межь тѣмъ, надъ Русью шла...
И не одна душа, томясь,
Теперь гадала и ждала:
Что́ Царь замыслилъ въ этотъ часъ?...

И, чуть звонятъ, народъ—во храмъ,
Вопитъ, какъ жаждущій въ степи:
„Когда жь, Господь, конецъ бѣдамъ!“
И клиръ въ отвѣтъ ему: „терпи!“

Терпи!.. и вытерпѣла ты,
Святая Русь, что́ посылалъ
Тебѣ Господь—всѣ тяготы
Насильствъ, и казней, и опалъ...

Тяжелый млатъ ковалъ тебя
Въ одинъ народъ, ковалъ вѣка—
Но вѣришь ты, что Богъ любя
Тебя каралъ,—и тѣмъ крѣпка!

И тотъ—теперь... „Что?“ опросилъ
Меня монашекъ у воротъ.
—„Нѣтъ, ничего... я говорилъ!..“
—„А знатный былъ, молва идетъ,

„Нашъ монастырь то въ старину!...“
—„А упраздненъ то онъ зачѣмъ?“
—„Да стало братьи мало... Ну...
И оскудѣли житіемъ!

„Ужь противъ прежняго — гдѣ намъ!“
И вдругъ, какъ будто спохватясь:
—„Да ты по службѣ тутъ, аль самъ?“
—„Самъ, самъ!“ — „Ну то-то, въ добрый часъ!..“

1860.

Пѣсни.

У воротъ монастыря
Пѣлъ слѣпецъ передъ толпою,
Прямо въ солнце взоръ вперя,
Взоръ, покрытый вѣчной тьмою.

Слѣпъ рожденъ, весь вѣкъ въ нуждѣ,
Пѣлъ онъ пѣснь одну и ту-же,
Пѣлъ о Страшномъ онъ Судѣ,
Пѣлъ о Зломъ и Добромъ Мужѣ.

Чуждъ живущему всему;
Только славя Судъ Господній,
Населялъ свою онъ тьму
Лишь страстями преисподней;

Точно слышалъ онъ во мглѣ
Вздохи, плачъ и скрежетъ зубный,
Огнь, текущій по землѣ,
И по небу голосъ трубный,

И напѣвъ его гудѣлъ
Далеко трубою мѣдной,
И невольно вкругъ робѣлъ
Старъ и младъ, богачъ и бѣдный.

Кончилъ старецъ; а народъ
Все вокругъ стоитъ въ молчаньи;
Всѣхъ томитъ и всѣхъ гнететъ
Мысль о страшномъ покаяньи...

Только вдругъ изъ кабака
Скоморохъ идетъ красивый,
Выбирая трепака
На гармоникѣ визгливой;

Словно ожилъ вдругъ народъ,
Побѣжалъ за нимъ гурьбою...
Смѣхъ и пляски—въ полный ходъ!
И слѣпецъ забытъ толпою.

Возроптали старики:
„Эка дьявольская прелесть!
Сами лѣзутъ дураки
Змѣю огненному въ челюсть!“

Слышитъ ропотъ ихъ слѣпецъ:
— „Не судите, молвитъ, строго!
Благъ — небесный нашъ Отецъ:
Смѣхъ и слезы — все отъ Бога!

„Отъ Него — и скорбный стихъ,
Отъ него — и стихъ веселый!
Тотъ спасенъ, кто любитъ ихъ
Въ свѣтлый часъ и въ часъ тяжелый!

„А кто любитъ ихъ — мягка
Въ томъ душа и незлобива,
И къ добру она чутка,
И раститъ его, какъ нива.“

1860.

* * *

Дорогъ мнѣ, передъ иконой
Въ свѣтлый ризѣ золотой,
Этотъ ярый воскъ, возженый
Чьей невѣдомо рукой...
Знаю я — свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ:
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ;
Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой...
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой:
Это — мѣдный грошъ вдовицы,
Это — лепта бѣдняка,

Это... можетъ быть... убійцы
Покаянная тоска...
Это — свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души...

1869.

СТРАНЫ и НАРОДЫ.

I.

Разрушеніе Іерусалима.

Ущельемъ на гору мы шли въ ту ночь, въ оковахъ.
Уже багровый блескъ на мутныхъ облакахъ,
Крикъ пролетавшихъ птицъ и смѣхъ вождей суровыхъ
Давно питали въ насъ зловѣщій, тайный страхъ.

Идемъ... и — ужасъ! — вдругъ сверкнулъ огонь струею
На шлемахъ всадниковъ, предшествовавшихъ намъ...
Пылалъ Ерусалимъ! пылалъ священный храмъ —
И вѣтеръ пламя гналъ по городу рѣкою...

И вопли наши вдругъ въ единый вопль слились...
„Ахъ, мщенья! мщенія!“.. Но дико загремѣли
Ручныя кандалы... „О, Богъ отцовъ! ужели
Ты медлишь! Ты молчишь!.. Возстань! вооружись

Въ грома и молніи!“.. Но все кругомъ молчало...
Съ мечами на-голо, на чуждомъ языкѣ
Кричала римская когорта и скакала
Вкругъ насъ, упавшихъ ницъ въ отчаянной тоскѣ...

И повлекли насъ прочь... и все кругомъ молчало...
И Богъ безмолствовалъ... И снова мы съ холма
Спускаться стали въ долъ, гдѣ улегалась тьма,
А небо на нее багряный блескъ роняло.

1864.

II.

Изъ Петрарки.

Когда она вошла въ небесныя селенья,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ,
Въ благоговѣніи и тихомъ изумленьи,
Изъ глубины небесъ слетѣвшись, окружилъ.
„Кто это? шепотомъ другъ друга вопрошали —
Давно ужь изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ, въ сіяньи чистоты,
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты.“

И, тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ,
Но, замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ,
И ждетъ, иду ли я за нею по слѣдамъ...
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! молю и жду — когда же?

1860.

III.

Мадонна.

Стою передъ образомъ Мадонны
Его писалъ монахъ святой,
Старинный мастеръ, не ученый;
Видна въ немъ робость, стиль сухой;

Но робость кисти лишь сугубитъ
Величье Дѣвы: такъ она
Вамъ сострадаетъ, такъ васъ любитъ,
Такою благостью полна,

Что вѣришь, какъ гласитъ преданье,
Передъ художникомъ святымъ,
Сама Пречистая въ сіяньѣ
Являлась, видима лишь имъ...

Измученъ подвигомъ духовнымъ,
Постомъ суровымъ изнуренъ,
Неразъ на помостѣ церковномъ
Былъ поднятъ иноками онъ —

И, призванъ къ жизни ихъ мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Онъ братью раздвигалъ руками
И шелъ къ холсту, душой молясь,

Брался за кисть, и въ умиленьѣ
Онъ кистью то̀ изображалъ,
Что отъ небеснаго видѣнья
Въ воспо́миманьѣ сохранялъ —

И слезы тихія катились
Вдоль блѣдныхъ щекъ... и, страхъ тая,
Монахи вкругъ него молились,
И плакали — какъ плачу я...

Флоренція, 1859.

IV.

Менестрель.

(Провансальскій романсъ).

Жилъ-былъ менестрель въ провансальской землѣ,
Въ почетѣ онъ жилъ при самомъ королѣ....
„Молчите, проклятыя струны!“

Король былъ не ровня другимъ королямъ,
Свой родъ возводилъ онъ къ безсмертнымъ богамъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

И дочь онъ, красавицу Берту, имѣлъ...
Смотрѣлъ лишь на Берту пѣвецъ, когда пѣлъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Когда же онъ пѣлъ, то дрожала она —
То вспыхнетъ огнемъ, то какъ мраморъ, блѣдна...
„Молчите, проклятыя струны!“

И самъ императоръ посватался къ ней...
Глядитъ менестрель все угрюмѣй и злѣй...
„Молчите, проклятыя струны!“

Данъ знакъ менестрелю: когда будетъ балъ,
Чтобъ въ темной аллеѣ у грота онъ ждалъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Что было, чью руку лобзалъ онъ въ слезахъ,
И чей поцѣлуй у него на устахъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Что́ кесаря значитъ внезапный отъѣздъ;
Чей въ склепѣ фамильномъ стоитъ новый крестъ —
„Молчите, проклятыя струны!“

Изъ казней какую король изобрѣлъ,
О чемъ съ палачемъ долго рѣчи онъ велъ —
„Молчите, проклятыя струны!..“

Погибъ менестрель, бѣдный вешній цвѣтокъ!
Король даже лютню разбилъ самъ и сжегъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

И лютню онъ сжегъ — но не грёза, не сонъ
Вездѣ его лютни преслѣдуетъ звонъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Онъ слышитъ: незримыя струны звучатъ,
И страшныя, ясно, слова говорятъ...
„Молчите, проклятыя струны!“

Не ѣстъ онъ, не пьетъ онъ, и ночи не спитъ,
Молчитъ — лишь порой, какъ безумный, кричитъ:
„Молчите, проклятыя струны!“—

1869.

V.

Приговоръ.

(Легенда о Констанскомъ соборѣ).

На соборѣ, на Констанскомъ,
Богословы засѣдали;
Осудивъ Іогана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.

Въ длинной рѣчи докторъ черный,
Перебравъ всѣ истязанья
Предлагалъ ему соборно
Присудить колесованье,

Сердце, зла источникъ, кинуть
На съѣденье псамъ поганымъ,
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать склевать нечистымъ вранамъ;

Самый трупъ — предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый...

Такъ, по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ;

И, дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Восклицали: „bene, bene!“
Люди, опытные въ спорѣ;

Каждый чувствовалъ, что смута
Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
И что докторъ изъ сомнѣній
Ихъ, какъ изъ лѣсу, выводитъ...

И не чаяли, что тутъ-же
Ждетъ еще ихъ испытанье...
И соблазнъ великій вышелъ! —
Такъ гласитъ повѣствованье:

Былъ при кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый;
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы;

Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣетъ
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользятъ лучи заката
Вкругъ по мантіямъ и ризамъ;

Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усъ задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя...

Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и — оживился;
За пажомъ невольно кесарь
Поглядѣлъ, развеселился —

За владыкой — рядъ за рядомъ,
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:

Грозный сонмъ князей имперскихъ,
Отъ Сорбонны депутаты, —
Трирскій, Люттихскій епископъ,
Кардиналы и прелаты —

Оглянулся даже папа! —
И—суровый ликъ дотолѣ
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневолѣ;

Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началъ путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и — улыбаться!

И чего жь они такъ смотрятъ?
Что могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое?
Или — розовыя горы?

Но — они таятъ дыханье
И, отдавшись сладкимъ грезамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ...

Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ замкомъ,
Вечеръ празднуя весенній;

Онъ занѣлъ — и каждый вспомнилъ
Соловья такого жь точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ,
Кто надъ Рейномъ, въ часъ урочный,

Кто — таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто — трактировъ швабскихъ Гебу,
Разливательницу пива...

Словомъ — всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грезы счастья,
Золотые дни свободы —

И — исторія не знаетъ,
Сколько длилося молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья...

Былъ въ собраньи этомъ старецъ;
Изъ пустыни вызванъ папой,
И почтенъ за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой;

Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;

И, какъ шепотъ раздается
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
„Жалко Гуса“ прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся—онъ и, объятья
Всѣмъ присущимъ открывая,
Со слезами молвилъ: „братья!“

Но, какъ будто перепуганъ
Звукомъ собственнаго слова,
Костылемъ ударилъ объ полъ
И упалъ на мѣсто снова;

„Пробудитесь“, возопилъ онъ,
Блѣдный, ужасомъ объятый:
„Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ!
Это гласъ его, проклятый!...

„Каюсь вамъ, отцы святые!
Льстивой пѣснью обаянный,
Позабылъ я пребыванье
На молитвѣ неустанной —

„И вошелъ въ меня нечистый! —
Къ вамъ простеръ мои объятья,
Изъ меня хотѣлъ воскликнуть:
„Гусъ невиненъ.“—Горе, братья!..“

Ужаснулося собранье,
Встало съ мѣстъ своихъ, и хоромъ
„Да воскреснетъ Богъ“ запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ,—

И, очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,
Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ распятьемъ,—

И, возставъ, Іогана Гуса,
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье христіанамъ,
Осудили—на сожженье...

Такъ святая ревность къ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада!
Отъ соборнаго проклятья
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада,

И надъ озеромъ Констанскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ искры сѣя.

Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини старушки
И одинъ констанскій ратманъ,
Возвращавшійся съ пирушки.

1860.

VI.

Миньона.

(Изъ Гёте).

Ахъ, есть земля, гдѣ померанецъ зрѣетъ,
Лимонъ въ садахъ желтѣетъ круглый годъ;
Такимъ тепломъ съ лазури темной вѣетъ,
Такъ скромно миртъ, такъ гордо лавръ ростетъ!..
Гдѣ этотъ край? Туда, туда,
Уйти бы намъ, мой милый, навсегда!

Я помню залъ: колонна за колонной,
И мраморы стоятъ передо мной,
И на меня взирая благосклонно,
Мнѣ говорятъ: малютка, что съ тобой?
Ахъ, милый мой! Туда, туда,
Уйти бы намъ съ тобою навсегда!

А тамъ — гора: вдоль сыплющихся склоновъ,
Средь облаковъ карабкается мулъ...
Внизу — обрывъ, гдѣ слышенъ ревъ драконовъ,
Паденье скалъ, потоковъ пѣнныхъ гулъ...
Гдѣ этотъ край?.. Туда, туда
Уйти бы намъ, мой милый, навсегда!

Поэтъ и цвѣточница.

(Гётевская элегія).

Она.

Высыпь цвѣты изъ корзины у ногъ моихъ, милый,
Сядь и ужь мнѣ не мѣшай!.. Скоро смеркаться начнетъ.

Онъ.

Что за хаосъ вкругъ тебя! и надъ нимъ, какъ Любовь, ты склонилась,
Мыслью готова въ него жизнь и гармонію влить!

Она.

Розы не трогай: чудесныя розы! изъ нихъ—заглядѣнье
Выйдетъ вѣнокъ — и тебѣ этотъ вѣнокъ я подамъ!

Онъ.

Какъ мнѣ забавно всегда! на пиру ты вѣнокъ мнѣ подносишь!
Я равнодушнымъ кажусь — самъ же весь занятъ тобой!

Она.

Ты не глядишь на меня, но я чувствую взглядъ твой горячій!
Точно сребристую сѣть я за собой волочу!

Онъ.

Это влечетъ тебя сердце мое въ уголокъ нашъ укромный,
Гдѣ ты — какъ Флора въ цвѣтахъ, и у колѣнъ твоихъ я.

Она.

Да, а сойдемся мы здѣсь — отъ меня ты ужь мыслью далеко!
Вотъ и теперь не глядишь... Что́ же ты вдругъ замолчалъ?

Онъ.

Вотъ что́ я вспомнилъ: Былъ Павзій, художникъ; любилъ онъ Гликеру;
Плесть мастерица была эта Гликера вѣнки.

Она.

Это — какъ будто бы мы! Только ты не художникъ, а лучше —
Фебомъ любимый поэтъ! гордость и слава Аѳинъ!

Онъ.

Эту Гликеру прелестнѣйшей дѣвушкой, милымъ ребенкомъ
Онъ всю въ цвѣтахъ написалъ, и — обезсмертилъ себя!

Она.

Что́ же? и ты обезсмерть себя славной поэмой!.. Я часто
Думаю: что́ бы тебѣ нашу любовь описать?

Онъ.

Павзій—счастливѣй! черты своей милой Гликеры онъ кистью
Могъ передать; а въ стихахъ—какъ опишу я тебя?

Она.

Вотъ ты какъ сдѣлай: пусть въ Индіи будетъ, гдѣ звѣри и птицы
Дружно съ людьми говорятъ, много гдѣ всякихъ чудесъ!..

Онъ.

Странно! съ любовью въ разладъ вдохновенье идетъ у поэта
Кажется — какъ я люблю!.. и — хоть бы пѣснь! хоть бы стихъ!

Она.

Жилъ тамъ волшебникъ; малюткой царевну похитилъ... Малютка
Стала цвѣты продавать; только, однажды былъ пиръ —

Онъ.

Царскій былъ сынъ на пиру; онъ влюбился, и кончилось свадьбой!
Въ сказкахъ всегда это такъ... только немного старо —

Она.

Нѣтъ, не старо! можно выдумать рядъ приключеній чудесныхъ...
Какъ онъ умомъ и мечемъ чары умѣлъ побѣдить...

Онъ.

Бился съ гигантами! конное, пѣшее войско съ слонами,
Тьмы колесницъ золотыхъ въ бѣгство одинъ обратилъ!

Она.

Ты только шутишь со мной!.. а молчанье твое мнѣ ужасно!..
Помнишь ли ты на пиру первый вѣнокъ мой тебѣ?

Онъ.

Этотъ вѣнокъ и теперь у меня надъ кроватью хранится...
Первый, который ты мнѣ, пиръ обходя, подала?

Она.

Помнишь — вѣнчая твой кубокъ, я почку въ вино уронила:
Выпивъ вино, ты сказалъ: „дѣва! цвѣты—это ядъ!“

Онъ.

Какъ же!.. и съ маленькимъ женскимъ лукавствомъ и дѣтски краснѣя,
„Пчелки, сказала ты, въ нихъ медъ достаютъ, а не ядъ!“

Она.

Если съ тѣхъ поръ твоя муза молчитъ, ты угрюмъ и несчастливъ,
Значитъ, то правда, что жизнь я отравила тебѣ?

Онъ.

Полно, мой другъ, я молчу лишь отъ счастья!.. Какъ музыка, нѣжный
Голосъ твой мнѣ прозвучалъ — тамъ, средь мужскихъ голосовъ!

Она.

Лучше бъ молчать мнѣ, и пчелокъ не трогать! вѣдь къ этому слову
Рыжій придрался Тимантъ, крикнулъ — „и шмель не дуракъ!“

Онъ.

Гнусный Силенъ!.. и облапилъ тебя, какъ медвѣдь! покатилась
Въ уголъ корзина твоя... всѣ разлетѣлись цвѣты!..

Она.

Какъ онъ меня напугалъ!.. только слышу: „оставь ее, циникъ!“
Вижу — ты съ мѣста вскочилъ, свѣтелъ какъ самъ Аполлонъ!

Онъ.

Онъ не сробѣлъ, а держалъ тебя, бѣлые зубы оскаливъ,
Легкое платье твое по поясъ съ плечъ разорвалъ...

Она.

Ужасъ! какъ бросишь въ него ты серебрянымъ кубкомъ!.. я помню,
Какъ онъ о черепъ его звякнулъ и прыгать пошелъ!..

Онъ.

Гнѣвъ и вино ослѣпляли меня!.. но успѣлъ разглядѣть я,
Какъ ни старалась ты скрыть, круглое... это плечо...

Она.

Ахъ, что за шумъ поднялся! весь облитый виномъ, онъ затрясся!
Съ мокрыхъ волосъ по лицу кровь заструилась ручьемъ...

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!.. въ слезахъ, на полу, на колѣняхъ,
Платье одною рукой ты собирала на грудь...

Она.

Блюдо, тарелки въ тебя полетѣли, звеня и блистая!
Точно взбѣшенный Аяксъ, все онъ ломалъ вкругъ себя!

Онъ.

Только тебя я и видѣлъ!.. какъ быстро другою рукою
Ты подбирала вѣнки, взоромъ за нами слѣдя...

Она.

Доброе сердце! ты думалъ—меня ушибутъ... а хозяинъ
Ярость обрушитъ на мнѣ — всталъ и меня заслонилъ!

Онъ.

Пестрый коверъ перекинулъ я на руку, точно готовясь
Въ битвѣ съ свирѣпымъ быкомъ бросить ему на глаза!

Она.

Я ускользнула, увидя, что гости вступились, стараясь
За руки васъ удержать, вмѣстѣ стыдя и моля.

Онъ.

Къ счастью все кончилось смѣхомъ: вскочилъ и трагическимъ тономъ:
„Что вы, Ахейцы!“ намъ рѣчь сталъ говорить Діогенъ.

Она.

Этотъ сѣдой Діогенъ притворяется только сердитымъ;
Право, душа у него, кажется, вовсе не зла!..

Онъ.

Онъ успокоилъ все шуткой... Но тщетно тебя я хватился!
Три дня тебя я искалъ! три дня на рынкѣ бродилъ!

Она.

Я со стыда не могла показаться... вѣдь всѣ меня знаютъ,
Любятъ—и вдругъ обо мнѣ въ городѣ говоръ пошелъ.

Онъ.

Много я видѣлъ вѣнковъ, много видѣлъ цвѣтовъ и цвѣточницъ,
Не было только одной—маленькой Лиды моей!

Она.

Дома вѣнки я сплетала... рядкомъ ихъ, бывало, развѣшу...
Вотъ и теперь они тутъ... всѣ ужь засохли давно!

Онъ.

Гдѣ ты живешь, переспрашивалъ женщинъ, старухъ я на рынкѣ,
Даже гулякъ и повѣсъ—всѣ становились въ тупикъ!

Она.

Вечеръ, бывало, сижу я, гляжу на вѣночки, и плачу...
Ночь подвигалась... цвѣта гасли одинъ за другимъ...

Онъ.

Въ горѣ, усталый, къ богамъ я взывалъ, къ Аполлону взывалъ я:
„О, сребролукій! да гдѣ жь? гдѣ же укрылась она?“

Она.

Все мнѣ казалось, что вотъ ты войдешь... и что̀ буду я дѣлать?
Съ тайной надеждой пошла на́-площадь я наконецъ...

Онъ.

Я ужь давно тамъ бродилъ... насмотрѣлся, наслушался вдоволь!
Рыба, плоды, пѣтухи! крики ословъ и старухъ!...

Она.

Что тамъ за шумъ былъ, когда я тебя наконецъ увидала?

Онъ.

Право, не знаю... но вдругъ ты мнѣ мелькнула въ
толпѣ...

Она.

Точно въ челнѣ сквозь высокій тростникъ, въ тѣснотѣ ты
пробился...

Онъ.

И очутилися вдругъ въ шумной толпѣ мы одни!

Она.

Помню, я слышала только, какъ сердце въ груди моей билось...

Онъ.

Рядомъ пошли мы съ тобой... въ очи другъ другу
глядя...

Она.

Такъ, какъ теперь ты глядишь, и съ такою же тихой улыбкой...

Онъ.

Какъ ты прекрасна была, солнцемъ облита живымъ!

Она.

Вышли мы за-городъ...

Онъ.

Море блистало въ дали серебристой...

Она.

Все это, милый, теперь кажется сказкою мнѣ!

Онъ.

И безъ волшебника сказка! безъ царскаго сына, царевны!

Она.

Это—поэма, мой другъ!

Онъ.

Милая Муза моя!

Она.

Тише! вѣнки изомнешь... о, какъ скоро стемнѣло сегодня!...
Какъ же хорошъ и какъ смѣлъ на этомъ пирѣ ты былъ!

1862.

VIII.

Алексисъ и Дора.

(Пересказъ Гётевской элегіи).

Ахъ, неудержно впередъ, неудержно все далѣ и далѣ
Мчится на всѣхъ парусахъ въ синее море корабль!..
Слѣдъ его длинной темнѣетъ струей, и, сверкая, дельфины
Весело прыгаютъ въ ней, словно добычу ловя.
Кормчій на снасти глядитъ—точно музыку слушаетъ: лихо,
Въ добрую пору пошли! вѣтеръ попутный какъ разъ!
Очи пловцовъ и мечты ихъ, какъ флаги и вымпелъ летучій,
Весело смотрятъ впередъ... Духомъ поникъ лишь одинъ.
Къ борту склонясь корабля, онъ все смотритъ, какъ горы блѣднѣютъ,
Берегъ уходитъ изъ глазъ... вотъ ужь изъ виду пропалъ...
„И у тебя, моя Дора—онъ шепчетъ—ужь скрылся изъ виду
Въ морѣ корабль мой и я, милый твой, другъ твой, женихъ!

Тщетно и ты меня ищешь, съ высокаго берега смотришь —
Вкругъ безотвѣтна на все, думой въ себя погрузясь!..
Сердце, прижавшися разъ къ моему, все не можетъ утихнуть!
Мысль твоя новую жизнь тщетно стремится обнять!

„Мигъ это былъ, только мигъ, но онъ вдругъ перевѣсилъ всѣ годы
Мной прожитые во тьмѣ, въ сонномъ, тупомъ забытьи.
Словно ударъ громовой, словно молнія въ сердце упала,
Спавшія силы въ груди радостно вдругъ пробудивъ.
Словно совсѣмъ я другой; и смотрю на себя съ любопытствомъ.
Прежняя жизнь моя вдругъ смыслъ получила въ глазахъ...
Такъ стихотворецъ въ стихахъ на пиру предлагаетъ загадку,
Скрывши значенье ея въ образахъ, звукахъ, цвѣтахъ;
Каждымъ любуешься порознь, но вмѣстѣ все дико и странно;
Если жь разгадку нашелъ, вдругъ получаетъ все смыслъ.
Вотъ и разгадка моя! все, что въ жизни за счастье считалъ я,—
Словно уходитъ во мракъ. Все заслоняя собой,
Образъ ея, незамѣтный доселѣ, одинъ выступаетъ...
Дѣвочкой вижу ее: черные кудри какъ смоль,
Блѣдная смуглость лица, только — длинныя тѣ-же рѣсницы,
Черные тѣ-же глаза, тотъ-же задумчивый взглядъ...

Вотъ выростаетъ: съ плодами на рынокъ проходитъ по утру,
Вотъ отъ фонтана идетъ съ полнымъ кувшиномъ воды!...
Часто я думалъ: „а вотъ съ головы ты кувшинъ свой уронишь“!
Только, какъ лебедь, она, словно не шла, а плыла...
Къ морю, бывало, мы, юноши, выйдемъ въ вечернюю пору;
Дѣвушки тутъ-же сидятъ, въ тѣсный сомкнувшись кружокъ,
Смотрятъ, какъ плоскіе камни, плашмя по водѣ мы кидаемъ;
Чей сдѣлалъ больше прыжокъ, славу тому прокричатъ...
Крикнутъ и мнѣ: я жь и знать не хотѣлъ, есть ли Дора межь ними!
Всѣ пропадаютъ теперь, вижу одну лишь ее.
Вижу задумчивый взглядъ, изъ толпы на меня устремленный,
Такъ и слѣдитъ онъ за мной, всюду онъ ищетъ меня...
Видѣлъ ее я, какъ мѣсяцъ и звѣзды видаемъ мы ночью, —
Развѣ приходитъ на мысль ими когда обладать?
Садъ — стѣна объ стѣну съ нашимъ; бывало, калитка открыта,
Но заглянуть хоть бы разъ — въ мысль не пришло никогда...

„Подлѣ! такъ близко! Теперь же межь нами широкое море!
Вѣтру съ недѣлю я жду. Въ скукѣ брожу какъ шальной.

Вдругъ прибѣгаетъ матросъ, кличетъ: „вѣтеръ попутный!
скорѣе!
„Тотчасъ канатъ отдаемъ. Вздернемъ какъ разъ паруса!"
Я собираюсь, бѣгу. Кое-какъ съ стариками простился...
Даже всплакнуть-то хоть разъ — знали что некогда имъ!
Въ руки мнѣ суютъ припасы. Я на руку плащъ, выбѣгаю;
Дора въ калиткѣ стоитъ, что-то мнѣ хочетъ сказать.
„Дора, прощай! говорю, и бѣгу, — чуть кивнулъ головою.
— „Можно тебя попросить, такъ вѣдь сказала она,
— „Ты за товарами ѣдешь... цѣпочку давно мнѣ хотѣлось..."
„Будь же такъ добръ, привези, я заплачу по цѣнѣ".
Спрашивать (не-хотя даже!) я началъ: какую, что вѣсу?
Самую малую мнѣ цѣну сказала она...
Я поглядѣлъ на нее... да ужель это Дора?.. та Дора, —
Та, что я видѣлъ вчера?.. Слѣпъ ли я былъ до сихъ
поръ?
Иль измѣнилась она?.. То подыметъ стремительно очи,
То ихъ опуститъ на грудь... щеки румянцемъ горятъ...
Вкругъ нея, словно вкругъ дѣвственной дщери Олимпа, —
сіянье!
Боги!... А съ пристани тамъ громче и громче кричатъ...
— „Вотъ захвати ты съ собой, встрепенулась она, апельси-
новъ,
„На морѣ негдѣ достать, и не во всякой землѣ"...

Скрылась въ калитку; и я вслѣдъ за ней; апельсины срываетъ:

Пальцы на солнцѣ сквозятъ... тѣни скользятъ по лицу...
Падаетъ плодъ за плодомъ... я за нею едва поспѣваю...
„Будетъ!“ твержу, но она ищетъ все лучшихъ вверху...
— „Тотчасъ уложимъ въ корзину“, — корзина въ бесѣдкѣ стояла—

Сводъ виноградныхъ листовъ принялъ подъ тѣнь свою насъ...
Стала плоды она, молча, въ корзину укладывать, въ листья...
Ахъ, я боялся дышать! сердце жь стучало въ груди!
Вотъ и корзина готова, а я—все стою неподвижно...
Дора! — Тутъ очи и ты вдругъ подняла на меня...
Какъ же тутъ было? и что мы сказали, что вдругъ очутилась

Грудь твоя подлѣ моей?... Вижу твоя голова
Тутъ у меня на плечѣ... по щекѣ пробирается слезка...
„Дора! ты вѣчно моя?“ вырвалось вдругъ у меня...
— „Вѣчно!“ промолвила ты, и уста наши встрѣтились сами!..
Съ берега громче кричатъ. Вижу—въ калитку матросъ
Кличетъ, и выставилъ, словно сердитый Тритонъ, свою рожу...

Боги! вдругъ счастье обнять — и потерять въ тотъ-же мигъ!..
Другъ противъ друга стоимъ мы, и слезы текутъ у обоихъ...

Какъ подбѣжалъ тутъ матросъ, побралъ пожитки мои,
Въ зубы корзину съ плодами схватилъ, и меня за одежду,
Съ бранью, толкая, увелъ... какъ я взошелъ на корабль...
Все это точно, какъ сонъ!.. Помню — берегъ въ глазахъ
вдругъ поѣхалъ —
Домы, деревья, гора... Тутъ лишь опомнился я...
Къ борту припалъ: разбиваясь, съ пѣною волны мелькаютъ,
Крѣпкія снасти скрипятъ... Я чуть стою на ногахъ...
Въ сердцѣ лишь „вѣчно твоя“ и звучитъ... весь дрожу я,
какъ лира
Долго хранящая гулъ трудно стихающихъ струнъ...
„Да, ты взошло, мое солнце! Завѣса съ грядущаго спала,
Дора! отнынѣ тебѣ — жизнь моя, слава, труды!..
Вѣй же, попутный Эолъ!.. Подтяните-ка парусъ потуже!
Вправо возьмите руля!.. Ухъ, словно птица летимъ!..“

XIX.

Конь.

(Изъ сербскихъ пѣсенъ).

Свѣтлолица, черноброва,
Веселѣе бѣла дня,
Водитъ дѣвица лихова
Опѣненнаго коня;

Гладитъ гриву воронова,
И въ глаза ему глядитъ:
„Я коня еще такова
Не видала!“ говоритъ.

„Чай коня и всадникъ стóитъ...
Только онъ тебя наврядъ
Вдоволь холитъ и покоитъ...
Чтó онъ—холостъ аль женатъ?“

Конь мотаетъ головою
Бьетъ ногою, говоритъ:
„Холостъ, — только за душою
Думу крѣпкую таитъ.

„Онъ со мною, стороною,
Заговаривалъ неразъ —
Не послать ли за тобою
Добрыхъ сватовъ, въ добрый часъ.“

А она въ отвѣтъ, краснѣя:
„Я для добраго коня
Стала бъ сыпать, не жалѣя,
Полны ясли ячменя;

„Стала бъ розовыя ленты
Въ гриву черную вплетать,
На попону позументы
Съ бахромою нашивать;

„Въ вѣчной холѣ, безъ печали
Мы бы зажили съ тобой...
Только бъ сватовъ высылали
Поскорѣе вы за мной.“

X.

Пастухъ.

(Испанская легенда).

Былъ суровъ король донъ-Педро;
Трепеталъ его народъ,
А придворные дрожали,
Только усомъ поведетъ.

„Я люблю — твердилъ онъ — правду,
Видъ открытый, смѣлый взоръ,“ —
Только правды (вотъ вѣдь странность!)
Пуще лжи боялся дворъ.

Разъ охотился донъ-Педро;
Утомясь, онъ далъ сигналъ,
Чтобъ для завтрака у рѣчки
Сдѣлать маленькій привалъ.

Тра-та-та — звучитъ въ долинѣ,
Межь покрытыхъ лѣсомъ горъ;
На призывъ отвсюду скачутъ
Гранды, рыцари и дворъ.

Собрались. Донъ-Педро веселъ;
Самъ двухъ вепрей застрѣлилъ,
И своимъ весельемъ — лица
Всѣхъ, какъ солнцемъ, озарилъ!

Онъ смѣется — всѣ хохочутъ...
Разговоръ пошелъ и смѣхъ..
Но о чемъ же смѣхъ и говоръ?
Рѣчь о чемъ?.. Одна у всѣхъ:

Говорятъ, что чудо-мальчикъ
Тутъ-же козъ пасетъ въ горахъ—
Купидонъ въ широкой шляпѣ,
Съ козьимъ мѣхомъ на плечахъ!

Длиннокудрый! черноглазый!
Но, хотя угрюмъ и дикъ,
А бѣдовый! Нѣтъ вопроса,
Передъ чѣмъ бы сталъ въ тупикъ.

Пожелалъ король увидѣть
Пастуха — и вотъ бѣгутъ,
Понеслись пажи, что̀ стрѣлы,
И чрезъ мигъ его ведутъ.

Посмотрѣлъ король. Съ минуту
Призадумался... Кругомъ
Словно туча набѣжала
Словно ждутъ! что грянетъ громъ.

„Вотъ, сказалъ онъ, три вопроса:
Разрѣшишь — возьму въ пажи!
Много ль капель въ синемъ морѣ?
Посчитай-ка, да скажи!“

—„Я сочту, отвѣтилъ мальчикъ,
Счетъ не дологъ, не тяжелъ,
Но, пока считать я буду,
Повели, чтобъ дождь не шелъ.“

—„Ну, а много ль звѣздъ на небѣ?“
И философъ, не смутясь:
—„Повели сойти имъ съ неба,
Я тогда сочту какъ разъ“.

Понахмурился донъ-Педро.
Дворъ дыханье затаилъ.
—„Ну, а много ль дней у Бога?“
Помолчавъ, король спросилъ.

—„Дни у Бога крадетъ время.
Повели, чтобы оно
Хоть на мигъ остановилось —
И ужь счесть не мудрено“.

—„Молодецъ!—вскричалъ донъ-Педро,
Хохоча, — да этотъ клопъ
Всѣхъ вельможъ моихъ умнѣе!..“
Тѣ смѣялись, морща лобъ.

—„Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мнѣ, и ѣсть, и пить —
И одинъ, надѣюсь, станешь
Смѣло правду говорить.“

Гранды вовсе растерялись:
„Что́ онъ — плутъ или мудрецъ?
„Грубіянъ!“ единодушно
Порѣшили наконецъ.

Но старались грубіяну
Угодить хоть чѣмъ-нибудь...
Онъ же робко озирался,
Какъ бы въ горы улизнуть.

Только дамы безкорыстно
Цѣловали мудреца,
Въ немъ хваля глаза и розы
Загорѣлаго лица.

1866.

Пѣвецъ.

(Изъ Шамиссо).

Свѣтелъ ликомъ, съ смѣлой лирой,
Передъ юностью цвѣтущей,
Пѣлъ старикъ худой и сирой:
„Я—въ пустынѣ вопіющій!“
Возглашалъ онъ: „все прійдетъ!
Тише, вѣтренное племя!
Созидающее время
Все съ собою принесетъ!

„Полно, дѣти, въ тщетномъ гнѣвѣ
Древо жизни потрясать!
Лишь цвѣты еще на древѣ!
Дайте плодъ имъ завязать!
Недозрѣвъ — онъ полнъ отравы,
А созрѣетъ — самъ спадетъ,
И довольства вамъ и славы
Въ ваши домы принесетъ“.

Юность вкругъ толкуетъ важно,
На пѣвца какъ звѣрь ярясь:
„Что онъ лирою продажной
Останавливаетъ насъ?
Подымайте камни, братья!
Лжепророка заклеймимъ!
Пусть народныя проклятья
Всюду слѣдуютъ за нимъ“...

Во дворецъ съ своею лирой
Онъ пришелъ, къ царю зовущій;
Громко пѣлъ, худой и сирой:
„Я—въ пустынѣ вопіющій!
Царь! впередъ иди, впередъ!
Вѣкъ зоветъ! созрѣло сѣмя!
Созидающее время
Не прощаетъ и не ждетъ!

„Гонитъ вѣтеръ, мчитъ теченье!
Смѣло парусъ расправляй!
Божьей мысли откровенье
Въ шумѣ бури угадай!
Просіяй передъ народомъ
Этой мысли торжествомъ, —

И пойдетъ спокойнымъ ходомъ
Онъ за царственнымъ вождемъ!“

Внялъ владыко... онѣмѣли
Царедворцы и, съ тоской,
Шепчутъ: какъ не досмотрѣли!
Какъ онъ смѣлъ! Кто онъ такой?
Что за бредни онъ городитъ!
Соблазняетъ лишь людей
И царя въ сомнѣнье вводитъ...
На-цѣпь дерзкаго скорѣй!“

И въ тюрьмѣ, съ спокойной лирой,
Тихъ предъ силою гнетущей,
Пѣлъ старикъ худой и сирой:
„Я — въ пустынѣ вопіющій!
Долгъ свершенъ. Пророкъ молчитъ.
Честно снесъ онъ жизни бремя...
Созидающее время
Остальное довершитъ.“

1857.

XI.

Принцесса Шабашъ.

(Изъ Гейне).

Въ старыхъ сказкахъ говорится,
Будто въ образѣ звѣриномъ
Ходятъ часто — чародѣемъ
Заколдованные принцы.

Но бываютъ дни—и принцы
Принимаютъ прежній образъ;
Принцъ волочится, и дамамъ
Серенады воспѣваетъ,—

Все до часа рокового;
А настанетъ онъ — мгновенно
Свѣтлый принцъ — четвероногимъ
Снова дѣлается звѣремъ.

Днесь воспѣть такого принца
Я намѣренъ. Онъ зовется —
Израиль, и злою вѣдьмой
Обращенъ давно въ собаку.

Всю недѣлю по-собачьи
Онъ и чувствуетъ, и мыслитъ,
Грязный шляется и смрадный,
На позоръ и смѣхъ мальчишкамъ...

Но лишь пятница минуетъ —
Принцъ становится, какъ прежде,
Человѣкомъ, и выходитъ
Изъ своей собачьей шкуры.

Мыслитъ, чувствуетъ, какъ люди,
Гордо, съ поднятой главою,
И разряженный, вступаетъ
Онъ въ отцовскіе чертоги:

„Прародительскія сѣни!“ —
Ихъ привѣтствуетъ онъ нѣжно —
„Домъ Іаковлевъ! цѣлую
Прагъ у вратъ твоихъ священныхъ!“

По чертогамъ пробѣгаетъ
Легкій шопотъ и движенье;
Тихо въ храмѣ все; чуть дышетъ
Самъ невидимый хозяинъ.

Сенешаль великій только —
(То есть служка въ синагогѣ) —
Лазитъ вверхъ и внизъ поспѣшно,
Въ храмѣ лампы зажигая.

Лампы — свѣточи надежды!
Какъ горятъ онѣ, какъ блещутъ!
Залита огнемъ эстрада,
Гдѣ читать выходятъ Тору,

И уже передъ ковчегомъ,
Занавѣшеннымъ покровомъ
Съ драгоцѣнными камнями,
И хранящимъ эту Тору,

Канторъ всталъ—изящный канторъ;
Вотъ онъ, съ духомъ собираясь,
Вздернулъ плечи, растопыря
Черный плащъ присемъ локтями,—

Вотъ онъ, ручкой щеголяя,
Потрепалъ себя по шеѣ,
Перстъ къ виску прижалъ, большимъ же
Пальцемъ горло расправляетъ.

Долго онъ бормочетъ тихо —
Наконецъ, какъ вдохновенный,
Возглашаетъ громогласно:
„Лехо Дойди Ликрасъ Калле!

„О, гряди, женихъ желанный,
Ты во срѣтенье невѣстѣ, —
Той, которая откроетъ
Для тебя свой ликъ стыдливый!

Этотъ стихъ вѣнчальный сложенъ
Былъ Іегудой бенъ-Галеви,
Пѣснопѣвцемъ знаменитымъ
Въ дни халифовъ мавританскихъ;

Въ этомъ гимнѣ восхвалялъ онъ
Обрученье Израиля
Съ царственной принцессой Шабашъ —
Молчаливою принцессой...

Перлъ и цвѣтъ красотъ вселенной—
Эта чудная принцесса!
Что тутъ савская царица,
Соломонова подруга!

Богъ съ ней, съ этою педанткой!
Весь свой вѣкъ она хотѣла
Остроумьемъ забавляться —
Наконецъ, вѣдь это скучно!

Нѣтъ! принцесса Шабашъ—это
Тихій ангелъ! ненавидитъ
Суемудріе и споры,
Эти умственные боксы.

Ненавидитъ этотъ дикій
Паѳосъ страстныхъ декламацій,
Искры сыплющій и бурно
Потрясающій власами.

Скромно подъ чепецъ парикъ свой
Прячетъ тихая принцесса,
Смотритъ кротко, какъ газели,
Тихимъ праздникомъ сіяетъ...

И возлюбленному принцу
Дозволяетъ все, но—только
Не курить. „Курить въ субботу
Запрещается закономъ“;

„Но за то, мой милый, нынче
Продушишься ты, въ замѣну,
Чуднымъ кушаньемъ: ты будешь
Нынче шалетъ, другъ мой, кушать“.

„Шалетъ — божеская искра,
Сынъ Элизія!“ запѣлъ-бы
Вѣрно Шиллеръ вдохновенный,
Еслибъ только зналъ онъ шалетъ!

Это—даръ священный неба,
Откровенный Моисею
При громахъ синайскихъ, вмѣстѣ
Со скрижалями закона.

Передъ этой райской снѣдью—
Дрянь—амброзія и нектаръ
Лжебоговъ, которыхъ чтили
Встарь языческіе греки.

Вотъ нашъ принцъ вкушаетъ шалетъ.
Просвѣтлѣлъ, въ блаженствѣ таетъ,
Распахнулъ камзолъ широко
И лепечетъ, улыбаясь:

„То не шумъ ли Іордана,
Не журчанье-ль струй студеныхъ
Подъ навѣсомъ пальмъ Бетэля?
То не ржанье-ли верблюдовъ?

„Не овецъ-ли тонкорунныхъ
Колокольчики лепечутъ?
Не съ вершинъ-ли Гилеата
Овцы на ночь сходятъ въ долы?“

Но ужь день склонился... Тѣни
Удлинняются... подходитъ
Исполинскими шагами
Срокъ ужасный... принцъ вздыхаетъ...

Точно хладными перстами
Вѣдьмы за сердце хватаютъ,
Въ членахъ дрожь, что вотъ прійдется
Сжаться, скорчиться въ собаку.

Принцу милому подноситъ
Нарду тихая принцесса:
Разъ еще вдохнуть спѣшитъ онъ
Нарда запахъ скипидарный...

Наполняетъ принцу кубокъ:
Пьетъ онъ жадно... и остаткомъ
Окропляетъ столъ... подноситъ
Къ брызгамъ маленькую свѣчку...

Солнце скрылось... свѣчка грустно
Зашипѣла и погасла —
Въ тотъ-же мигъ и принцъ изъ храма,
Грязной выбѣжалъ собакой.

XII.

Двѣ бѣлорусскія пѣсни.

I

ПЕТРУСЬ.

Ой, худыя вѣсти
Люди приносили.
Бѣднаго Петруся
До смерти забили,
А за что жь забили,
За вину какую?
Отъ своей то жонки
Полюбилъ чужую!
Какъ же могъ подумать
О такой онъ пани?
Пани — вся въ атласахъ,
Ты жь—въ худомъ кафтанѣ!
Пани трехъ служанокъ

За Петрусемъ слала;
Не дождалась пани,
Въ поле поскакала:
„Ой, бросай, Петрусикъ,
Соху середь поля!
Пана нѣту дома —
Полная намъ воля!“
Вѣрные холопы
Пана повѣстили;
Панскія хоромы
Крѣпко оцѣпили.
Выглянула пани,
Видитъ — хлоповъ кучи;
Панскій конь весь въ мылѣ,
Панъ — чернѣе тучи...
„Серденько-Петрусикъ,
Утекай скорѣе!
Панъ пріѣхалъ: тучи
Громовой чернѣе!“
Чуть Петрусь до двери —
Засвистали плети:
Бьютъ и бьютъ Петруся
Часъ, другой и третій.
Парень ужь не дышетъ;

Хлопцы бить устали
За бока Петруся
Взяли, подымали,
Понесли къ Дунаю...
Быстръ Дунай раскрылся...
„Вотъ тебѣ, голубчикъ,
Что пригожъ родился!“

Вельможная пани
Въ сѣни выходила;
Пани рыболовамъ
По рублю дарила:
„Будетъ вамъ и больше!
Рыбачки, — идите,
Моего Петруся
Тѣло изловите!“

Рыбаки искали
Въ омутѣ и тинѣ —
И нашли Петруся
Въ Жалинской долинѣ,
Некого имъ къ пани
Вѣстникомъ отправить,
Чтобы пріѣзжала
Похороны справить.

Вельможная пани
Бродитъ, какъ шальная;
О своемъ Петрусѣ
Плачетъ мать родная;
Плачетъ мать родная
Горькими слезами;
Вельможная сыплетъ
Бѣлыми рублями:
„Ой, не плачь ты, мати,
Пусть одна я плачу!
Жизнь и панство съ сыномъ
Я твоимъ утрачу“!

И ходила пани
Борами, лѣсами;
Щеки обливала
Жаркими слезами;
Всѣ объ остры камни
Ноженьки избила;
Бархатное платье
По росѣ смочила.

Ходитъ панъ по рынку,
Тяжело вздыхаетъ;

На себя самъ горько
Плачется, пѣняетъ:
„Вѣдай-ко я прежде
Про такую долю
Не мѣшалъ Петрусю бъ
Тѣшиться я вволю!“

II.

„Ой, сынки мои, соколы мои,
Доченьки-голубоньки!
Какъ прійдетъ мой часъ, помирать начну,
Соберитесь вкругъ меня!“

Ходятъ въ горенкѣ, сынки шепчутся,
Какъ имъ мать хоронить;
Ходятъ въ горенкѣ, зятья шепчутся,
Какъ добро раздѣлить;

Ой, а доченьки, что голубоньки,
Вкругъ матушки вьются;
А невѣстушки ходятъ въ горенкѣ,
Надъ ними смѣются.

XIII.

Сонъ негра.

(Изъ Лонгфелло).

Измученъ зноемъ и трудомъ,
Онъ наземь бросился ничкомъ.
Недвижно рисъ надъ нимъ стоялъ.
Палимый зноемъ, онъ дремалъ...
То былъ ли бредъ, то былъ ли сонъ—
Родимый край увидѣлъ онъ.

Увидѣлъ онъ: въ степи глухой
Несется Нигеръ голубой;
Подъ сѣнью пальмъ стоятъ шатры;
Къ нимъ караванъ ползетъ съ горы,
И люди веселы кругомъ:
Онъ въ томъ народѣ былъ царемъ.

Среди цвѣтовъ стоитъ жена
Толпой дѣтей окружена;
И дѣти къ ней ласкаясь льнутъ,
И въ лѣсъ, отца искать, зовутъ...
И вотъ сквозь сонъ, горячій сонъ,
Въ бреду заплакалъ тихо онъ...

И снова чудится во снѣ:
На борзомъ мчится онъ конѣ.
Какъ вольный вихорь, конь летитъ,
Взбивая прахъ изъ-подъ копытъ,
Златою збруею звеня, —
И сабля бьетъ въ бока коня...

Что мигъ — свободнѣй дышетъ грудь!
Что шагъ — торжественнѣе путь,
Все ближе горы. Левъ рычитъ;
Кричитъ гіена; змѣй свиститъ,
И тяжело по тростникамъ
Идетъ въ рѣкѣ гиппопотамъ.

Побъ небомъ темноголубымъ
Фламинго красный, передъ нимъ

Несясь въ дали, крылами бьетъ
Какъ знамя красное — и вотъ
Ему открылся Кафровъ станъ,
И въ очи глянулъ океанъ!

И всталъ онъ тамъ, и слышитъ: вдругъ,
Подобный трубамъ, мощный звукъ
Поколебалъ и долъ, и лѣсъ,
И глубь пустынь, и глубь небесъ...
То звалъ къ свободѣ изъ оковъ
Великій духъ своихъ сыновъ.

И вздрогнулъ онъ, услыша кличъ...
И ужь не чувствовалъ, какъ бичъ
По немъ скользнулъ, и какъ ногой
Его толкнулъ хозяинъ злой,
Какъ онъ, сдавивъ досады вздохъ,
Пробормоталъ потомъ: „издохъ!..“

1859.

XIV.

Купальщицы.

(Мелодія съ береговъ Ганга).

Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь
Толпу шаловливыхъ красавицъ, идущихъ
Съ ночнаго купанья домой!

Прекрасенъ ты воздухъ, неся издалека,
Съ вѣнковъ ихъ роскошныхъ волну аромата,
Ихъ намъ возвѣщая приходъ.

Прекрасно ты море, когда твою свѣжесть
Я слышу у нихъ на груди и ланитахъ,
И въ черныхъ, тяжелыхъ косахъ...

1862.

XV.

Изъ турецкой антологіи.

1.

Длинныя кудри твои вдоль высокаго стана
Прячутся въ кольцахъ, но глазъ не спускаютъ съ меня,
Скажешь: віясь, съ кипариса спускаются змѣи,
Чтобы поющаго въ розахъ схватить соловья.

2.

На мигъ упалъ съ лица прекрасной
Ее скрывающій покровъ...
Я думалъ: мѣсяцъ глянулъ ясный
Въ разрывѣ быстрыхъ облаковъ.

3.

Я сказалъ ей: „дай твои мнѣ губки,
„Поцѣлуемъ ихъ не опорочишь!“

А она мнѣ: „дамъ тебѣ я губки,
Ты обнять и всю меня захочешь!“

—„Эти руки знаетъ врагъ корана,—
Я сказалъ—ты въ нихъ, какъ за стѣною!“

—„Но мои—она въ отвѣтъ—сильнѣе,
Если ихъ я подыму съ мольбою!“

XVI.

Изъ крымскихъ сонетовъ.

Мицкевича.

1.

АКЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

Въ просторъ зеленаго вплываю океана;
Телѣга, какъ ладья въ разливѣ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плыветъ,
Минуя острова колючаго бурьяна.

Темнѣетъ; впереди — ни знака, ни кургана.
Ввѣряясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что тамъ? облако ль? денницы ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Акермана.

Стой!.. Боже, журавлей на небѣ слышенъ летъ,
А ихъ — и сокола бъ не уловило око!
Былинку мотылекъ колеблетъ; вотъ ползетъ

Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ высокой—
Такая тишина, что зовъ съ Литвы бъ далекой
Былъ слышенъ... Только нѣтъ, никто не позоветъ!

2.

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА.

Скачу, какъ бѣшеный, на бѣшеномъ конѣ;
Долины, скалы, лѣсъ мелькаютъ предо мною,
Смѣняясь, какъ волна въ потокѣ за волною...
Тѣмъ вихремъ образовъ упиться—любо мнѣ!

Но обезсилѣлъ конь. На землю тихо льется
Таинственная мгла съ темнѣющихъ небесъ,
А предъ усталыми очами все несется
Тотъ вихорь образовъ — долины, скалы, лѣсъ...

Все спитъ, не спится мнѣ—и къ морю я сбѣгаю;
Вотъ съ шумомъ черный валъ подходитъ; жадно я
Къ нему склоняюся и руки простираю...

Всплеснулъ, закрылся онъ; хаосъ повлекъ меня —
И я, какъ въ бездвѣ челнъ, крутимый, ожидаю,
Что вкуситъ хоть на мигъ забвенья мысль моя.

3.

АЛУШТА ДНЕМЪ.

Предъ солнцемъ — гребень горъ снимаетъ свой покровъ.
Спѣшитъ свершить намазъ свой нива золотая,
И шелохнулся лѣсъ, съ кудрей своихъ роняя,
Какъ съ ханскихъ четокъ, дождь камней и жемчуговъ;

Долина вся въ цвѣтахъ. Надъ этими цвѣтами
Рой пестрыхъ бабочекъ — цвѣтовъ летучихъ рой —
Что пологъ зыблется алмазными волнами;
А выше — саранча вздымаетъ завѣсъ свой.

Надъ бездною морской стоитъ скала нагая.
Бурунъ къ ногамъ ея летитъ, и раздробясь,
И пѣною, какъ тигръ глазами, весь сверкая,

Уходитъ съ мыслію нагрянуть въ тотъ-же часъ,
Но море синее спокойно — чайки рѣютъ,
Гуляютъ лебеди и корабли бѣлѣютъ.

1839.

XVII.

Приданое.

По городу плачъ и стенанье...
Стучитъ гробовщикъ день и ночь...
Еще бы ему не работать?
Просваталъ красавицу дочь!

Сидитъ гробовщица за крепомъ,
И шьетъ — а въ глазахъ, какъ узоръ,
По черному такъ и мелькаетъ
Въ цвѣтахъ подвѣнечный уборъ.

И думаетъ: „Справлю жь невѣсту,
Одѣну ее, что княжну —
Княженъ повидали мы вдоволь —
На дняхъ хоронили одну:

Все розаны были на платьѣ,
Почти подъ вѣнцомъ померла:
Такъ, въ брачномъ нарядѣ, и клали
Во гробъ то... красотка была!

Одѣнемъ и Глашу не хуже,
А въ церкви всѣ свѣчи зажжемъ;
Подумаютъ: графская свадьба!
Ужь въ грязь не ударимъ лицомъ!..“

Мечтаетъ старушка — у двери жь
Звонокъ за звонкомъ... „Ну, житье!
Заказовъ то — Господи Боже!
Ну, Глаша! знать, счастье твое!“

1859.

XVIII.

(Въ альбомъ гр. Е. П. Р—ой).

Въ нашъ городъ слухъ прошелъ, что Сафо будетъ къ намъ.
Столпился къ пристани народъ нетерпѣливо —
И вотъ — ея корабль уже среди залива...
Причалили. Ее на берегъ по коврамъ
Свели и встрѣтили съ архонтами, съ жрецами,
Вели по улицѣ, усыпанной цвѣтами...
Я, пылкій юноша, ее воображалъ
Съ осанкой царственной, съ поднятой головою,
И въ лавровомъ вѣнкѣ, и съ лирой золотою,
И взоръ властительный я встрѣтить ожидалъ —
И что жь? она прошла, потупивъ очи, просто,
Такая слабая и маленькаго роста,

И пышной встрѣчею и кликами она,
Какъ робкое дитя, казалось, смущена;
Казалось, риторамъ болѣзненно внимала
И взоромъ тихаго убѣжища искала,
Куда бы кинулась и, кажется, тотчасъ
Неудержимыми бъ слезами залилась.

1859.

XIX.

Е. А. Ш-ой.

Какъ рѣзвымъ нимфамъ, спутницамъ
Діаны,
Тебѣ бы смѣхъ, да бѣганье, да шутка.
Хоть не одинъ уже сатиръ румяный
Осклабясь, на тебя глядитъ, малютка!
Онъ—старый плутъ! На, помани цвѣтами,
Пусть за тобой бѣжитъ онъ, и, со-слѣпа
Завязнувъ въ топь козлиными ногами,
Смѣшитъ боговъ гримасою нелѣпой.

1859.

БЫЛИНЫ.

I.

Никогда!

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА СЛАВЯНЪ СЪ РИМЛЯНАМИ.

Гонитъ волны быстръ Дунай,
Разлился широко;
Надъ Дунаемъ свѣтлый градъ
На горѣ высокой.
Становился римскій царь
Станомъ передъ градомъ;
Забѣлѣлися шатры,
Рядъ стоитъ за рядомъ.
На престолѣ царь сидитъ
Подъ златой порфирой;
Вкругъ престола, словно лѣсъ,
Копья и сѣкиры.

И съ престола римскій царь
Говоритъ съ послами:
Незнакомый людъ стоитъ
Предъ его очами.
Молодецъ все къ молодцу:
Кудри золотыя
Густо вьются по плечамъ;
Очи — голубыя;
Словно всѣ въ одно лицо,
Та-жь краса и сила,
Словно всѣхъ то ихъ одна
Матерь породила.
Породила жь ихъ одна
Мать, земля родная,
Что отъ Татры подошла
Вплоть до волнъ Дуная,
И за Татрою идетъ
На другое море,
На полночь и на востокъ,
Гдѣ въ святомъ просторѣ
Уготовала поля,
Долы и дубравы,
Какъ святую колыбель
Для великой славы!

Ихъ послалъ славянскій родъ,
Положивъ совѣтомъ
Встрѣтить римскаго царя
Дружбой и привѣтомъ.
Не лежатъ они челомъ
Передъ нимъ во прахѣ,
Не цѣлуютъ ногъ его
Въ раболѣпномъ страхѣ;
Но подносятъ божій даръ
Хлѣбъ и соль родную,
И къ великому царю
Держатъ рѣчь такую:
„Весь народъ нашъ, старшины
И князья послали
„Насъ, чтобъ мы тебѣ, о царь,
Добрый день сказали.
„Ты нашъ гость, лишь доступилъ
Нашего порога;
„Мы — Славяне; край сей данъ
Намъ въ удѣлъ отъ Бога.
„Щедро Имъ онъ надѣленъ
Благодатью съ неба:
„Не полѣнишься, такъ всѣмъ
Свой кусокъ есть хлѣба.

„Много ль, мало ль,—съ насъ того
Будетъ, что имѣемъ:
„Благо сѣемъ на своемъ,
Жнемъ, что сами сѣемъ.
„И прійдетъ ли странникъ къ намъ,
Кто, зачѣмъ, не спросимъ,
„Съ Богомъ, дверь отворена!
Милости къ намъ просимъ!
„Будь онъ свой или чужой,
Человѣкъ прохожій,
„Про него всегда у насъ
На столѣ даръ Божій.
„Вольно всѣмъ здѣсь жить!—Зарокъ
Богомъ данъ Славянамъ:
„Грѣхъ великій — быть рабомъ,
Вящій грѣхъ — быть паномъ!
„И грѣховъ тѣхъ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ во всемъ народѣ!
„Всѣмъ у насъ открытый путь
Къ славѣ и свободѣ!

„Правда, какъ весной снѣга
Съ горъ крушатся на долъ,

„Лютый врагъ на край нашъ вдругъ,
Словно съ неба, падалъ;
„Здѣсь засѣвъ, ужь думалъ вѣкъ
Насъ держать въ неволѣ,
„Нами сѣять и пахать
И на нашемъ полѣ
„Кобылицъ своихъ пасти —
Только — блажь пустая!
„Поднималась вся земля
Съ края и до края!
„И спроси ты: гдѣ же тѣ,
Что̀ намъ цѣпь ковали?
„Гдѣ, спроси ихъ?—Мы стоимъ,
А они — пропали!
„Положенъ ужь такъ зарокъ,
Вѣки неизмѣнный:
„Кто бъ, откуда бъ ни пришелъ,
Врагъ иноплеменный,
„Завладѣй хоть міромъ, здѣсь
Бѣгъ свой остановишь,
„Здѣсь, въ землѣ славянской, гробъ
Самъ себѣ сготовишь?

„Ты теперь, о царь, стоишь
Здѣсь у нашей грани.

„Что жь несешь съ собою къ намъ:
Мечъ иль миръ во длани?
„Если мечъ, то вѣдь мечи
И у насъ есть тоже;
„А, востры ль они, узнать
И не дай ти Боже!
„Если жь къ намъ идешь, какъ гость,
Съ миромъ, съ доброй вѣстью,
„Ужь на славу угостимъ,
И проводимъ съ честью!
„Вотъ тебѣ отъ насъ хлѣбъ-соль!
И принять ихъ просимъ
„Также честно, какъ тебѣ,
Царь, мы ихъ подносимъ.“

Хлѣба-соли не взялъ царь,
Ликомъ омрачился;
Ярый гнѣвъ въ его очахъ
Гордо засвѣтился;
И къ посламъ славянскимъ онъ
Съ трона золотого
Обратилъ, поднявъ главу,
Таковое слово:

„Солнце шествуетъ въ пути —
И къ нему всѣ очи;
„Отъ него — вся жизнь и свѣтъ,
Безъ него — мракъ ночи;
„Съ нимъ у твари спора нѣтъ,
Ни переговоровъ;
„Для народовъ солнце — я,
И со мной нѣтъ споровъ!
„Какъ судьба, для всѣхъ моя
Власть неотразима:
„Повелитель міра, — Римъ,
Я жь—владыка Рима!
„Межь народовъ хоть одинъ
Есть ли во вселенной,
„Кто, противиться ему
Возмечтавъ, мгновенно
„До послѣдняго раба
Не исчезъ со свѣта!
„Всѣ склоняются предъ нимъ,
И живутъ—чрезъ это.
„Преклонитесь же и вы!
Я вашъ край устрою:
„Поселю здѣсь Римлянъ, васъ
Выведу съ собою,

„Въ Римъ — старшинъ, а молодежь—
Прямо въ легіоны;
„Покоритесь, будетъ вамъ
Миръ, почетъ, законы;
„Нѣтъ — васъ съ семьями къ себѣ
Погоню гуртами,
„Въ плуги запрягу, пахать
Землю буду вами!
„На цѣпи, какъ псовъ, сидѣть
У воротъ заставлю,
„Буду тысячами васъ
Львамъ кидать на травлю—
„Горе будетъ, говорю,
Дѣтямъ вашимъ; женамъ,
„Бойтесь, если кликну я:
„Горе побѣжденнымъ!“
„Бойтесь! этотъ римскій кликъ
Пуще Божья грома!..
„Я сказалъ. Вотъ мой отвѣтъ!
Передайте дома!“

Рѣчь окончилъ римскій царь,
Все кругомъ молчало.

Какъ нежданный громъ, она
На Славянъ упала.
На царя стремятъ они
Взглядъ оторопѣлый...
Вдругъ какъ будто съ ихъ очей
Заблистали стрѣлы,
И по лицамъ словно вдругъ
Молніи мелькнули,
Разомъ взвизгнувши, мечи
Изъ ноженъ сверкнули,
И у всѣхъ единый кликъ
Вырвался изъ груди:
„Никогда!“

Вокругъ царя
Всполошились люди,
И поднять щиты едва
Вкругъ него успѣли...
Самъ онъ мигомъ съ трона прочь...
Трубы загремѣли,
Разомъ лагерь поднялся:
Скачутъ Нумидійцы,
Взводъ безсмертныхъ, взводъ Парѳянъ,
Галлы, Иберійцы,

И, копье на перевѣсъ,
Римская пѣхота, —
Окружили молодцовъ,
И пошла работа!

Что медвѣдь лѣсной въ кругу
Псовъ остервенѣлыхъ,
Бьется горсть богатырей
Противъ полчищъ цѣлыхъ;
Съ шумомъ рушатся вкругъ нихъ
Всадники и кони,
Копья ломятся, звенятъ
Шишаки и брони...
Бьется горсть богатырей—
Но сама рѣдѣетъ...
Вотъ лишь трое ихъ: кругомъ
Смерть надъ ними рѣетъ
Въ блескѣ копій и мечей...
Вотъ всего лишь двое—
Вотъ одинъ... и этотъ палъ...

И вкругъ павшихъ въ боѣ
Побѣдители стоятъ
Въ изумленьи сами;

Въ легіонахъ недочетъ:
Цѣлыми рядами
Мертвыхъ, раненыхъ кладутъ...
Самъ, съ разноплеменной
Свитой, кесарь подскакалъ
Мрачный и смущенный;
Разглядѣть желаетъ онъ
Варваровъ, которымъ
Показалась рѣчь его
Вдругъ такимъ позоромъ...
А той рѣчи внемлетъ міръ,
Всѣ цари земные!
„Что жь за люди это тамъ?
Мыслитъ,—кто жь такіе?“

И задумчиво къ горамъ
Обратилъ онъ взоры:
Грозно смотрятъ изъ-подъ тучъ
Сумрачныя горы;
Стая темная орловъ
Изъ-за нихъ несется;
Словно гулъ какой оттоль
Смутно раздается...

Смотритъ царь, и вдругъ велитъ —
Станъ снимать свой ратный,
И полки переправлять
За Дунай обратно.

II.

Любуша и Премыслъ.

Лютый Хрудошъ и Стеглавъ, родные братья,
Завели жестокій споръ изъ-за наслѣдства;
Побѣжала ихъ сестра къ княжнѣ Любушѣ
И молила разсудить ихъ споръ по правдѣ.
И княжна послала повѣстить въ народѣ,
Чтобъ бояре собрались и старики на вѣче,
И чтобы на судъ явились оба брата.

И бояре собрались и старики на вѣче
Въ золотомъ кремлѣ, во свѣтломъ Вышеградѣ.
На златой престолъ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Поднялась княжна, и вѣче открывала.
У престола стали вѣщія двѣ дѣвы:
У одной въ рукахъ доска была съ закономъ,

У другой былъ мечъ, каратель кривды;
Противъ нихъ зажженъ былъ огнь, свѣтильникъ правды,
И поставленъ былъ сосудъ съ водою очищенья.

И княжна сказала со злата́ престола:
„Вѣрные бояре! мудрые вы старцы!
Разрѣшите споръ двухъ братьевъ о наслѣдствѣ:
По закону, какъ поставлено богами,
Должно имъ: или собща владѣть землею,
Иль обоимъ раздѣлить по равной части“.

Кланялись княжнѣ и старцы и бояре,
Стали тихо говорить между собою;
И когда поговорили ужь довольно,
То княжна велѣла вѣщимъ дѣвамъ
Голоса сбирать въ златую урну.
И собрали голоса, и сосчитавъ сказали
Приговоръ такой народу: чтобы братьямъ
Сообща владѣть отцовскимъ достояньемъ.

Услыхавъ рѣшенье, поднялся во гнѣвѣ
Лютый Хрудошъ и затрясся весь отъ злости;
Вскинулъ онъ рукою и что туръ свирѣпый, рявкнулъ:

„Горе для птенцовъ, когда змѣя въ гнѣздо вотрется!
Горе для мужей, когда жена владѣетъ ими!
Подобаетъ мужу володѣть мужами!
Старшій сынъ владѣть добромъ отцовскимъ долженъ,
Какъ у нѣмцевъ заведенъ тому порядокъ!“

Ратиборъ, старикъ, уже согбенный и весь бѣлый,
Поднялся и, головою покачавъ, промолвилъ:
„Не похвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!
Наша правда по закону святу,
Какъ ее съ собою принесли и утвердили
Наши дѣды, черезъ три рѣки прешедши, въ эту землю“.

„Непохвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!“
Повторили старцы и бояре,
И во всемъ народѣ раздалося:
„Непохвально въ нѣмцахъ намъ искати правды!“

„Такъ и быть суду, какъ положило вѣче!“
Порѣшила мудрая княжна Любуша;
И потомъ еще сказала: „старцы и бояре!
Слышали мое вы нынѣ поруганье!

Непристойно больше разбирать мнѣ ваши споры.
Изберите сильнаго вы мужа —
Пусть онъ вами по желѣзному владѣетъ:
Дѣвичьей рукѣ—ужь не подъ силу!“

И, сказавъ, сошла съ престола золотого.
И молить ее усердно стали старцы и бояре,
Чтобъ она въ зазоръ не принимала
Грубіяномъ сказанное слово;
Но княжны уже не умолили.
„Такъ сама намъ укажи, по крайной мѣрѣ“ —
Заключили старцы и бояре —
„Кто жь достоинъ будетъ нами править?“

И на то Любуша отвѣчала:
„Ужь богами рѣшено, кому быть вашимъ княземъ!
Вотъ мой конь: куда пойдетъ, за нимъ ступайте!
Передъ кѣмъ онъ остановится, тотъ князь вашъ!“
И съ коня узду сняла сама Любуша,
И его пустила безъ узды на волю.

Ѣдутъ съ вѣча посланцы по князя,
Ѣдутъ съ ними вѣщія двѣ дѣвы;
Конь бѣжитъ гдѣ полемъ, гдѣ дорогой;
Добѣжалъ до рѣчки, побѣжалъ вдоль быстрой,

Прибѣжалъ онъ къ нови, къ выжженому полю:
Подымалъ ее желѣзнымъ плугомъ
Человѣкъ въ лаптяхъ, большого роста,
Погонялъ воловъ жезломъ остроконечнымъ.
Конь предъ нимъ какъ разъ остановился.

Посланцы, взглянувъ на пахаря, на лапти,
Передъ нимъ смутясь остановились.
Но, оправясь, поклонились низко:
„Здравствуй, добрый человѣкъ,—сказали—
Облачайся княжеской одеждой,
Надѣвай вѣнецъ: тебѣ княжна Любуша
И народъ весь чешскій повелѣли
Власть принять и княженье надъ нами!“

И на то отвѣтствовалъ имъ пахарь:
„Вамъ добро пожаловать, драгіе гости!
Прежде жь чѣмъ о дѣлѣ заводить намъ рѣчи,
Угостить васъ, чѣмъ могу, я долженъ;
Здѣсь есть хлѣбъ и сыръ со мною —
Отпущу воловъ и кушайте во здравье!“

И, сказавъ, вонзилъ онъ острый жезлъ свой въ
землю,

III.

Сабля царя Вукашина.

(Изъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ).

Рано утромъ, на зарѣ румяной,
Полоскала дѣвица-туркиня
На рѣкѣ, на Марицѣ, полотна;
Ихъ валькомъ проворнымъ колотила,
На травѣ зеленой разстилала.
И рѣка пустынная шумѣла,
И до солнца воды были свѣтлы;
Но, какъ стало солнце подыматься,
Свѣтлы воды словно помутились:
Все желтѣе проносилась пѣна,
Все темнѣе глубина казалась;
А къ полудню вся рѣка ужь явно
Алою окрасилася кровью.
И пошли мелькать то фесъ, то долманъ,

А потомъ помчало, другъ за другомъ,
То коня съ сѣдломъ, то человѣка;
И вертитъ на быстринѣ ихъ трупы,
И что дальше, то плыветъ пхъ больше,
И конца тѣламъ вверху не видно.
Опустивъ валекъ, стоитъ туркиня:
Страшно стало ей отъ тѣлъ плывущихъ;
Только слышитъ, кличутъ къ ней оттуда...
Кличетъ витязь, бьется съ быстриною,
Все его отъ берега относитъ.
„Умоляю именемъ Господнимъ,
„Будь сестрой мнѣ милою, дѣвица!“
Кличетъ витязь и рукою машетъ,
„Брось конецъ холста ко мнѣ скорѣе,
„За другой тащи меня на берегъ!“
И туркиня бѣлый холстъ кидала,
На одинъ конецъ ногой ступила,
А другой взвился и шлепнулъ въ воду,
И поймалъ его поспѣшно витязь,
И счастливо до берега доплылъ;
А взобрался на берегъ — и молвилъ:
„Охъ, совсѣмъ я изнемогъ, сестрица!
„Исхожу кругомъ я алой кровью...
„Помоги мнѣ: ранъ на мнѣ числа нѣтъ!“

И упалъ безчувственный на землю.
Побѣжала во свой дворъ туркиня,
Въ попыхахъ зоветъ роднаго брата:
„Мустафа, иди, голубчикъ братецъ,
„Помоги,—снесемъ съ тобою вмѣстѣ,—
„Тамъ лежитъ—водой его прибило—
„Весь въ крови и въ тяжкихъ ранахъ витязь.
„Онъ Господнимъ именемъ молился,
„Чтобъ ему мы раны залѣчили.
„Помоги, снесемъ его въ постелю!“

Мустафа-ага пришелъ и смотритъ:
Тотчасъ видитъ—не простой то витязь!
Онъ въ богатомъ воинскомъ доспѣхѣ;
У него—съ златымъ эфесомъ сабля,
На эфесѣ—три большихъ алмаза.
Мустафа-ага не думалъ долго,
Отстегнулъ у витязя онъ саблю,
Изъ ноженъ ее червленыхъ вынулъ,
Да какъ хватитъ витязя по горлу—
Голова ажь въ воду покатилась!

Дѣвица руками лишь всплеснула!
„Звѣрь ты, звѣрь, воскликнула, косматый!“

„Вѣдь молилъ онъ насъ во имя Божье,
„И меня сестрою милой назвалъ!
„Ты жь какъ разъ позàрился на саблю—
„Черезъ эту жь саблю, знать, и сгинешь!“

Мустафа травою вытеръ саблю,
И столкнулъ ногою тѣло въ воду,
И пошелъ домой, ворча сквозь зубы:
„Вотъ тебя-то не спросилъ я, жалко!“

И немного времени минуло,
Какъ султанъ созвалъ къ походу войско.
Собрались его аги и беи,
У рѣки, у Ситницы, стояли.
Мустафу всѣ кругомъ обступаютъ
Всѣ его дивятся чудной саблѣ;
Только, кто ни пробуетъ, не можетъ
Изъ ноженъ ее червленныхъ вынуть.
Подошелъ попробовать и Марко,
Знаменитый Марко королевичъ!
Ухватилъ—да сразу такъ и вынулъ.
А какъ вынулъ, смотритъ—а на саблѣ
Врѣзаны три надписи по-сербски:
Ковача Новака первый вензель,

А другое имя — Вукашина,
Третье жь имя—Марко королевичъ.
Приступилъ къ турчину храбрый Марко:
„Гдѣ, турчинъ, ты добылъ эту саблю?
„За женой ли взялъ ее съ приданымъ?
„Отъ отца ль въ благословенье принялъ?
„Аль на чисто вымѣнялъ на злато?
„Аль въ бою кровавомъ добылъ честно?“

И пошелъ турчина похваляться,
Разсказалъ, какъ сдѣлалося дѣло,
Какъ сестра полотна полоскала,
Какъ рѣкой тѣла гяуровъ плыли,
Какъ одинъ живой былъ между ними,
Какъ она поймать его успѣла,
И пришелъ онъ, и увидѣлъ саблю...
„Не дуракъ же я на свѣтъ родился,
Говоритъ,—почуялъ, что за сабля,
Изъ ноженъ ее червленыхъ вынулъ,
Да хватилъ какъ витязя по горлу—
Голова ажь въ рѣку покатилась“.

Марко даже рѣчи не далъ кончить,
Какъ въ глазахъ у всѣхъ сверкнула сабля—

И у турка голова слетѣла —
Три прыжка — и шлепнулася въ воду.

Побѣжали доложить султану,
Что бѣды творитъ кралевичъ Марко;
И султанъ по Марка посылаетъ.
Тотъ одинъ сидитъ въ своей палаткѣ,
Молча пьетъ вино, за чарой чару,
На султанскихъ посланныхъ не смотритъ.
И въ другой разъ шлетъ султанъ, и въ третій
Наконецъ взяла докука Марка.
Онъ вскочилъ и, выворотивъ шубу
Мѣхомъ кверху, на плечи накинулъ,
Булаву съ собою взялъ и саблю,
И пошелъ въ султанскую палатку.

На коврѣ султанъ сидитъ въ палаткѣ;
И приходитъ Марко, да и прямо,
Въ сапогахъ, какъ былъ, передъ султаномъ
На коврѣ узорчатомъ садится.
Самъ глядитъ темнѣе черной тучи,
Очи въ очи устремивъ султану.
Увидалъ султанъ, каковъ есть Марко,
Потихоньку сталъ отодвигаться,—
А за нимъ и Марко, и все смотритъ,

Смотритъ, такъ что дрожь беретъ султана.
Онъ еще отдвинется, а Марко —
Все за нимъ, да такъ и приперъ къ стѣнкѣ;
И сидитъ султанъ, мигнуть боится.
„Ну, какъ вскочитъ, думаетъ,—да хватитъ
Булавой“—и пробуетъ, что̀ тутъ ли
Ятаганъ его на всякій случай.
Ужь на силу собрался онъ, молвитъ:
„Видно, Марко, кто тебя обидѣлъ?
„Обижать тебя я не позволю!
„Учиню, коль хочешь, судъ не медля.“
Все отъ Марка нѣтъ, какъ нѣтъ отвѣта.
Наконецъ, обѣими руками
За концы онъ взялъ и поднялъ саблю,
И поднесъ ее къ глазамъ султану.
„Объ одномъ молись ты вѣчно Богу,
Онъ сказалъ, дрожа и задыхаясь,—
„Что нашелъ не на тебѣ, владыко
„Всѣхъ подлунныхъ царствъ, я эту саблю:
„Погляди, какая это надпись?
„Прочитай— тутъ имя Вукашина!
„Вукашинъ—царь сербскій, мой родитель.“

И, сказавъ, заплакалъ храбрый Марко.

VI.

Сербская церковь.

Сербское преданіе.

Именинникъ былъ царь Лазарь;
Собрались къ нему всѣ баны,
И князья, и воеводы,
И въ бесѣдѣ прохлаждались
Во честномъ, почетномъ пирѣ.
Пиръ ужь былъ во полупирѣ,
Какъ вошла въ шатеръ царица,
Свѣтъ-душа красна Милица.
Обложилась жемчугами,
Поясъ кованый надѣла,
Головной покровъ кисейный,
Златъ-вѣнецъ поверхъ покрова;
Поклонилася супругу,
Поклонилась, говорила:

„Господинъ ты мой, царь Лазарь!
Мнѣ бъ не слѣдъ къ тебѣ входити,
Не подобно бъ говорити,
Да не терпитъ больше сердце!
Сонъ я видѣла, и трижды
Тотъ-же самый сонъ мнѣ снится.
Все является мнѣ старецъ
Въ клобукѣ и черной рясѣ;
Осіянъ небеснымъ свѣтомъ,
Держитъ онъ большую книгу;
И пречудныя въ той книгѣ
Кажетъ мнѣ изображенья.
На одномъ-то словно поле;
Только все дымится кровью;
Словно воинство какое
Полегло на немъ, побито;
На другомъ изображеньи
Церковь, словно какъ на небѣ;
Отъ нея жь лучи исходятъ
Внизъ на Сербскую всю землю.
И зачѣмъ являлся старецъ,
И зачѣмъ казалъ мнѣ книгу,
Что велитъ по ней исполнить—
Не могла никакъ я сдумать.

Только сдумала одно я, —
И пришла къ тебѣ, царь Лазарь.
Всѣ цари, какіе были
Надъ землею славной Сербской,
Собирали сребро, злато,
Чтобы строить Божьи церкви
И обители святыя.
Ты сидишь на ихъ престолѣ,
Копишь серебро и злато,
Самъ по всей землѣ прославленъ,
А для Господа, для Бога,
Ни единой не построилъ
Ни обители, ни церкви".

Призадумался царь Лазарь
И воскликнулъ громкимъ гласомъ:
„Храмъ построю я, какого
Не бывало въ Сербскомъ царствѣ!
Изъ свинцу солью основу,
Изъ сребра поставлю стѣны,
Краснымъ золотомъ покрою,
А внутри весь изукрашу
Крупнымъ жемчугомъ заморскимъ
И каменьемъ самоцвѣтнымъ, —

Да во славу христіанамъ
Онъ на всю сіяетъ землю!“
Повставали съ мѣстъ всѣ баны,
И князья, и воеводы,
Похваляли мысль цареву:
„Съ Богомъ, царь, благое дѣло!“
Только Милошь воевода
За столомъ одинъ остался,
И сидитъ, потупя очи
И глубоко воздыхая.
Запримѣтилъ свѣтъ-царь Лазарь,
Что не всталъ съ князьями Милошь,
Посылалъ къ нему онъ чашу:
„Буди здравъ, князь славный Милошь!
Что сидишь, потупя очи
И глубоко воздыхая?
Аль не по-сердцу рѣчь наша?“

И вскочилъ князь славный Милошь,
Принялъ чашу въ бѣлы руки,
Поклонился, слово молвилъ:
„Государь ты, свѣтъ-царь Лазарь!
Не вотще царицѣ снилось
Поле, залитое кровью,

Словно воинство какое
Полегло на немъ, побито:
Прочиталъ ли ты въ Писаньи,
Во святыхъ старинныхъ книгахъ,
Что стоитъ про наше время?
Наше время — на исходѣ:
„Близокъ часъ, во онь-же Турокъ
„Пріидетъ на нашу землю,
„Царство Сербское порушитъ,
„Поплѣнитъ народъ въ работу“.
Вотъ кровавое-то поле!
Если жь ты построишь церковь
Со свинцовою основой,
И серебряныя стѣны,
Красно золото на крышѣ,
А внутри заморскій жемчугъ
Самоцвѣтныя каменья:
Пріидетъ поганый Турокъ,
Разнесетъ онъ все и сроетъ.
Изъ свинцу польетъ онъ ядеръ,
Будетъ бить имъ наши грады,
А серебряныя стѣны
Перебьетъ на сбрую конямъ,
Самоцвѣтные каменья

Вправитъ въ сабельны эфесы,
А все золото и жемчугъ
Заберетъ своимъ туркинямъ,
И наложницамъ и женамъ,
На мониста и повязки.
Церковь строить — такъ изъ камня,
Камня сѣраго, такого,
Чтобъ ни огнь не жегъ палящій,
Чтобъ ни мечъ не сѣкъ булатный,
Чтобъ ни червь, ни ржа не ѣли;
Вмѣсто жь злата и каменьевъ —
Да сіяетъ благочестьемъ,
И небесной свѣтлой славой.
Пусть тогда приходитъ Турокъ,
Забираетъ нашу землю,
Царство Сербское порушитъ,
Поплѣнитъ народъ въ работу:
На сѣръ-камень не польстится.
И пребудутъ, яко звѣзды,
Надъ землей плѣненной нашей
Наши каменныя церкви:
Будутъ иноки честные,
Благодатью лишь богаты,
Славить Господа въ нихъ Бога,

Поминать царей великихъ,
И мужей, во брани падшихъ
За отеческую землю,
И стоять въ сердцахъ у Сербовъ
Будетъ вѣки нерушимо
Царство Сербское, подъ вѣрнымъ,
Подъ невидимымъ покровомъ
Пресвятой Христовой церкви...
И на эту-то вотъ церковь
И указывалъ царицѣ
Во святомъ видѣньѣ старецъ"...

1867.

V.

Какъ отдарилъ турецкій султанъ московскаго царя.

Идутъ письма изъ Земли Московской
Черезъ грады многіе и земли,
Идутъ, идутъ—и въ Стамбулъ приходятъ;
И везутъ ихъ въ золотыхъ каретахъ
Къ самому турецкому султану;
А при письмахъ царскіе подарки
Для султана: золотое блюдо,
А на немъ стоитъ мечеть златая,
А вокругъ мечети змѣй обвился,
Въ головѣ жъ у змѣя вставленъ камень,
Самоцвѣтный камень, при которомъ
Можно ночью и ходить и видѣть,
Словно днемъ, когда сіяетъ солнце.
Для сынка султанова, Абдула:

Дорогія острыя двѣ сабли,
Золотая рукоять на каждой,
А на нихъ по дорогому камню;
Для султанши жь—колыбель златую,
Видъ гнѣзда имѣла—хитрой рѣзьбы!
Въ головахъ—удалый соколъ-птица.

Получилъ подарки дорогіе,
Сталъ султанъ кручиниться и думать,
Чтобъ царю Московскому отправить,
Честь за честь, за дорогой подарокъ?
Думалъ, думалъ, ничего не вздумалъ.
Кто прійдетъ къ нему, передо всѣми
Начинаетъ хвастаться, какіе
Шлетъ ему подарки царь Московскій.
И никто сказать ему не можетъ,
Чѣмъ царя бы отдарить за милость.
Вотъ паша приходитъ Соколовичъ,
Хвалится султанъ ему дарами;
За пашой пришли ходжа и кадій,
Поклонились низко, цѣловали
У султана руку и колѣно;
Имъ султанъ дарами началъ хвастать,
И потомъ сталъ спрашивать обоихъ:

„Слуги вы мои, ходжа и кадій!
Вы вдвоемъ меня не вразумите-ль,
Что послать въ Московскую мнѣ Землю,
Изъ моей земли царю въ подарокъ?“

Отвѣчали и ходжа и кадій:
„Царь-султанъ! твоя надъ нами воля,
А мы вздумать ничего не можемъ.
Ты позвалъ бы старца-патріарха:
Онъ скорѣй научитъ и укажетъ,
Что послать и чѣмъ доволенъ будетъ
Государь, великій царь Московскій.“
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Своего послалъ тотчасъ каваса,
Чтобы позвалъ старца-патріарха.
И когда пришолъ къ султану старецъ,
Показалъ султанъ ему, какіе
Получилъ подарки и промолвилъ:
„О, слуга мой, старче патріарше!“
Ты меня не вразумишь ли, старче,
Что послать въ Московскую мнѣ Землю,
Чтобы былъ подарками доволенъ
Государь, великій царь Московскій“.

Тихо старецъ отвѣчалъ султану:
„Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Мнѣ-ль учить твою велику мудрость!
Въ простотѣ дозволь мнѣ слово молвить,
Какъ Господь мнѣ на сердце положитъ.
Есть въ твоемъ великомъ государствѣ,
Что царю Московскому отправить,
Что тебѣ совсѣмъ не на потребу,
А ему весьма угодно будетъ.
Посохъ есть отъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя есть Константина,
Іоанна Златоуста ризы,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Что держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
Никакой тебѣ въ нихъ нѣтъ потребы,
А царю угодны будутъ, знаю“.

Полюбилась эта рѣчь султану,
И велѣлъ онъ старцу-патріарху,
Чтобы справилъ для царя подарки
И вручилъ ихъ посланцамъ московскимъ.
Патріархъ, какъ слѣдуетъ, все справилъ,
И, вручая посланцамъ, сказалъ имъ:
„Поѣзжайте, милые, вы съ Богомъ;

Но большой не ѣздите дорогой,
А идите лѣсомъ и горою;
Будетъ вамъ во слѣдъ погоня злая,
Чтобъ отнять у васъ сіи святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства.
Я сложу главу свою за это,
Грѣшное мое погибнетъ тѣло,
Да за то душа моя спасется".
И затѣмъ простился съ посланцами.
И султанъ доволенъ былъ, что кончилъ
Наконецъ съ такимъ мудренымъ дѣломъ,
И что все такъ дешево устроилъ,
Передъ всѣми началъ похваляться.

Вотъ опять приходитъ Соколовичъ,
И ему султанъ сказалъ, похвасталъ:
„Угадай, паша, слуга мой вѣрный,
Что къ царю Московскому послалъ я?
Далъ я посохъ Нѣманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя далъ Константина,
Іоанна Златоуста ризы,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Что держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
Въ нихъ мнѣ вовсе не было потребы,

А царю они угодны будутъ".
И спросилъ султана Соколовичъ:
„По чьему жь ты сдѣлалъ такъ совѣту?"
И султанъ ему отвѣтилъ прямо:
„По совѣту старца-патріарха!"
И сказалъ на это Соколовичъ:
„Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
Если ты царю послалъ святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства,
Приложилъ бы къ нимъ ужь тоже кстати
И ключи отъ своего Стамбула!
Все равно—отдать прійдется послѣ,
И съ великимъ для тебя позоромъ!
Вѣдь на тѣхъ святыняхъ и держалось
Все твое влыдычество и царство!"

Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Спохватился и всплеснулъ руками,
И пашѣ приказывалъ поспѣшно:
„Гой еси, паша, слуга мой вѣрный!
Собери ты турокъ-янычаровъ,
Догони ты посланцевъ московскихъ,
Отбери у нихъ мои подарки,
Отбери святыни, на которыхъ

Все мое и утверждалось царство!“
Собралъ войско храбрый Соколовичъ
И поѣхалъ по большой дорогѣ;
Ищетъ, ищетъ, посланцевъ московскихъ—
Не нашолъ нигдѣ, домой вернулся,
Говоритъ султану, что не видѣлъ,
Какъ ни бился, посланцевъ московскихъ.
И султанъ пришолъ въ велику ярость,
Закричалъ пашѣ онъ зычнымъ гласомъ:
„Такъ иди жь, паша, слуга мой вѣрный,
И убей ты старца-патріарха!“

Побѣжалъ паша приказъ исполнить—
И схватилъ онъ старца-патріарха,
И взмахнулъ надъ нимъ ужь острой саблей—
Патріархъ же старецъ молвилъ тихо;
„Господинъ паша, остановися —
Погоди, не обагряй, пожалуй,
Землю кровью праведной моею,
А не то три года быть засухѣ:
Ничего земля родить не станетъ!“
Услыхалъ паша, что молвилъ старецъ,
И повелъ его на сине море,
И занесъ надъ нимъ ужь остру саблю;

Говоритъ опять великій старецъ:
„Господинъ паша, остановися,
Не губи меня на синемъ морѣ:
Встанетъ буря, море возмутится,
Корабли потопитъ и галеры,
Города зальетъ, размоетъ землю!“
Напугать пашу такъ думалъ старецъ,
Да паша не сталъ ужь старца слушать,
И отсѣкъ главу его святую.

Далъ Господь въ своемъ раю небесномъ
Прославленье праведному мужу,
Намъ же, братья, радость и веселье.

VI.

Сонъ королевича Марка.

Вижу—поле, залитое кровью;
Грустно мѣсяцъ на̀ поле глядитъ...
Славный витязь Марко королевичъ
Между труповъ раненый лежитъ.

Духи горъ витаютъ надъ тѣлами,
Все кого-то ищутъ—вотъ нашли—
И съ собою осторожно Марка
Съ поля битвы въ горы унесли,

Въ высотахъ заоблачныхъ, въ пещерѣ,
Онъ узналъ про плѣнъ страны родной,—
И вскочилъ, и выхватилъ онъ саблю,
И, поднявъ ее надъ головой,

Остріемъ, въ упоръ, ударилъ въ камень...
Онъ ударилъ, чтобъ ее сломать,
Но о камень не сломалась сабля,
А вошла въ него по рукоять;

Самъ же Марко силою чудесной
Въ этотъ мигъ внезапно поражонъ,
Повалился на землю въ пещерѣ
И въ глубокій погрузился сонъ.

Высоко пещера та въ Балканахъ;
Духи горъ всѣ входы стерегутъ.
Вкругъ играютъ съ молніей и громомъ,
Съ вѣтромъ пѣсни буйныя поютъ.

Ту пещеру пастухи лишь знаютъ. —
И сказали духи пастухамъ:
„Въ срокъ свой сабля выпадетъ изъ камня,
Встанетъ Марко и отмститъ врагамъ!“

И съ тѣхъ поръ къ пещерѣ по утесамъ
Пастухи взбираются тайкомъ:
Триста лѣтъ не трогалася сабля,
Триста лѣтъ спалъ Марко крѣпкимъ сномъ.

Въ краѣ сербскомъ вознеслись мечети;
Янычаръ, въ толпѣ, средь бѣла дня,
По базарамъ женъ давилъ копытомъ
Своего арабскаго коня.

Царь и царство, пышній дворъ и баны,
И пиры, и битвы — отошли
Въ область сновъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Въ область царствъ, исчезнувшихъ съ земли...

Вдругъ раздался словно гулъ подземный;
Вся гора подъ Маркомъ сотряслась,
Спящій Марко вдругъ зашевелился,
Сабля жь вдругъ изъ камня подалась...

Этотъ гулъ—былъ громъ полтавскихъ пушекъ.
Марковъ сонъ съ тѣхъ поръ тревоженъ сталъ.
Вотъ летятъ орлы Екатерины —
По Балкану трепетъ пробѣжалъ —

Міръ, лишь въ пѣснѣ жившій, словно вышелъ
Изъ земли, какъ былъ по старинѣ:
Тѣ-жь гайдуки, тѣ-же воеводы,
Тѣ-жь попы съ мечемъ и на конѣ!

Съ древней славой новую свивая,
Гусляры по всей странѣ идутъ:
Бьетъ врага Георгій или Милошь—
Тотчасъ пѣснь вездѣ о нихъ поютъ...

Вотъ ужь снова колокольнымъ звономъ
Загудѣла сербская земля...
Вотъ—Бѣлградъ позоривщее знамя
Спущено навѣкъ съ его кремля...

Съ каждымъ часомъ Марковъ сонъ все тоньше,
И изъ камня сабля все идетъ,—
Говорятъ — чуть держится, ужь гнется...
Что же медлитъ? что не упадетъ?..

Стрѣлецкое сказаніе о Царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.

Какъ за чаркой, за блинами,
Потѣшались молодцы,
Надъ потѣшными полками
Похвалялися стрѣльцы!

„Гдѣ ужь вамъ, Преображенцы
Да Семеновцы, гдѣ вамъ,
Мелочь, Божіи младенцы,
Намъ перечить, старикамъ!

„Съ слободой своей нѣмецкой,
„Да съ своимъ царемъ Петромъ,
„Мы, молъ, весь приказъ стрѣлецкій,
„Всѣхъ въ бараній рогъ согнемъ!

„Всѣхъ — и самую царевну...“
Нѣтъ, ужь тутъ, голубчикъ, врешь!
Нашу Софью Алексѣвну
Обойдешь да не возьмешь!

„Даромъ, что родилась дѣвкой —
Да иной разъ такъ пройметъ
Молодецкою издѣвкой,
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ

„Черной бровью соболиной —
Пропадай богатыри!
Умеръ, право бъ, за-едино,
Если бъ молвила: умри!..

„Грѣхъ бывалъ и между нами,
Какъ о вѣрѣ вышелъ споръ,
И ходили съ чернецами,
Въ царскій Кремль мы на соборъ —

„Бунтовское было дѣло!
Да вѣдь сладила! какъ разъ
Словомъ вышибить умѣла
Дурость всякую изъ насъ!

„Будемъ помнить мы дни оны!..
Вышли наши молодцы;
Впереди несутъ иконы
Со свѣчами чернецы...

„Не сказали бъ, такъ узнала бъ
Вся Москва ихъ! старики!
Не на-отмашь, низко на лобъ
Надѣвали клобуки;

„Не развалисты въ походкѣ,
А согбенные идутъ;
Не дерутъ, разиня глотки,
Тихимъ голосомъ поютъ;

„Лица постныя, худыя,
Вѣры точно что столпы!..
Ужь не толстые, хмѣльные
Никоньянскіе попы!..

„Умилился людъ московскій,
Повалилъ за ними, претъ,
И на площади кремлевской,
Что волна, забилъ народъ.

„А ужь тамъ, во Грановитой,
Всѣ насъ ждутъ: царевны, дворъ,
Патріархъ, митрополиты,
Освященный весь соборъ.

„Старцы свѣчи возжигали,
И евангелье съ крестомъ
На амвоны полагали,
И царевнѣ бьютъ челомъ:

„Благовѣрная Царевна!
„Солнце Русскія земли!
„Свѣтъ-Софія Алексѣвна,
„Государыня! вели,

„Чтобъ у насъ быть разсмотрѣнью
„Съ патріархомъ о дѣлахъ
„По церковному строенью
„И о Никоновыхъ лжахъ!

„Процвѣтала церковь наша,
„Аки райскій крикъ, полна
„Благодати, яко чаша
„Пресладчайшаго вина!

„Утверждалася на книгахъ,
„Ихъ-же имемъ отъ мужей,
„Проводившихъ жизнь въ веригахъ
„И въ умертвіи страстей;

„Ихъ-же чтеніемъ спасались
„Благовѣрные цари,
„И цвѣли, и украшались
„По Руси монастыри;

„Но рѣченный Никонъ волкомъ
„Вторгся въ оный вертоградъ,
„И своимъ безумнымъ толкомъ
„Ниспровергъ церковный ладъ!

„Аки римская блудница
„На драконѣ возсѣдя,
„Рекъ: „нѣсть Бога! (кровопійца!)
„—Азъ есмь Богъ, и вся моя!“

„И святыя книги рушилъ“...
Ну,—и началъ все мутить...
Патріархъ ихъ слушалъ, слушалъ,
Подымался говорить, —

„Да куда!.. изъ-за владыки
Ну выскакивать попы...
Брань пошла, мятежъ и крики!
На дворѣ — ревутъ толпы,

„Вкругъ царевенъ — натерпѣлись
Ужь бѣдняжки! — мужики,
Чернецы орутъ, зардѣлись,
Поскидали клобуки,

„Всѣ-то съ взбитыми власами,
Очи кровью налиты,
И мелькаютъ надъ главами
Палки, книги и кресты!..

„Ждетъ царевна, не дождется,
Чтобъ затихли; то впередъ,
Словно лебедь, къ нимъ рванется,
Образумливать учнетъ;

„Замутили царствомъ бабы“,
Голосятъ кругомъ, — ахти!
„Государынямъ пора бы
„Въ монастырь давно идти!“

„Слыша то, и глянувъ гнѣвно,
И отдвинувъ тронъ златой,
Вся зардѣвшися, царевна
Удалилась въ свой покой.

„Съ барабаннымъ вышли боемъ
Изъ Кремля мы: вдругъ приказъ,—
Чтобъ къ царевнинымъ покоямъ
Выслать выборныхъ тотчасъ.

„Ночью, съ фонарями, ровно,
Тихо вышла на крыльцо.
Такъ-то ласково-любовно
Обратила къ намъ лицо...

„Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то—низко, низко,
Вязь изъ крупныхъ жемчуговъ...

„Если мы вамъ неугодны“,
Говоритъ—„весь царскій домъ,
„Мы объявимъ всенародно
„Что изъ царства вонъ уйдемъ!

„У Волоховъ или Цесарцевъ,—
„Гдѣ-нибудь найдемъ пріютъ...
„Вы смѣняли насъ на старцевъ,
„Давнихъ сѣятелей смутъ,—

„Пусть на нихъ падетъ и царство!
„Но въ вину не ставьте намъ,
„Коль сосѣди государство
„Все растащутъ по клочкамъ.

„Коль Поляки съ ханомъ крымскимъ
„Русь подѣлятъ межь собой:
„Поклоняйтесь папамъ римскимъ
„Басурманьтесь съ Татарвой!

„Мы въ церквахъ положимъ вклады,
„И поклонимся мощамъ,
„Да и съ Богомъ!".. Всей громадой
Пали мы къ ея ногамъ.

„Что ты, матушка, какое
„Слово молвишь", говоримъ;—
„Слово—самое пустое!
„Нешто мы того хотимъ!

„Знаемъ мы: безъ государей
„Каковы дѣла пойдутъ!
„Заѣдятъ народъ бояре
„Да въ латинство поведутъ!..

„Все тѣ старцы-лиходѣи!
„Чтобы пусто было имъ!
„Нешто мы архіереи?
„Что мы въ книгахъ разглядимъ?

„Ты ужь смилуйся, пожалуй,
„Хоть жалѣючи Земли!..
„А за грубость—насъ до малу
„Жестокò казнить вели!“

„Ждемъ: чтó скажетъ?.. И сказала:
„—Встаньте! вѣрныхъ Россіянъ
„Вижу въ васъ! Я такъ и знала!..
„Бойся жь насъ ты, крымскій ханъ!..

„Пиръ готовъ, а въ гости будемъ!“..
Мы—„ура!“ на весь народъ,
А она начальнымъ людямъ
„Выйдти,—крикнула,—впередъ!

„И велитъ дьякамъ приказнымъ
Награждать кого казной,
А кого имѣньемъ разнымъ,
Соболями аль землей,

„А кого боярскимъ саномъ,—
„А для прочихъ молодцовъ,“
Говоритъ: „три дня быть пьянымъ
Съ нашихъ царскихъ погребовъ!“...

„И была гульба въ столицѣ!
Будетъ помнить царскій градъ!..
Чернецы жь сидятъ въ темницѣ,
И сидятъ, стрѣльцовъ корятъ:

„Такъ-то вѣру отстояли,
„Вы, стрѣлецкіе полки!
„Прогуляли, промѣняли
„На царевы кабаки!“

„Ладно, братцы! щи вамъ съ кашей!
Что, братъ, скажешь? хороша?..
Лучше нѣтъ царевны нашей!
Вотъ, какъ есть, совсѣмъ душа!“

1867.

СТРАННИКЪ.

Странникъ.

(Посвящается Ѳ. И. Тютчеву).

дѣйствующія лица:

Гриша, двадцати лѣтъ.
Странникъ, сорока пяти лѣтъ.
Нищій.

Странноприимная келья при купеческомъ раскольничьемъ домѣ, на фабрикѣ, близъ большаго села. Въ кельѣ столъ, лавки, образа стараго письма, лампадка.

Гриша *(одинъ стоитъ въ раздумьи).*

Какъ онъ войдетъ, то прямо объявлюся:
„Азъ грѣшный, молъ, во тьмѣ заблудшій, свѣту
„Желающій!.. Отверзи мнѣ источникъ
„Премудрости твоей, бо алчу, отче,
„Я твоего учительскаго слова...“
Такъ и скажу ему, какъ затвердилъ!
А тутъ пока прибраться...

(Оглядываетъ келью).

Ишь, подушку
Откинулъ онъ и положилъ полѣнце...
Голубчикъ! снялъ вѣдь и соломку съ лавки!
Пошелъ съ своей посудинкой на рѣчку...
Вотъ слишкомъ двѣ недѣли: всю-то ночь
На правилѣ стоитъ, а днемъ читаетъ...
И какъ себя-то соблюдаетъ строго!
Разъ отдохнуть прилегъ: вдругъ ѣдетъ тройка,
Да съ пѣснями, — и кинулся молиться,
Да часъ иль два поклоны клалъ земные...
Что̀ еслибъ зналъ онъ, что я тутъ-же, подлѣ,
Изъ каморы своей смотрю все въ щелку?
Что̀ жь! развѣ я то дѣлаю для худа?
Томлюся я, что Данiилъ во рву...
Горѣ всечасно обращаю очи —
Не явится ль Господень свѣтлый ангелъ!
Да нѣтъ, не сходитъ!..

(Поправляетъ лампадку на полкѣ, гдѣ видитъ книги).

Вотъ книги-то его!...
Евѳимiевъ *Цвѣтникъ* [2])... Да нешто онъ
Изъ бѣгуновъ?.. А это Аввакума
Посланiя... Какъ вѣдь писалъ, страдалецъ!

(Открываетъ книгу и читаетъ).

„У Грековъ такожде пропала вѣра.
Съ поганымъ Туркомъ потурчали: пьютъ
Табакъ, приходятъ въ церковь въ шапкахъ; жены
Того сквернѣй; имъ церковь, яко мѣсто
Соблазна: груди голы, очи дерзки.
Самъ патріархъ браду обрилъ и съ Туркомъ
Ѣстъ рафленыхъ курей съ едина блюда.
Нѣтъ, Русачки мои не таковы!
Въ огонь скорѣе, миленькіе, внидутъ,
А благовѣрія не предадутъ".
Во истину, сказалъ: „не предадутъ!"

(Перевертываетъ нѣсколько страницъ и читаетъ).

„Къ тебѣ, о царь, предъ смертью, изъ темницы,
Я, какъ изъ гроба, нынѣ вопію:
Опомнися! Покайся!... Изболѣло
Мое все сердце по тебѣ, царю!
О душенькѣ своей попомни, милый!
Слукавили лгуны передъ тобою!
Какіе жь мы еретики, помысли!
Порушили ль мы гдѣ уставы церкви?
Вели престать насъ звать бунтовщиками:
Мы предъ твоимъ величествомъ, голубчикъ,
Ниже въ малѣйшемъ неповинны! Токмо

Что о душѣ печемся, Бога ради"...

(Слыша шаги, поспѣшно кладетъ книгу на мѣсто и становится къ стѣнѣ. Входитъ странникъ, несетъ буракъ съ водою; проходитъ мимо Гриши, не замѣчая его и продолжая богомысліе).

СТРАННИКЪ.

Изъ глубины паденья моего,
О, Господи, къ Тебѣ взываю, грѣшный!
Вонми моимъ рыданіямъ и призри
Съ высотъ Твоихъ, есмь немощенъ и шатокъ,
И духъ мой, аки валъ морской, всечасно
То въ небеса, предъ свѣтлый ликъ Твой рвется,
То падаетъ во адъ кромѣшный паки!...

(Ставитъ буракъ на столъ, достаетъ мѣдный складень и готовится стать на правило).

ГРИША *(робко подходя къ нему).*

Не прогнѣвись, благоутробный отче:
Азъ грѣшный... азъ учительскаго слова
Изъ устъ твоихъ желающій услышать...

СТРАННИКЪ.

Охъ, что ты, сыне?.. Мнѣ ль учительское слово
Кому держать! и самъ бы поучился
Отъ мудраго! самъ возлюбилъ бы плеть
Духовную отъ праведнаго мужа!

ГРИША.

Позволь съ тобой на правило мнѣ стать!

СТРАННИКЪ.

Нельзя!

ГРИША.

Я тоже старой вѣры, отче!

СТРАННИКЪ.

Что́ жь ста́рой? Всѣ вы нынче — пестряки!
(Садится)
Да! благодать давно взята на небо!
Вселенная пуста, и стадо вѣрныхъ
День ото дня въ міру оскудѣваетъ!..
Ты грамотный?

ГРИША.

Почитываю книги,
Да одному не все-то въ нихъ понятно!..
У насъ народъ на фабрикѣ все буйный,
И токмо что рекутся старовѣры.
Вотъ иногда у посто́яльцевъ спросишь,—
Да знающихъ немного между ними.

СТРАННИКЪ.

Коль громотенъ еси, то прочиталъ ли
И помнишь ли, что̀ писано о вѣрныхъ?
(Читаетъ наизусть:)

Егда Христосъ пріидетъ паки въ міръ,
Обрящетъ ли свою онъ вѣру чисту?
Онъ пріидетъ въ великіе хоромы
Съ златымъ шатромъ, съ подзоры и убрусы;
Покои жь багрецомъ наряжены;
И въ тѣхъ покояхъ возсѣдятъ мужи,
Во ферезяхъ, сырцомъ и златомъ шитыхъ;
А на столѣ и лебедь, и журавль,
И сахары, и всякое печенье,
И жемчугомъ унизаны, подносятъ
Вина имъ, въ сребряныхъ сосудахъ, жены,
И поклоняются имъ, и лобзаютъ,
Грѣховной срамоты не убояся,
Усты въ уста. Онъ скажетъ: „Блудодѣи
Вси суть они, и не мои суть овцы!“
Онъ пріидетъ къ властямъ, къ архіереямъ;
Узритъ: единъ съ блистаніемъ на митрѣ
И злата, и жемчужныхъ херувимовъ,
И бархатомъ на мантіи кичася,
На башмакахъ же крестъ Христовъ имѣя,
Чтобъ скверными топтать его ногами;
И вкругъ синклитъ его, попы и мнихи,
И римскіе пѣвцы, партеснымъ пѣньемъ
Не Божью, а его поющи славу;

И всѣ думцы его въ парчахъ и камняхъ,
Окрестъ его сѣдяще полукругомъ;
И купно всѣмъ соборомъ измышляютъ
Погибель христіанству, наказуя
По всей странѣ противящихся имъ
Во срубахъ жечь и вѣшать на крюки,
И зарывать живыхъ по перси въ землю;
Онъ скажетъ: „се не пастыри, а волки!“
Въ пустыняхъ лишь, въ лѣсу, забѣгшихъ въ горы
Найдетъ подвижниковъ: имъ-же молитва —
Кормленье, слезы — утоленье жажды,
И бѣса посрамленіе — веселье,
Гоненіе — сговоръ, а смерть — невѣста...
И скажетъ Онъ: „со Мною вы пребысте,
И съ вами Азъ, отнынѣ и вовѣки“.

ГРИША *(въ умиленьи)*.

Ты наизусть святыя книги знаешь!
Вотъ, всю бы ночь, кажись, тебя прослушалъ!

СТРАННИКЪ.

Великій змій вселенную обвилъ
И царствуетъ... Про змія-то читаемъ:
„И было зримо, како по ночамъ,
Сей змій, уста червлены, брюхо пестро,

Ко храминѣ царевой подползалъ,
И царское оконце отворялось.
Царь у окна сидѣлъ, а змій вздымаясь
По лѣстницѣ клубами, подымался
Вверхъ до окна и голову свою
Великому Царю клалъ на плечо.
(И такъ онъ былъ огроменъ, что лежалъ
По лѣстницѣ всѣмъ туловищемъ темнымъ,
А хвостъ еще изъ патріаршей сѣни
Не вылѣзалъ). И такъ къ цареву уху
Припавъ, шепталъ онъ лестныя слова:
„Не слушай честныхъ старцевъ, о царю!
„И старыхъ книгъ, владыко, боронися!
„Бо тѣсноты они тебѣ хотятъ!
„А полюби, царь, Никоновы книги:
„Въ нихъ обретешь пространное житье,
„И по средамъ и пятницамъ всеястье,
„И тѣлесамъ твоимъ во услажденье
„Всѣ радости мірскія и утѣхи“.

ГРИША.

Про змія, отче, я читалъ и знаю.
Изшелъ изъ ада онъ и днемъ являлся
Подъ видомъ Никона лжепатріарха,
А ночью принималъ опять видъ змія.

Про Никона написано еще:
Его видали, какъ въ златой палатѣ
Отъ многихъ онъ бѣсовъ былъ почитаемъ.
Они его садили на престолъ,
Вѣнчали, какъ царя, и лобызали,
И кланялись ему, и говорили:
„Ты большій братъ нашъ и любезный другъ,
И намъ поможешь крестъ Христовъ сломити".
Но это все стоитъ про Никоньянцевъ,
И въ ихъ-то вѣру змій пустилъ свой ядъ.

СТРАННИКЪ.

Во всѣ! во всѣ!.. Отъ змѣя народились
Змѣеныши; чуть вылѣзли изъ яицъ—
И выросли, и стали жрать другъ друга,
И своего отца грызутъ, — и всѣ
Въ единый клубъ свились, дышащи злобой,
И лютости огнемъ распалены.
Въ писаніи стоитъ вѣдь явно: „внидутъ
Въ селенья праведныхъ и сластолюбцы,
И блудники, и тати, аще добрымъ
Очистятся постомъ и покаяньемъ,
Но въ оное не внидетъ ни богатый,
Ни еретикъ". А вашъ Андрей Денисовъ [3])
Что́ сотворилъ? — Когда явился Петръ —

То былъ ужъ самъ Антихристъ во плоти:
Одѣлъ себя и весь свой полкъ звѣриный
Въ нѣмецкіе кафтаны, и по царству
Ихъ разослалъ ниспровергать законы
Отечески и свой регламентъ ставить;
И позавелъ онъ раздѣленье въ людяхъ,
И сваръ, и бой, и брань междуусобну.
И вывезъ клеймы онъ изъ римскихъ странъ,
И сталъ клеймить вездѣ себѣ людей:
А на кого ужъ то клеймо легло —
Такъ на весь родъ пойдетъ: и отрекутся
Отеческихъ святынь, преданій, даже
Гробовъ отцовъ, и будутъ, что чужіе!
Ужасно есть сіе помыслить токмо!
Пойдутъ дружить со всякимъ вражьимъ духомъ,
Противъ всего, что сотворили древле
Великіе цари, митрополиты,
Московскіе, Іона, Алексѣй, —
Ихъ-же трудами собрана земля
Россійская, и ихъ цвѣла нарядомъ.
А славный вашъ Андрей Денисовъ съ онымъ
Антихристомъ, еже Петръ Первый есть,
Хлѣбъ-соль водилъ, копалъ ему руду
На цѣпи, и съ важнѣйшими его

Персонами братался; блудно жилъ,
Да блудно такъ и померъ: дѣвка,
Ишь, приворотнымъ зельемъ опоила!
Онъ всю-то жизнь Антихристу работалъ,
Въ Имперіи торги-то разводя.
Съ него вотъ и пошли купцы-тузы:
Первѣйшіе въ Москвѣ—все ихъ хоромы!
Въ хоромахъ-то картины и статуи
Поганскія; какъ балъ-то зададутъ,
По окнамъ-то не стекла—зеркала,
Зажгутъ такіе бѣлые шары,
Что солнца свѣтятъ! плясъ и музыканты!
Передъ крыльцомъ-то конная все стража!
Каретъ, каретъ-то! Все князья да графы,
И всѣхъ наукъ бѣсовскихъ хитрецы!
Вотъ, братъ, цвѣты какіе распустились
Изъ сѣмени Андреева! ликуютъ,
А васъ-то, дурней, держатъ въ кабалѣ,
Иконами да лестовкой морочатъ!
Я побывалъ и у Таганья Рога,
На Иргизѣ, и въ Керженцѣ, на Выгѣ,
И въ Питерѣ, Москвѣ, въ Казани, Ржевѣ:
Вездѣ одно! Обозъ идетъ: анъ чей?
Чьи тамъ плоты рѣку загородили?

Чьи баржи тянутъ огненною силой,
Да караванъ за караваномъ? Сало,
Пенька ли, хлѣбъ—спроси ты только, чьи?
А пристани по городамъ, буяны?
А въ Нижнемъ кто ворочаетъ дѣлами?
Все вѣры древлія благочестивцы,
И всѣмъ-то имъ заводчикъ—вашъ Андрей!
А на кого трудятся? Нешто Богу?
Антихристъ-то имъ нешто врагъ? Поди-ко,
Царю листы какіе восписуютъ —
„Всѣ за тебя, молъ, животы положимъ!“
Вотъ каково! и погоди маленько,
Какъ ужъ совсѣмъ гоненье поутихнетъ
Да потѣснѣй спознаются другъ съ другомъ,
Да льготъ дадутъ, всѣмъ міромъ подъ *большіе*
Колокола пойдете [4]) и съ попами
Всѣ въ голосъ запоете! Тако будетъ!
Поширь вамъ только!

(Опускаетъ голову и задумывается).

Деньги, сыне, деньги!
Погибель вся отъ нихъ! Онѣ и есть
Мошна въ сѣти, въ которую, что рыбу,
Васъ дьяволы шестами загоняютъ,
А вервія другіе бѣсы тянутъ

Ко брегу, онъ-же адъ, а сатана
Въ аду-то у окна сидитъ и радъ,
Что тяжело идетъ треклятый неводъ,
Что бѣсы-то потѣютъ и пыхтятъ
Отъ бремени!

ГРИША.

Ужель нельзя спастися?

СТРАННИКЪ.

Здѣсь, въ мірѣ? нѣтъ! Но милосердьемъ Божьимъ
Спасенья путь оставленъ узкій, токмо
Не многіе идутъ по немъ.

ГРИША.

Кто грѣшенъ,
Тотъ ужь ступить на оный путь не можетъ?

СТРАННИКЪ.

А ты на совѣсти имѣешь грѣхъ
Особенный?

ГРИША.

Имѣю грѣхъ великій!
Такъ и лежитъ на сердцѣ... такъ и мучитъ...
Ахъ отче, я великій грѣшникъ!

СТРАННИКЪ.

Если

Довѣріе имѣешь, то откройся,
Пооблегчитъ.

ГРИША.

Я знаю, полегчало бъ!
И это въ мысляхъ я имѣлъ... Вотъ видишь...
Я разскажу тебѣ ужь все, какъ было...
Къ божественному былъ я склоненъ смлада.
И какъ былъ взятъ въ привратники сюда,
Отъ странниковъ былъ въ вѣрѣ наставляемъ
По древнему закону. Только странникъ
Вѣдь поживетъ, да и уйдетъ потомъ.
А сколько ихъ притомъ непутныхъ бродитъ!...
И соблюдать себя я началъ строго;
Кремнями, стеклами постель усыпалъ,
Отъ всякихъ яствъ отсталъ, питался быльемъ,
Во дни-же постные совсѣмъ не ѣлъ.
Тутъ надо мной кругомъ смѣяться стали,
И я возмнилъ, что есмь единъ безгрѣшенъ,
И смѣхъ ихъ былъ мнѣ въ сладость... Началъ
Ужъ помышлять, что самъ меня нечистый
Не побѣдитъ. „Не одолѣешь, бѣсе!“
Твержу, а онъ зоветъ на вечерницу;

„Тамъ власть свою яви ты надо мною —
И поклонюсь тебѣ“... я и пошелъ...

СТРАННИКЪ.

Пошелъ? Ну, что-жь?

ГРИША.

И... одолѣлъ лукавый...

СТРАННИКЪ.

Ну, какъ же онъ къ тебѣ тамъ подступился?
Во образѣ жены?

ГРИША.

Нѣтъ, ужь уволь!
Что говорить!..

СТРАННИКЪ.

Стыдѣніе имѣешь.

(Подумавъ).

Охъ, сыне, сыне! растлѣна земля
Людьми уже на тридцать саженъ внизъ!
И къ Господу всечасно вопіетъ,
Да попалитъ огнемъ ее Господь,
И отъ грѣховъ и всякихъ сквернъ очиститъ!
Твой грѣхъ не есть еще великій грѣхъ...
Грѣхи бываютъ, сыне, потягчае...

Примѣромъ—кровь, непутное житье
Съ разбойники и тати, и блудницы...
Но ты сего еще не разумѣешь,
И дай Господь не разумѣть во вѣки!..
Съ людьми толчешься, что по рынку ходишь:
Шумъ, гамъ! купцы те за̀ полы хватаютъ
И въ лавки тащутъ, и товаръ свой суютъ,
„Купи, купи, почтенный! вовсе даромъ!...“
Ты и берешь, и не въ домекъ, что эти
Купцы-то—переряженные бѣсы,
Товары—смертные грѣхи, а платишь
За нихъ душой; оно и выйдетъ даромъ.
Она бо есть невидима, душа-то!..
Охъ, миленькій! въ пустыньку бъ Богъ сподобилъ
Укрытися! Тамъ райское-то есть
Веселіе! Поютъ тебѣ тамъ пташки!
Пустынька вся нарядится цвѣтами!
Студенъ ручей съ горы крутой падетъ...
Сиди надъ нимъ!.. а кругъ—густыя ели...
Олень, аль прочій звѣрь придетъ напиться...
И пташка тутъ на камешокъ-же сядетъ
И крылушки полощетъ... Такъ-то любо!
И такъ душа исполнится твоя
Величіемъ Господнимъ... и восплачетъ

Умильными и тихими слезами...
Вотъ тамъ помолишься!.. да, братъ Григорій,
Велико дѣло есть пустыня!

ГРИША.

Отче,
А какъ же тамъ зимой-то жить?

СТРАННИКЪ.

А славно!
Сидишь ты словно въ свѣтозарномъ царствѣ,
Какъ зорьки-то играютъ на снѣгу...

ГРИША.

Ты, можетъ, отче, и живешь въ пустынѣ
И ради нѣкихъ нуждъ изшелъ?

СТРАННИКЪ.

Живалъ...
Да токмо гладомъ нудимъ былъ изыти.
Не одолѣлъ плотскаго человѣка,
И плоть еще не омерзила въ досталь;
А можетъ, Богъ назначилъ и страданье,
И муки дать мнѣ претерпѣть, чтобъ душу
Очувствовать... но я умру въ пустынѣ!
Святые тоже вѣдь не всѣ родились
Во святости... зато потомъ, смотри,

Какое житіе прешли, смывая
Съ души своей грѣховныя-то пятна!
Въ огнѣ молитвы душу, яко въ горнѣ
Заржавое желѣзо, распаляли,
И правиломъ духовнымъ, яко млатомъ
Ее сгибали, да пріемлетъ видъ,
Какой ей данъ былъ въ помыслѣ Творца,
И искривленъ потомъ житейской нужей.
Прочти, вотъ, о святыхъ мужахъ, о нашихъ.

(Достаетъ книгу; перевертываетъ листы и даетъ Гришѣ).

Вотъ объ отцѣ Савватіи стоитъ:

ГРИША *(читаетъ).*

„И бысть еще сожженъ отецъ Савватій:
Въ писаніи искусенъ; просвѣтленъ
Безмолвіемъ. Когда молился онъ,—
То былъ ли шумъ, смятенье ль между братій,—
Ни душу къ нимъ, ни ухо, ни глаза
Не обращалъ: но въ Бозѣ пребывая,
Стоялъ что столпъ недвижимъ, въ небеса
Молитвенной цѣвницей ударяя“...

СТРАННИКЪ *(беретъ у него книгу и перевертываетъ нѣсколько страницъ).*

А вотъ еще о Гуріи читай.

ГРИША *(читаетъ)*.

„А также отъ земнаго бытія
И Гурій отошелъ. Блаженствомъ житія
Былъ чуденъ: день и ночь молитвословилъ,
И правила келейнаго впередъ
На тридцать лѣтъ начелъ и наготовилъ.
Жилъ въ Бозѣ онъ, и егда нощь придетъ,
И егда день. И оттого блистала
Душа его премудростью творца,
Какъ солнцемъ озаренное зерцало.“

СТРАННИКЪ *(беретъ книгу)*.

Вотъ, сыне,—свѣтъ, на оный и грядемъ!

ГРИША.

Такъ отче... да!.. но какъ же къ симъ мужамъ
Приблизиться? они, вѣдь, яко звѣзды,
Надъ нами въ высотѣ небесъ сіяютъ!

СТРАННИКЪ.

А отъ земли пошли!

ГРИША.

Что жь надо дѣлать?

СТРАННИКЪ.

А что они творили? Подъ начало
Сперва къ мужамъ достойнымъ поступали,

И пріобыкнувъ волю ихъ творить,
Ужь Господу потомъ трудились сами.

ГРИША.

Возьми меня на послушанье, отче...

СТРАННИКЪ *(какъ бы въ испугѣ).*

Охъ! что ты! что ты! Богъ тебя храни!
И не моли! объ этомъ и не мысли!
Я не гожусь!.. Наставника бъ обоимъ
Жестокаго найдти намъ и въ пустыню
Укрыться — да!

ГРИША.

Да отчего же, отче?

СТРАННИКЪ.

Не говори объ этомъ... ты не знаешь.

ГРИША.

Аль чѣмъ тебя я прогнѣвилъ?

СТРАННИКЪ.

Молчи!
Не человѣкъ есмь — скотъ, и хуже, хуже!

(Слышенъ стукъ въ окно).

Голосъ НИЩАГО *(на распѣвъ).*

Мы здѣсь ни града, ни села не знаемъ!
Подайте милостыньку, христіане!

(Гриша отворяетъ окно).

СТРАННИКЪ *(вздрогнувъ).*

Вотъ адовы-то цѣпи!

ГРИША.

Это—нищій.

Я сбѣгаю за хлѣбомъ къ пекарямъ.

(Уходитъ).

СТРАННИКЪ *(оглядываясь и подходя къ окну, сурово).*

Чего пришелъ?

НИЩІЙ *(высовывая голову въ окно).*

А ты что, чортъ, пропалъ?

Вѣдь двѣ недѣли! Отъ артели посланъ —

Чего жь валандаться? аль ужь попался,

Мы думали—да Ѳенька угадала—

Ужь человѣкъ такой непостоянный:

Тамъ, молъ, сидитъ, навѣрно замолился,

Вздыхаетъ по пустынѣ.

СТРАННИКЪ.

И въ пустыню бъ

Ушелъ—то вамъ какое дѣло?

НИЩІЙ.

Волки —

Не мы, братъ, нѣтъ! въ артель не примутъ! Такъ-то

Въ пустынѣ жить—животъ сведетъ. Да полно!
Кончай скорѣе, да иди въ Акулькинъ
Кабакъ. Ужь встрѣчу приготовимъ. Разомъ
Отдóхнешь отъ поста-то... вольный воздухъ,
Веселыя головушки!.. Слышь, Ѳенька
Ругается: „иди молъ, безпремѣнно,
Да не пустой. Гулять хочу съ нимъ“, баитъ;
Не то, смотри, гулять пойдетъ съ Отпѣтымъ.

СТРАННИКЪ *(глухо)*.

А что тебѣ за дѣло съ кѣмъ гуляетъ?

НИЩІЙ.

Да мнѣ-то что? Ты зарычишь, не я.

СТРАННИКЪ.

Я зарычу?.. какъ я-то зарычу —
Всѣ у меня оглохнете вы, сволочь!
Анаѳемы! Да что вы? слать приказы
Мнѣ вздумали?.. Мнѣ токмо Богъ законъ!
Самъ сатана не можетъ надо мною
Возобладать! Ужь думаетъ, что держитъ,
Ужь поборолъ, ужь ухватилъ подъ горло,
И говоритъ мнѣ: „отрекися Бога“ —
И не отрекся я!.. А вы?.. да съ вами
Когда я по землѣ иду, такъ лѣсу

Стоячаго и облака я выше
Ходячаго!.. И, что хочу, творю!
Хочу у васъ живу, хочу, уйду;
А восхощу мученій, самъ явлюсь
Къ мучителямъ, и буду я спасенъ
Чрезъ муки добровольныя... а вы,
Кроты въ норахъ живущіе, вы, черви,
Во адъ попадаете всѣ, какъ соръ,
Что баба выметаетъ за порогъ!

НИЩІЙ.

Ну полно, дядя, больно осерчалъ!

СТРАННИКЪ.

Проваливай!

(Отходя).

„Гулять хочу съ нимъ“.... аспидъ!
Иродіада! вздумала пугать!
Ну, нѣтъ! еще постой, ты мнѣ, голубка,
Поклонишься, мнѣ руки цѣловать,
Ехидна, будешь!.. знаю васъ я!..

(Входитъ Гриша; подаетъ нищему хлѣба).

ГРИША *(въ окно).*

Можетъ,
Поотдохнуть ты, дяденька, желаешь?

НИЩІЙ.

Нѣтъ родненькій, спасибо! Тутъ дорога
Большая. Побреду. Господь съ тобою!

ГРИША *(затворяетъ окно)*.

Что жь, отче? не возьмешь на послушанье?

СТРАННИКЪ *(глядя пристально на Гришу)*.

Возьму.

ГРИША.

Ахъ, отче, то-есть, вотъ какъ буду
Служить тебѣ!

СТРАННИКЪ *(въ сторону)*.

Антихристова челядь!

ГРИША.

Когда же мы пойдемъ?

СТРАННИКЪ.

Когда пойдемъ...
Да ты тутъ у хозяйки какъ живешь?
Ты по дому ей нуженъ?.. и она
Тебѣ во всемъ, вѣдь, вѣритъ!.. ты и ночью
Въ моленной поправлять лампадки ходишь?

ГРИША.

Хожу.

СТРАННИКЪ.

А тамъ и сундуки стоятъ,
И деньги, въ особливомъ сундукѣ?

ГРИША.

И деньги.

СТРАННИКЪ.

Такъ. И не великъ сундукъ?

ГРИША.

Да, не великъ.

СТРАННИКЪ.

Спохватится, и станутъ
Искать тебя.

ГРИША.

Да я жь уйду нетайно.

СТРАННИКЪ *(запальчиво)*.

А я бъ тебѣ сказалъ: пойдемъ сейчасъ!
Не знаешь, что такое послушанье?
Ты долженъ все оставить и идти.
Наставникъ—голова, а ты—рука!
Сказала голова, рука и дѣлай!
А ладно ли, не ладно ли велѣнье—
Не разбирай! Иди себѣ и дѣлай!

ГРИША.

Все знаю, отче! все какъ есть, исполню!

СТРАННИКЪ.

А если ты окажешь противленье?

ГРИША.

Зачѣмъ же противленье? Буду вѣчно,
Какъ рабъ твой.

СТРАННИКЪ.

Ну, смотри, завѣтъ свой помни!
Пріемлю тя подъ длань свою.

(Гриша становится на колѣни, странникъ кладетъ ему руку на голову).

Помилуй
Насъ, Господи Ісусе, Сыне Божій!

ГРИША *(цѣлуя его руку).*

Аминь!
(Встаетъ).
Ухъ! словно отлегло отъ сердца!

СТРАННИКЪ *(пройдясь по комнатѣ и обращаясь съ важнымъ видомъ).*

Такъ вотъ же, чадо, вотъ тебѣ теперь
И первое велѣнье: пой мнѣ пѣсню
Бѣсовскую!

ГРИША *(въ изумленьи)*.

Бѣсовскую пѣть пѣсню?

СТРАННИКЪ.

Пой пѣсню—ну, хоть „дядя Селифанъ!“
Пой и пляши!

ГРИША *(тревожно)*.

Да что ты, отче, какъ же?
Все говорилъ такое... а теперь...

(Смотритъ пристально на странника и въ ужасѣ отступаетъ).

А если онъ не человѣкъ!.. а тоже,
Какъ и тогда... такое-жь навожденье
Отъ дьявола... какъ запою—и схватитъ,
И унесетъ!..

(Хватаясь за голову, и жмурясь, и пятясь, кричитъ).

Отыди въ мѣсто пусто,
Безводно! князь бѣсовскій! запрещаю
Тебѣ крестомъ! исчезни!.. сгинь!.. исчезни!

(Въ безсиліи опускается на скамью).

СТРАННИКЪ *(смѣясь съ укоризной)*.

Не выдержалъ и перваго искуса!

(Подходя къ нему).

Да что ты, сыне, ты совсѣмъ сомлѣлъ?..

(Въ испугѣ отходя отъ него на авансцену).

Аль чистая душа его-то чуетъ
Другаго господина моего...
Не поборолъ! острожное исчадье!
Непостоянный, аки листъ древесный!
Отыди! сгинь! заклятіе младенца
Не повернуло все нутро твое?
Отыди, звѣрь, во дебри и вертепы!..
Тамъ обрости струпьемъ и волосами,
Чтобъ въ ужасѣ и звѣрь, и человѣкъ
Тебя бѣжалъ...

(*Падаетъ на колѣни*).

О, Господи! спаси!
И вся мірская злая,—яко бурю
На озерѣ Генисаретскомъ словомъ
Утишилъ,—укроти въ душѣ моей!
Да съ миромъ изъ сего изыду дому!..

(*Къ Гришѣ*).

Очнися, сыне! что ты? Богъ съ тобою!
Садись со мной и облегчитъ Господь!

ГРИША (*вырываясь отъ него, живо*).

Я знаю, что мнѣ дѣлать: утоплюсь!
Такъ что за жизнь? тамъ словно свѣтъ какой,
А тутъ, вблизи—все темное! все рои
Бѣсовскіе... кувыркаются, скачутъ,

По лѣстницѣ бѣгутъ передо мною,
Согнувшися, что свиньи... хари, морды...
Такъ жить нельзя! ужь гибнуть, такъ ужь сразу!

СТРАННИКЪ.

Ну, полно! не хули ты даръ Господень!
Противъ бѣсовъ молитва есть... я тоже,
Егда былъ младъ, то въ очію ихъ видѣлъ,
И далъ отъ нихъ заклятіе мнѣ старецъ.
Съ горъ, сказывалъ, Кирилловыхъ явился...
Кирилловы-то горы знаешь?

ГРИША (*разсѣянно*).

Что тамъ,
Какія горы!

СТРАННИКЪ (*съ негодованіемъ*).

Эхъ, Григорій! мало жь
Ты просвѣтленъ! А христіане тоже!
Въ Ерусалимъ небесный, вишь, пошли,
Да въ полпути, куда пошли, забыли!
Кирилловы-то горы! даже власти,
Прослыша, знать хотѣли, что за горы
Чудесныя, какіе, молъ, тамъ старцы
Скрываются? кругъ всей бродили Волги,
И двадцать разъ чрезъ самую обитель

И мимо самыхъ старцевъ проходили,
А токмо лѣсъ и видѣли, да камень:
Бо старцы и обитель зримы токмо
Для вѣрныхъ. Такъ Господь сіе устроилъ
Но ты сего вмѣстить еще не можешь
И многаго, идѣ-же благодать
Господня есть и дѣйствуетъ понынѣ,
Спасая, аки праведнаго Ноя
Съ семьей среди великаго потопа,
Немногое число избранныхъ вѣрныхъ.

ГРИША.

Не гнѣвайся, а отпусти мнѣ, отче,
Вину мою! Со мной ужь было это
Отъ бѣса омраченье... Вотъ какъ было.
Тому теперь недѣли три, сошлися
Къ намъ странники, да трое, разныхъ вѣръ.
И спорили, и всякъ хвалилъ свою,
Да таково ругательно и блазно!
Какъ улеглись, я тоже легъ на одръ.
И такъ-то у меня заныло сердце;
И мысленно я сталъ молиться Богу:
„Дай знаменье мнѣ, Господи, какая
Передъ Тобой есть истинная вѣра?“
И не заснулъ—вотъ какъ теперь смотрю:

Вдругъ въ келью дверь тихонько отворилась,
И старечокъ такой лѣпообразный
Вошелъ и сѣлъ на одръ ко мнѣ, и началъ
Бесѣдовать, да ладно такъ и складно!
Всѣ хороши, молъ, вѣры передъ Богомъ;
Зритъ на дѣла, молъ, главное, Господь;
А что когда, молъ, знать желаешь больше,
Такъ приходи къ соборному попу...
И, какъ сказалъ онъ только: „попъ"—я вздрогнулъ,
Вскочилъ и крикнулъ: *Да воскреснетъ Богъ!*
Онъ и пропалъ—ну, видѣлъ я—во прахъ
Разсыпался... Съ тѣхъ поръ и опасаюсь..

СТРАННИКЪ (*вполнѣ вѣря*).

И слѣдуетъ. Напущено отъ змія.

ГРИША.

Что я не спалъ, то вѣрно!

СТРАННИКЪ.

Вѣрно, вѣрно!

ГРИША.

А что же, отче, ты про старцевъ началъ?

СТРАННИКЪ

Про старцевъ?.. Да, великое то дѣло!..
Вотъ прочитай изъ книжицы, увидишь

Какіе это старцы, какъ живутъ...

(*Достаетъ книгу и отыскиваетъ мѣсто*).

Единаго отъ нихъ тутъ есть посланье
Ко братіи... Отсель: „а обо мнѣ“...

ГРИША (*читаетъ*).

„А обо мнѣ вы не скорбите, братья!
Живу я въ мѣстѣ истинно покойномъ.
Живу я со отцы святыми. Мужи
Сіи цвѣтутъ, что финики, что крины,
Что кипарисы въ тихомъ, злачномъ мѣстѣ.
Отъ устъ ихъ непрестанная исходитъ
Къ Всевышнему сердечная молитва,
Что мvро добровонное, что ладанъ,
Что сладкій дымъ звенящаго кадила.
И, егда нощь, сія молитва зрима:
Изъ устъ ихъ огненнымъ столбомъ восходитъ
Она на небеса, и всей странѣ
Въ то время свѣтъ бываетъ отъ нея,
И можно честь безъ свѣщнаго сіянья.
И Богъ сіе имъ далъ, что возлюбиша
Всѣмъ сердцемъ Господа, и Самъ Господь
Ихъ возлюби; и все даетъ, что просятъ.
А просятъ же они не благъ житейскихъ,
Не временныхъ, прелестныхъ здѣшнихъ благъ,

А тишины и радости духовной,
Дабы, когда судить живымъ и мертвымъ
Пріидетъ Онъ во славѣ и сіяньѣ,
За подвиги великіе имъ воздалъ
Веселіемъ во царствіи небесномъ".

(Останавливается и смотритъ на странника въ тихомъ изумленіи).

Ужели есть теперь такіе старцы?

СТРАННИКЪ.

Ну, и куда бъ еще дѣваться имъ?
Вѣдь сказано, что будутъ пребывать
Незримы до пришествія Христова!

ГРИША.

Такъ... такъ... Ну, а молитва ихъ и нынѣ
На небѣ огненнымъ столбомъ видна?

СТРАННИКЪ.

Видать-то всѣ видаютъ, да не знаютъ,
Отколь столбы?

ГРИША.

А гдѣ же это будетъ?

СТРАННИКЪ.

Гдѣ? и въ Поморьи... и на Бѣломъ морѣ...
Тамъ съ карбаса, идя на рыбный промыслъ,

Видали. Паче же—на Волгѣ, мѣсто
Надъ Балахной, въ странѣ Нижегородской:
Тамъ горы-то Кирилловы и есть!
И мимо ихъ судовъ проходитъ много.
Коль на судахъ народъ благочестивый,
То, что врата, разверзнутся вдругъ горы,
И другъ за другомъ старцы тѣ выходятъ,
И кланяются судоходцамъ въ поясъ,
И просятъ ихъ свезти поклонъ ко братьямъ,
Живущимъ внизъ по Волгѣ, въ Жигуляхъ;
И подойдетъ расшива къ Жигулямъ,
И судоходцы кличутъ громкимъ гласомъ:
„Гой, старцы жигулевскіе! веземъ
Мы вамъ поклонъ съ Кирилловой горы!“
И разступаются тутъ паки горы,
И алебастръ разверзнется и камень,
И другъ за другомъ выступаютъ старцы,
И за поклонъ пловцовъ благословляютъ.
И полетитъ тогда въ Низовье судно,
Ограждено отъ бурь и непогоды
Напутствіемъ боголюбивыхъ старцевъ.
А вотъ еще другое мѣсто есть:
Есть цѣлый градъ, стоящій многи вѣки
Невидимый, при озерѣ. И было

Сіе вотъ такъ: Егда на Русь съ Татары
Пріиде лютый царь Батый, и грады
Вся раззорялъ, и убивалъ людей,
И, аки огнь, потекъ по всей странѣ,
Противъ него великій князь Георгій
Ходилъ съ полки свои, и былъ побитъ,
И побѣжалъ во славный Китежъ-градъ—
Его-же сотвори во славу Божью;
И погнались Татарове за нимъ;
И бысть во градѣ плачъ; и прибѣгоша
Во храмы люди, умоляя Бога,—
И Богъ яви свою надъ ними милость
И сотвори неслыханное чудо:
Егда Татары кинулись на приступъ,
Внезапну градъ содѣяся невидимъ!
И по ся дни стоятъ незримъ, и токмо
На озерѣ, когда вода спокойна,
Какъ въ зеркалѣ, онъ кажетъ тѣнь свою;
И видны стѣны съ башнями градскими,
И терема узорчаты, часовни
И церкви съ поглащенными главами...
Пречудное то зрѣлище! и явно —
Все на тѣни: какъ люди идутъ въ церковь,
И старицы и старцы, въ черномъ платьѣ,

По старинѣ одѣтые... и слышенъ
Оттуда гулъ колоколовъ... и тамо
Жизнь безпечальная, подобно райской!
А виденъ градъ всѣмъ жителямъ побрежнымъ,
Кругъ озера по утренней зарѣ,
Иль въ тихіе вечерніе часы, —
Но внити въ оный можетъ токмо тотъ,
Кто путь прейдетъ, ни на минуту Бога
Изъ мысли не теряя; бо сей путь,
„Батыева тропа“ рекомый, страхи
И чудищи различными стрегомъ!
Претерпишь хладъ и гладъ. Звѣрь нападетъ,
И зміи на тебя. Возстанетъ буря.
И бѣсы на тебя наскочутъ, съ песьей
Главою, съ огненными языками,
И эѳіопы черные, какъ уголь!
Ты все жь иди впередъ и богомысли!
И побѣдишь всѣ дьявольскіе страхи,
Ни хладъ тебя, ни гладъ не остановитъ,
Ни звѣрь, ни змій, ни сатанинскій таборъ
Нигдѣ тебѣ въ пути не воспретитъ —
Тебѣ врата отверзнутся во градѣ;
И выйдутъ старцы другъ за другомъ, съ пѣснью
Пріемлющи сподвижника и брата.

ГРИША.

О Господи Ісусе! (*Живо*).

Вотъ что, отче:—

Что хочешь я исполню! все, что хочешь!

А покажи хоть тѣнь святаго града!..

Какъ древніе ходили человѣки...

И звонъ-то, звонъ колоколовъ послушáть...

СТРАННИКЪ.

А звонъ у нихъ серебряный и чистый,

И словно какъ не колоколъ гудитъ,

А ровно что небесная лазурь

Сама звенитъ.

ГРИША (*въ умиленьи*).

Хрустальное-то небо!

СТРАННИКЪ.

Сіе все вамъ, въ міру живущимъ, чудно,

Бо въ тьмѣ пребысте, а чудесъ не мало

Есть на Руси. Градъ Китежъ не одинъ.

Есть церкви, перешедшія въ пустыню

Изъ людныхъ мѣстъ, съ попами и съ народомъ.

Съ Суры рѣки изъ града Василя

Шелъ крестный ходъ въ Перепловеньевъ день.

И люди тѣ такъ Богу угодили,
Что церковь вдругъ пóшла предъ крестнымъ ходомъ,
И крестный ходъ за ней! за ней!.. и горы
Равнялися, и разступались рѣки, —
Все шелъ народъ съ хоругвями и пѣньемъ,
Доколѣ въ Керженскихъ пустыняхъ церковь
Не стала, и взошли въ нее всѣ люди,
И до сихъ дней стоятъ въ ней и пребудутъ
До страшнаго пришествія Христова,
Святой канонъ пасхальный воспѣвая.
Повѣдаю о семъ я благовѣстье
Тебѣ за то, что возлюбилъ тебя,
И что твою неопытность жалѣю;
Богъ дастъ найдешь кого изъ добрыхъ старцевъ
И подъ его началомъ укрѣпишься:
Бо добрая еси ты почва; сѣмя
Не на песокъ онъ кинетъ, не на камень;
Прозябнетъ и, быть можетъ, плодъ подастъ,
И вкусишь ты отъ благодати...

(*Со вздохомъ*).

Я же
Еще свершу здѣсь нѣкакій обѣтъ
И удалюсь безмолвствовать въ пустыню.
Прощай пока.

ГРИША (*упадая на колѣни*).

Я, отче, не отстану—
Возьми меня.

СТРАННИКЪ.

Нѣтъ, миленькій, оставь!

ГРИША.

Не погуби! возьми! возьми съ собой!
Ужь говорю, все сотворю. На смерть
Пойду! На муки! Ни единой мыслью
Не усумнюсь! Всѣмъ существомъ твой буду!
Возьми!.. Имѣю рвенье, отче... только
Возьми меня!

СТРАННИКЪ (*въ сторону*).

Ну, вотъ, вѣдь: самъ толкаетъ!
Самъ лѣзетъ!.. Аль ужь съ нимъ пойдти... Какъ знать?
Мнѣ, окаянному, Господь, быть-можетъ,
Въ семъ отрокѣ спасенье посылаетъ...

ГРИША (*встаетъ и живо*).

Пѣть повелишь мнѣ пѣсню и плясать?

(*Подпираетъ руки въ боки. Слышно какъ проѣзжаетъ телѣга съ колокольчикомъ и пѣснями*).

СТРАННИКЪ (*вскакивая*).

Гуляютъ...

ГРИША.

Повелишь?

(Другая тройка; женскій голосъ слышенъ прочихъ).

СТРАННИКЪ *(въ сторону).*

Съ Отпётымъ катитъ!...

Ишь залилась! чтобы ей пусто было!

(Къ Гришѣ, сурово).

Ну, что ты вздумалъ пѣть... вонъ тѣ орутъ...

А намъ съ тобой не это надо...

ГРИША.

Что же?

Что повелишь — все сдѣлаю.

СТРАННИКЪ *(рѣшительно).*

А вотъ что:

Взаправду ли готовъ ты всяко бить

Антихриста: еретики бо суть!..

ГРИША *(горячо).*

Еретика убить вѣдь можно?

СТРАННИКЪ.

Нѣтъ ужь,

Что убивать! а если убивать —

Хозяйку-то убей ты сундукомъ...

Тотъ, съ деньгами, подымешь ли?

ГРИША.

Могу.

СТРАННИКЪ.

Ну, такъ поди, неси его сюда!

Затопимъ печь и запалимъ! иди!

(*Толкаетъ его въ двери. Гриша уходитъ*).

СТРАННИКЪ.

Вотъ я жь вамъ дамъ ломаться надо мною!

Блудница вавилонская! да стерли бъ

Ей черти черныя-то брови! Змѣи бъ

Ей высосали ясны очи!

(*Затапливаетъ печь, кидаетъ дровъ и соломы передъ печью; надѣваетъ суму, шапку-треухъ, охабень. Начиная собирать книги останавливается передъ ними*).

А грѣхъ-то сдѣланъ...

(*Энергически*).

Ну, въ послѣдній разъ!

(*Выходя на авансцену*).

Все замолю! все замолю! Зарокъ

Даю! Ты благъ, Господь! Ты милосердъ!

Разбойнику, блудницѣ Ты простилъ...

Изыдутъ у меня слезами очи!

Къ ногамъ Твоимъ паду — и ужь не встану —

Доколѣ не простишь! Спасу и мальца...

Надѣну власяницу. Плоть растлилъ —

Ожесточу!..

ГРИША (*приноситъ сундукъ, блѣдный, дрожащій*).

Вотъ, отче.

СТРАННИКЪ.

Ладно, ладно.

(*Кладетъ ему руку на плечо*).

Какъ только нѣчто справимъ здѣсь—въ пустыню!

Теперь постой же.

(*Достаетъ изъ кармана связку отмычекъ и отпираетъ сундукъ*).

ГРИША.

Ровно какъ въ туманѣ!

СТРАННИКЪ (*выбирая бумаги*).

Тутъ векселя... бумаги именныя —

Въ огонь, въ огонь!.. а это взять покамѣсть.

(*Суетъ въ сумку пачки денегъ*).

Ну, зажигай!

(*Зажигаетъ солому*).

Да надѣвай шубенку!

Чего стоишь, Григорій!.. Заруби же.

Что бъ ты ни увидалъ теперь — не блазнись!

Наутріе въ пустыню! ну, скорѣе!

(*Толкаетъ его передъ собой. Уходятъ. Пожаръ разгорается*).

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

Гл. IV—IX.

Изъ Апокалипсиса.

(Гл. IV).

Видѣнье было мнѣ: внезапно небо
Разверзлося и гласъ трубѣ подобный,
Подобный шуму многихъ водъ падущихъ
Мнѣ рекъ: взойди сюда и виждь что будетъ.
И я узрѣлъ — престолъ. На немъ Сѣдящій
Сіялъ какъ аспидъ-камень или сардисъ.
И радугой смарагдовой престолъ
Былъ окруженъ и двадесять четыре
Вокругъ него другихъ престола было,
И двадесять четыре возсѣдало
На оныхъ старца, въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
И со златыми на главахъ вѣнцами.
И отъ престола исходили громы
И молніи, и гласы, и горѣли
Семь огненныхъ свѣтильниковъ предъ нимъ.

И предъ престоломъ было словно море
Стеклянное, и вкругъ него четыре
Животныхъ, испещренныя очами.
И первое—подобно было льву;
Тельцу—другое; третье же имѣло
Ликъ человѣческій, а остальное—
Летящаго орла имѣло видъ.
И по шести они имѣли крылъ,
И день и ночь взывали: „святъ, святъ, святъ
Господь Богъ Вседержитель нынѣ, присно
И во вѣки вѣковъ“. Когда-жь взывали —
Съ своихъ престоловъ поднимались старцы,
И покланялися, и полагали
Свои вѣнцы передъ большимъ престоломъ,
И говорили: „Ты еси достоинъ,
Господь, пріяти славу, честь и силу,
Бо сотворилъ ты все и все содержишь,
И волею Твоей все существуетъ.“

V.

И видѣлъ я: Сѣдящій держитъ книгу,
И книга та исписана снаружи
И извнутри. И семь на ней печатей.
И громкимъ гласомъ ангелъ вопросилъ:

„Кто оную открыть достоинъ книгу,
И сняти съ оной седмь ея печатей?“
И никого достойныхъ не явилось
Ни на землѣ, ни на̀ небѣ, и плакалъ
Я, что достойныхъ нѣтъ ее открыть.
Тогда одинъ изъ старцевъ мнѣ сказалъ:
„Не плачь: се левъ, исшедшій изъ колѣна
Іудина и корени Давида,
Что́ побѣдилъ, — Онъ разогнути книгу
И сняти седмь ея печатей можетъ“.
И я взглянулъ, — и видѣлъ: межь престола
И четырехъ животныхъ и средь старцевъ
Стоитъ какъ бы закланный агнецъ, седмь
Роговъ и седмь имѣющій очесъ.
Онъ, подошедъ, взялъ книгу изъ десницы
Сѣдящаго,—и пали передъ агнцемъ
Животныя и старцы, каждый гусли
Держащіе и золотыя чаши,
Изъ коихъ ѳиміамъ курился (а то были
Святыхъ мольбы). И новую они
Воспѣли пѣснь: „достоинъ взять Ты книгу
И снять съ нея печати: былъ закла̀нъ
И искупилъ своей насъ кровью, всѣхъ,
Изъ всякаго колѣна и народа,
И племени, и языка, и стали

Мы Господу іереи и цари,
И на землѣ Тобою воцаримся".
И видѣлъ я, и слышалъ голосъ многихъ
Окрестъ престола ангеловъ, животныхъ
И старцевъ (ихъ число же бысть тьмы темъ),
И возглашали всѣ: „достоинъ агнецъ
Закланный честь пріять, премудрость, силу,
Богатство, славу и благословенье!"
И всякое созданіе на небѣ
И на землѣ, и подъ землей, и въ морѣ,
Вся сущая въ нихъ говорили: „слава
И честь, и крѣпость, и благословенье
Отъ всѣхъ Тебѣ, Сѣдящій на престолѣ,
И Агнцу нынѣ, присно и во вѣки"!
И изрекли животныя: „аминь",
И двадесять четыре старца пали
И поклонились Сущему во вѣки.

VI.

И видѣлъ я, что первую печать
Снялъ Агнецъ, — и одно изъ четырехъ
Животныхъ мнѣ сказало громкимъ гласомъ:
„Иди и виждь". И видѣлъ я: конь бѣлъ.
На ономъ всадникъ держитъ лукъ, и данъ

Ему вѣнецъ, и шелъ какъ побѣдитель,
Чтобъ побѣждать.

Вторую снялъ печать Онъ:
Второе мнѣ животное сказало:
„Иди и виждь“! И видѣлъ я: конь рыжъ.
На ономъ всадникъ посланъ былъ чтобъ миръ
Съ земли унесть, — да убіютъ другъ друга.
И данъ ему большой былъ мечъ.

И третью
Онъ снялъ печать, и третье мнѣ сказало
Животное: „иди и виждь“. И — се:
Конь вороной. Держалъ мѣрило всадникъ.
И слышалъ я среди животныхъ голосъ:
„Хеникъ * пшеницы за денарій. Три
Хеникса ячменя — денарій тоже.
Елея жь и вина не повреждай“.

Четвертую печать Онъ снялъ, и мнѣ
Четвертое животное сказало:
„Иди и виждь“. И я взглянулъ: конь блѣденъ.
На ономъ всадникъ — Смерть. И цѣлый адъ

---

* Мѣра.

За нею шелъ. Ей власть была дана
Надъ четвертью земли, чтобъ умерщвлять
Людей мечемъ, и голодомъ, и моромъ,
И всякими звѣрьми земными.

Снялъ
Онъ пятую печать, и я увидѣлъ
Подъ алтаремъ за слово Божье души
Побитыхъ, возопившія: „Доколѣ,
Святый Владыко Истинный, не судишь
За нашу кровь живущихъ на землѣ!“
И бѣлыя даны имъ были ризы,
И сказано, да почіютъ, покуда
Сотрудники и братья ихъ не примутъ
Такую-жь смерть, и тѣмъ число пополнятъ.

Шестую снялъ печать Онъ, и я видѣлъ:
Восколебалася земля. И солнце
Что вретище, потускло. И луна
Кровавой стала. Звѣзды съ небеси
Посыпались, какъ сорванные вѣтромъ
Незрѣлые плоды со смоковницы,
И небо скрылось, свившися, какъ свитокъ,
Съ великимъ шумомъ. Всякая гора
И островъ сдинулися съ мѣстъ своихъ,

И всѣ цари земные и вельможи,
Богатые и бѣдные, рабы
И вольные—укрылися въ пещеры,
И слезно говорятъ горамъ и камнямъ:
„Разсыптеся на насъ, вы, горы! Скройте
Насъ отъ лица Сѣдящаго на тронѣ
И гнѣва Агнца! Се грядетъ день страшный,
День гнѣва и суда! Кто устоитъ!“

VII.

И четырехъ я ангеловъ узрѣлъ
На четырехъ концахъ земли стоящихъ,
И держащихъ земныхъ четыре вѣтра,
И власть имѣвшихъ оными вѣтрами
Морскую хлябь и сушу истязать.
И пятый ангелъ отъ страны восточной
Восшелъ и кликнулъ имъ: „Не повреждайте
Ни древъ, ни травъ, ни моря, ни земли,
Доколь мы на чело рабовъ Господнихъ
Печати не положимъ!..“ И число
Запечатлѣнныхъ слышалъ я: сто сорокъ
Четыре тысячи отъ всѣхъ колѣнъ
Израиля; и сверхъ того, несчетно
Людей изъ всѣхъ племенъ земныхъ стояло

Передъ престоломъ и предъ Агнцемъ, въ бѣлыхъ
Одеждахъ, съ вѣтвями отъ пальмъ въ рукахъ.
И восклицали всѣ: Хвала Тебѣ,
Сѣдящій на престолѣ! Слава Агнцу,
Бо чрезъ Него имѣемъ мы спасенье!“
И ангелы, которые стояли
Вокругъ престола, старцевъ и животныхъ,
На лица пали, поклонясь престолу
Господнему, и изрекли: „аминь!
Благословеніе, и честь, и слава,
Благодаренье, сила и премудрость,
И крѣпость Богу нашему во вѣки“.
И обратясь ко мнѣ единъ изъ старцевъ
Спросилъ: „Кто эти въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
Откуда изошли?“ Я отвѣчалъ:
„Тебѣ знать, господине!“ И сказалъ онъ:
„Сіи пришли черезъ велики скорби;
И одѣянія свои омыли
И убѣлили честной кровью агнца;
Чрезъ то стоятъ передъ престоломъ Божьимъ;
И служатъ день и ночь Ему во храмѣ;
И Онъ Собой ихъ какъ шатромъ покроетъ;
И ужь они не взалчутъ и не взжаждутъ;
Не попалитъ ужь ихъ ни зной ни солнце;
Бо Агнецъ ихъ пасти бездремно будетъ,

И на источникъ водъ живыхъ водить,
И всякую слезу сотретъ съ очей ихъ".

VIII.

Седьмую Агнецъ разломилъ печать —
И сдѣлалось безмолвіе на небѣ
Какъ бы на полчаса. И видѣлъ я:
Семь ангеловъ стоятъ передъ престоломъ,
И имъ дано семь трубъ. И кромѣ ихъ,
У алтаря еще, съ златымъ кадиломъ,
Былъ ангелъ. Ономy данъ ѳиміамъ,
Чтобы его съ молитвами святыхъ
Онъ возложилъ на жертвенникъ Господень.
И дымъ восшелъ отъ жертвенника къ Богу.
Онъ взялъ потомъ кадило, и наполнилъ
Огнемъ отъ алтаря, и опрокинулъ —
И въ воздухѣ раздались гласы, громы,
И молніи взвились, и потряслась
Отъ нихъ земля; семь ангеловъ же, трубы
Поднявши, приготовились трубить.

И первый ангелъ вострубилъ — и долу
Палъ градъ и пламя, смѣшанные съ кровью—
И третья часть земли и древъ отъ нихъ,
И вся трава зеленая — сгорѣли.

И вострубилъ второй: какъ бы гора
Огнемъ горящая низверглась въ море —
И моря третья часть вдругъ стала кровью,
И третья часть созданій въ немъ живущихъ,
И третья часть судовъ на немъ—погибли.

И третій ангелъ вострубилъ — и пала
Звѣзда, свѣчѣ подобная, на землю,
На третью часть источниковъ и рѣкъ —
„Полынь“ звѣздѣ сей имя, и полынью
Ихъ воды потекли, и умирали
Всѣ пившіе отъ сихъ прогорьклыхъ водъ.

И вострубилъ потомъ четвертый ангелъ:
И третья часть луны, и звѣздъ, и солнца
Затмилась, и отъ дня и ночи свѣту
Убавилось на треть. И видѣлъ я:
По небу ангелъ полетѣлъ, взывая
Къ землѣ: „о горе, горе, горе всѣмъ
Отъ остальныхъ трехъ трубныхъ голосовъ
Трехъ ангеловъ имѣющихъ трубить“.

IX.

И пятый вострубилъ. И видѣлъ я:
Упала съ неба на землю звѣзда.

Ей данъ былъ ключъ, чтобъ кладезь бездны вскрыть,—
И вскрылся кладезь бездны, и исшелъ
Изъ оной дымъ какъ изъ печи, и солнце
И небеса отъ онаго потускли.
И выпала съ тѣмъ дымомъ саранча,
И сказано ей было — не вредить
Ни травъ, ни древъ, ни злаковъ, — но людей,
Печатью Бога не запечатлѣнныхъ,
Язвить и жалить, аки скорпіоны,
И мучить ихъ пять мѣсяцевъ, но токмо
Не убивать. И взжаждутъ смерти люди,
Пойдутъ искать ея — и не найдутъ...
Тажь саранча подобна съ виду конямъ
На битву снаряженнымъ. Голова
Какъ бы съ златымъ вѣнцомъ. Лицо жь ея —
Какъ человѣческія лица. Зубы —
Подобны львинымъ. Косы какъ у женщинъ.
На тѣлѣ словно какъ стальныя брони,
А шумъ отъ крылъ какъ стукъ отъ колесницъ
На брань везомыхъ множествомъ коней;
Хвосты же, какъ у скорпіоновъ, съ жаломъ.
И, яко царь, ее велъ ангелъ бездны,
Зовомый, по-еврейски, Аввадонъ,
По-гречески-жь, Аполліонъ (губитель).

Се первое минуло горе. Вслѣдъ
За нимъ грядутъ еще два новыхъ, горшихъ.

Шестой Господень ангелъ вострубилъ.
И я услышалъ громкій гласъ изъ рога,
Единаго изъ четырехъ роговъ,
Которыми снабженъ алтарь былъ Божій.
Онъ ангелу трубившему изрекъ:
„Четыре ангела стоятъ и ждутъ,
Окованные, при рѣкѣ Евфратѣ:
Сними съ нихъ узы“. И разбилъ онъ узы.
И — ждавшіе сего часа, и дня,
И мѣсяца, и года, — устремились
Четыре ангела, чтобъ третью часть
Людей убить. И было двѣ тьмы темъ, —
Сіе число я слышалъ, — съ ними войска.
То были всадники въ горящихъ броняхъ,
Имѣвшихъ цвѣтъ огня, и гіацинта,
И сѣры. Кони-жь съ львиной головой.
Изъ пасти ихъ огонь, и дымъ, и сѣра
Клубами исходили, а хвосты
Кончались змѣями, — и гибли люди
Отъ змѣй и дыма, пламени и сѣры, —
И треть изъ нихъ симъ образомъ погибли.

Которые жь остались, и зрѣли
Сіи бичи, — пребыли яко слѣпы;
И не покаялись въ дѣлахъ своихъ;
И кланялись, попрежнему, бѣсамъ
Серебрянымъ, и золотымъ, и мѣднымъ,
И каменнымъ, и всякимъ истуканамъ,
Руками сотвореннымъ, не могущимъ
Ни видѣти, ни слышать, ни ходить;
И не покаялись въ своихъ убійствахъ,
Ни въ блудѣ, ни въ татьбѣ, ни въ волхвованьѣ.

X.

И се, нисшелъ еще отъ неба ангелъ...
Какъ облако его клубились ризы;
Надъ головою радуга блистала;
Лицо-жь, что̀ солнце, у него, а ноги,
Какъ огненные два столба, горѣли;
Въ рукѣ держалъ развернутую книгу;
И правою ногой ступилъ на море,
А лѣвою на землю, и воскликнулъ
Онъ грознымъ гласомъ, какъ рыкаетъ левъ.
Когда-жь воскликнулъ, семь громовъ тогда
По всей вселенной подали свой голосъ.
Когда же громы подали свой голосъ,
Хотѣлъ писать я, но услышалъ съ неба

Гласъ говорившій: „скрой и не пиши
„Того, что седмь громовъ проговорили“.
И ангелъ — тотъ, котораго я видѣлъ
Стоящимъ на морѣ и на землѣ,
Воздвигъ десницу на́ небо, и клялся
Сотворшимъ небо и что̀ въ немъ, и землю
И что̀ на ней, и море и что́ въ немъ, —
Что времени отсель уже не будетъ...

БАЛЬДУРЪ.

Бальдуръ.

Пѣснь о солнцѣ, по сказаніямъ Скандинавской Эдды.

I.

Ночь и буря снѣжная въ пустынѣ,
Вьюги ревъ неистовый и хохотъ...
Лишь на мигъ проглянетъ блѣдный мѣсяцъ,
И освѣтитъ мутнымъ свѣтомъ камни,
Между камней вѣковыя ели,
И мелькнетъ, какъ тѣнь, на горномъ гребнѣ
Темный образъ всадника... То Конунгъ,
На пути застигнутъ бурей, ѣдетъ.
Вѣтеръ треплетъ волосы сѣдые,
Рветъ съ могучихъ плечъ медвѣжью шубу:
Конунгъ бури яростной не слышитъ.
Добрый конь идетъ не оступаясь
По корнямъ древеснымъ и по камнямъ;
Для него привыченъ путь пустынный:
Тамъ въ горахъ живетъ маститый старецъ,

А къ нему не только люди, — боги,
Въ видѣ смертныхъ странствуя по свѣту,
На совѣтъ заходятъ и бесѣду.

Мрачны своды въ темномъ подземельѣ.
По изломамъ ихъ идетъ далеко
Съ очага колеблющійся отблескъ.
Вѣщій старецъ и великій Конунгъ
У огня сидятъ въ глубокой думѣ.
Тѣнь отъ нихъ едва дрожитъ на сводахъ.

Сынъ погибъ у Конунга — послѣдній
Изъ троихъ, и съ нимъ погасъ могучій
Гальфовъ родъ, изшедшій отъ Одина.
Девять дней среди пустыхъ чертоговъ
Взаперти сидѣлъ великій Конунгъ.
Наконецъ коня спросилъ и молча
Въ горы къ старцу вѣщему поѣхалъ;
Издали за нимъ слѣдили слуги;

Пышетъ пламя все свѣтлѣй и выше,
Но сидитъ, потупивъ очи, Конунгъ:
И теперь, и дома, и какъ ѣхалъ,
У него повсюду, неотступно,
Атли трупъ безмолвный предъ очами.

Вдругъ возникъ — какъ бы сходящій съ неба —
Лучъ предъ нимъ и тихо проплываетъ,
А въ лучѣ рядъ Конунговъ брадатыхъ.
На верху, далеко—нѣкто свѣтлый.
Ниже—лица Конунгу знакомы:
Прадѣдъ, дѣдъ, отецъ; послѣдній—самъ онъ,
И за нимъ ужь лучъ какъ-бы обрѣзанъ.
Сдвинулись его густыя брови...
Но видѣнье проплыло и скрылось;
Понемногу снова предъ глазами
Атли трупъ безмолвный выступаетъ...

Вотъ изъ тьмы опять выходитъ словно
Поле битвы. Вѣтеръ гонитъ тучи.
Между тучъ просвѣчиваетъ мѣсяцъ.
Дѣвы битвъ, Валкиріи, возводятъ
Падшихъ въ небо: Конунговъ межъ ними
Средній сынъ. Видѣніе сокрылось...
Тьма опять кругомъ; передъ очами
Снова трупъ безмолвный выступаетъ —
Но не Роббертъ, а все тотъ же Атли.

Вотъ изъ тьмы плыветъ блестящій городъ.
Корабли причаливаютъ съ моря.

Приступъ. Люди на стѣнахъ, самъ Конунгъ.
Вдругъ въ глазахъ его валится мертвый
Старшій сынъ... И все опять умчалось.
Снова тьма кругомъ; передъ очами
Трупъ опять безмолвный выступаетъ —
Но не Вилли, а все тотъ же Атли.

Бурный мысъ—скалистый дикій берегъ.
Сонмъ проклятыхъ душъ, — убійцъ и татей,
Бѣдняковъ озлобленныя души, —
Вылетаютъ вдругъ изъ-за ущелій,
Корабли разбрасываютъ, топятъ;
Вотъ самъ Конунгъ — держится за мачту...
Вдругъ волна. Корабль захлеснутъ. Конунгъ
Борется средь пѣнящейся бездны, —
А вверху, надъ нимъ простершій руки,
Необъятный, во все небо, образъ,
Но лица, какъ на тѣни, не видно...
Проплыло видѣніе и скрылось,
Выступаетъ снова тѣло Атли —
Но надъ нимъ остановился образъ
Необъятный, безъ лица и темный,
И схватить руками тѣло хочетъ...

Въ этотъ мигъ заговорилъ вдругъ Вѣщій:

„Боги — въ небѣ, въ мірѣ — человѣки,
Въ темномъ адѣ — яростная Гелла;
Надо всѣмъ — Судьба, лица которой
Не видалъ никто во всей вселенной.
Какъ слѣпцы, мы бродимъ въ этомъ мірѣ;
Жребій всѣмъ дается при рожденьи,
И его не только люди, боги
Измѣнить не властны".

Головою
Покачалъ, не отвѣчая, Конунгъ.

Ужь огонь на очагѣ слабѣетъ,
И горой лежитъ горячій уголь,
Словно дышетъ золото живое.
И еще длиннѣе и темнѣе
Отъ сидящихъ протянулись тѣни.

„Сынъ былъ у Одина Бальдуръ" — снова
Молвилъ вѣщій старецъ; „тщетно боги,
Тщетно вся вселенная стенала:
Жертву смерть не отдала; и боги
Сами ждутъ судьбы своей покорно".

Поднялъ Конунгъ противъ воли очи.

„Я тебѣ о Бальдурѣ, о Конунгъ,
Разскажу“. И — словно міровданья
Глубина предъ нимъ открылась — вѣщій
Устремилъ въ пространство взоръ и началъ:

II.

„Мракъ былъ въ мірѣ. Вдругъ орлы вскричали,
Съ горъ небесныхъ пролилися воды,
Грянулъ громъ, и свѣтъ въ пространство брызнулъ:
Народился Бальдуръ златокудрый!
Народился и помчался въ небѣ,
Сыпля стрѣлы въ недруговъ бѣгущихъ,
Юный, свѣтлый, въ панцырѣ и шлемѣ,
Въ колесницѣ съ бѣлыми конями.
Кликъ и пѣнье въ воздухѣ раздались,
Восклицали всѣ народы: Слава!
Восклицали боги въ небѣ: Слава!
Слава свѣту родшемуся, слава!
Слава родшимъ — Фриггѣ и Одину!

„Такъ потомъ — на Бальдуровой свадьбѣ
Вдохновитель пѣсень, свѣтлый Брагги,
Пѣлъ ему съ заздравнымъ кубкомъ славу.
Да! тогда божественный не думалъ,

Что прійдется скоро пѣснь иную
Спѣть ему на Бальдуровой тризнѣ...

„Ужь въ тотъ мигъ какъ онъ родился, Фригга
Слышитъ—воронъ ворону прокаркалъ:
„Чую, чую, народился Бальдуръ,
Радость въ небѣ, да и пиръ у Геллы".
У подножья міроваго дуба,
У ключа медвянаго, такъ Норны
Въ то же время предрекли Одину:
Вѣкъ недолгій Бальдуру назначенъ;
Онъ умретъ—все въ мірѣ пошатнется,
И настанетъ общее крушенье.
Вдругъ струя медвяная изсякнетъ,
Отъ которой съ каждою зарею
Боги пьютъ и почерпаютъ силу,
Блескъ и юность вѣчную, и крѣпость,
И они внезапно посѣдѣютъ,
А на древѣ жизни свянутъ листья.
Всѣ враги, которыхъ лишь сковавши,
Боги міръ создать могли, возстанутъ.
Лютый Змѣй, на дно морское, ими
Вкругъ земли поверженный въ оковахъ,
Встрепенется; пламенемъ и смрадомъ
Небеса наполнитъ, потрясая

И земли и неба твердь, а воды
Отъ его ударовъ расплеснутся,
И съ земли, окромѣ горъ, все смоютъ.
Волкъ Фенриръ, которому насилу
Увязали боги пасть — онъ путы
Разорветъ и челюсти раскроетъ,
А когда раскроетъ, то коснется
До земли одной, другой до неба —
А ужь онъ однимъ льдянымъ дыханьемъ
Убиваетъ все, что́ встрѣтитъ. Солнце
И луну проглотитъ онъ, и боги —
Кто пойдетъ съ нимъ въ бой, окаменѣетъ;
Свѣтлый Азградъ рушится, и смертный
Мракъ и хладъ вселенную постигнетъ.

„Вотъ что́ Норны мрачныя сказали
При рожденьи Бальдура Одину,
Отчего у міродержца разомъ
На челѣ тогда жь запечатлѣлись
Двѣ бразды, да такъ ужь и остались.
Всѣ съ тѣхъ поръ творенія и боги
Устремили къ Бальдуру лишь очи,
И когда задумчивый онъ выйдетъ
Иль совсѣмъ не явится на небо,—
По вселенной трепетъ и смятенье.

III.

„Но о смерти и не думалъ Бальдуръ;
Не давалъ мечу въ ножнахъ заржавѣть,
Сыпалъ щедро золотыя стрѣлы,
Избавляя страны и народы
Отъ чудовищъ, населявшихъ землю.
Неудачу только разъ онъ встрѣтилъ:

„Выѣзжалъ онъ міръ смотрѣть, и видитъ—
Чудные на сѣверѣ чертоги.
Къ золотымъ вратамъ подходитъ дѣва,
Подымаетъ руки, чтобъ щеколду
Отодвинуть, а отъ рукъ внезапно
Воздухъ, воды и весь міръ чудеснымъ
Озарились свѣтомъ, а на землю
Вдругъ цвѣты посыпались и жемчугъ.
Удержалъ коней невольно Бальдуръ.
На него черезъ плечо взглянувши,
Дѣва словно замерла. Вдругъ слышенъ
Точно звѣря ревъ: бѣжитъ косматый
Великанъ—и закричалъ, затопалъ,
Сталъ грозить на Бальдура, а дѣву
Въ мигъ жезломъ серебрянымъ ударилъ,

И она, какъ мертвая, упала.
На плечо ее косматый вскинулъ
И ушелъ съ ней въ горы, тамъ и скрылся;
Бальдуръ отыскать не могъ и слѣду,
Какъ ни бился. Наконецъ, ударилъ
По конямъ—и прискакалъ въ Валгаллу.
Пышетъ гнѣвомъ; шлемъ и панцырь сбросилъ,
Заперся въ свой теремъ, повторяя,
Что ему лишь умереть осталось.

„Всполошились боги и послали
Собирать со всей вселенной вѣсти.
И вернулись вѣстники, сказали:
Великанъ тотъ—чародѣй великій,
Побѣжденъ былъ нѣкогда Одиномъ
И ушелъ на сѣверъ; тамъ построилъ
Изо льдовъ дворецъ себѣ чудесный
И сидитъ тамъ, дожидаясь часа.
Дѣва — дочь его. Ей имя Нанна.
И жезломъ ее ударивъ, старый
Не убилъ, а въ сонъ повергъ глубокій,
И въ горахъ на самую крутую
Положилъ, ту гору вплоть до неба
Окруживъ живымъ огнемъ, какъ тыномъ.

„Другъ за другомъ полетѣли боги
И пытались проскочить сквозь пламя—
Но напрасно! Пламя такъ и воетъ!
То сробѣетъ конь, а то и всадникъ.
Слышитъ Бальдуръ: вдругъ поднялся съ ложа,
Панцырь, шлемъ, и — на коня! и только
Боги въ страхѣ видѣли, какъ пламя
Взволновалось и за нимъ закрылось.
Онъ прорвался.

„А прорвавшись, Бальдуръ
Видитъ — теремъ; входитъ — рядъ покоевъ.
Тишина глубокая. Изъ оконъ
Полосами падая, играетъ
На столбахъ хрустальныхъ красный отблескъ.
Вотъ въ послѣднемъ наконецъ покоѣ
Видитъ онъ: въ тяжелой бронѣ, въ шлемѣ,
Спитъ его красавица. Тихонько
Снялъ онъ шлемъ — разсыпалися кудри;
Распоролъ мечомъ ремни на бронѣ —
И открылась грудь дѣвичья; вскрикнулъ, —
Тихо очи спящая открыла...
И чрезъ мигъ ужь съ нею мчался Бальдуръ
И встрѣчали радостно ихъ боги.
Пиръ вѣнчальный закипѣлъ на славу:

Изъ Валгаллы раздавались громы,
Дождь златой блистая падалъ съ неба.
Молодая сыпала на землю
Полной горстью и цвѣты, и жемчугъ.

„Вотъ съ тѣхъ поръ и началось то время,
Что́ потомъ всѣ золотымъ назвали.
Всюду жертвы Бальдуру дымились,
Всюду пѣсни въ честь его гремѣли.
Боги стали даже прорицанье
Забывать — какъ вдругъ оно возстало
Въ полнотѣ ужасной передъ ними.

IV.

„Утромъ — разъ сошлись они на завтракъ —
Вдругъ вбѣгаетъ Нанна, и въ колѣни
Бросясь къ Фриггѣ, вся въ слезахъ, вскричала:
„Скоро Бальдуръ нашъ умретъ“. Вскочили
Боги съ мѣстъ, едва не расплеснувши
Медъ изъ чашъ своихъ. „Ему приснилось,
Говорила Нанна, — что въ глубокой
Онъ сидитъ темницѣ; рвется, рвется
И никакъ ужь вырваться не можетъ.
Хочетъ крикнуть — крику нѣтъ... и началъ

Задыхаться... и еще рванулся —
И глаза открылъ. Вскочилъ. На ложѣ
Весь въ поту сидитъ... Все это—къ смерти!“
Побѣжать хотѣла Фригга къ сыну,
Но Одинъ ей повелѣлъ остаться,
На боговъ кругомъ сурово глянулъ,
Сдѣлалъ знакъ невѣсткѣ и съ ней вмѣстѣ
Вышелъ въ спальню къ Бальдуру. Шептаться
Стали боги, знаками являя,
Что недобрый это сонъ. Вернулся
Царь Одинъ и сѣлъ на тронѣ, молча
И чело нахмуря. Фригга, Герда
На него взглянувши, испустили
Вопль такой пронзительный и сильный,
Что на полкахъ зазвенѣли чаши.
Вслѣдъ за ними — кто вопить и плакать,
Кто кричать, чтобы унять тревогу,
Кто молить — но ужь никто не слушалъ, —
Споръ и крикъ, какихъ и не бывало,
Поднялся въ обители блаженныхъ.

„Но между богами только Локки
Не упалъ одинъ, казалось, духомъ.
Братъ Одину—красотой съ нимъ сходный,
Гордо онъ держалъ себя съ богами,

Помнилъ всѣ ихъ промахи и радъ былъ
Иногда въ ихъ медъ влить каплю яду.
Вѣчно съ новой выдумкой, онъ часто
И вводилъ ихъ въ тяжкія напасти,
И спасалъ порой отъ бѣдъ великихъ.
Между тѣмъ какъ вкругъ его кричали,
Онъ, глазами упершися въ землю
И поднявши плечи, началъ — точно
Самъ съ собою—говорить; лишь послѣ,
Увидавъ, что начинаютъ слушать
И смолкать, къ нему тѣсняся, боги,
Постепенно возвышалъ свой голосъ
И съ обычнымъ говорилъ искусствомъ.
Онъ сказалъ, что, можетъ быть, напрасны
Всѣ тревоги. Не всегда правдивы
Сны бываютъ. Иногда напротивъ:
Страшный сонъ провозвѣщаетъ радость.
Прорицаньямъ тоже онъ не очень
Довѣряетъ: „Вѣщія тѣ жены
Ужь давно покоятся въ могилахъ,
А изъ словъ ихъ не сбылось доселѣ
Ничего. Да и откуда можетъ,
Въ самомъ дѣлѣ, быть для насъ опасность?
Тѣ враги, которыхъ мы когда-то
Заковали въ цѣпи, — тѣ не могутъ

Двинуться, пока живъ будетъ Бальдуръ;
Стало быть, бѣда прійдетъ отъ твари,
Иль отъ насъ, боговъ. Но боги—кто же
На себя подыметъ руки? Твари, —
А—отъ тварей взять бы можно клятву.
Чтобъ хранили, какъ зѣницу ока,
Дорогого Бальдура; не смѣли бъ
Повредить ему никакъ, ни ранить,
Ни язвить, ни напускать болѣзни.
Отъ огня, воды, отъ рудъ и камней,
Отъ ехиднъ и змѣевъ, зелій, ядовъ,
Отъ деревъ и травъ, отъ всѣхъ взять клятву,
И дадутъ всѣ, рады будутъ. Бальдуръ
Всѣмъ имъ милъ. Тогда чего жь бояться?

„Осторожны боги были съ Локки,
Но при этой рѣчи видя ясно,
Что коварства нѣтъ въ ней никакого,
Стали духомъ веселѣть. И въ правду,
Разсудить нельзя бъ, казалась, лучше!
Локки самъ доволенъ былъ; высоко
Тотчасъ поднялъ голову; а боги
Повторяли дружно: „ай да Локки!“
И рѣшили тотчасъ же исполнить,

Что сказалъ онъ, и самой же Фриггѣ
Въ міръ пуститься за всеобщей клятвой.

„Фригга, вздѣвъ пернатую сорочку,
Обернулась лебедью и тотчасъ
Въ міръ стрѣлой помчалась изъ Валгаллы.

V.

„Но Одинъ, отецъ и мироздатель,
Изъ собранья, съ золотаго трона,
Поднялся, не просвѣтлѣвши ликомъ.
Осѣдлалъ коня онъ и поѣхалъ
Въ темный адъ. Тамъ, близъ чертоговъ Геллы,
Былъ курганъ изъ дикихъ камней сложенъ;
Подъ курганомъ тѣмъ была могила,
А въ могилѣ этой схоронили
Валу, ту изъ вѣщихъ женъ, что много
Мудростью и даромъ прорицанья
Помогла Одину въ оно время.
Съ ней теперь онъ пожелалъ бесѣды
И изъ тьмы ее рѣшился вызвать.

„Загремѣло и загрохотало
Вдругъ по темнымъ адскимъ подземельямъ,

Какъ влетѣлъ въ него огнедышащій
И скакалъ по камнямъ конь Одиновъ.
Адскій песъ съ разинутою пастью,
Грудь и шея облитыя кровью,
Ринулся схватить его за горло —
Но тотчасъ-же сшибленный копытомъ,
Съ громкимъ визгомъ покатился наземь.
У могилы богъ остановился
И, съ коня спрыгнувъ, не медля началъ
Вызывать покойницу изъ гроба:
Спѣлъ сперва, какую надо, пѣсню
И сказалъ слова; потомъ ударилъ
По землѣ жезломъ, на сѣверъ глядя,
И трикраты громко кликнувъ: „Вала!“
Повелѣлъ возстать ей изъ могилы.

Изъ могилы поднялася Вала.

И о томъ, что ими говорилось,
Такъ въ старинныхъ сказываютъ пѣсняхъ:

ВАЛА.

„Кто дерзнулъ мой вѣчный сонъ нарушить?
„Много лѣтъ въ землѣ сырой лежу я.
„Надо мною бушевали вьюги,

„Дождь мочилъ, роса меня кропила.
„Я мертва была. Кто ты? Что надо?

Кто онъ — скрыть хотѣлося Одину,
Онъ назвался смертнымъ человѣкомъ:

ОДИНЪ.

„Смертный я — и странствую по свѣту.
„Я—свѣтъ бѣлый, ты—міръ темный знаешь.
„Для кого жь, о вѣщая изъ вѣщихъ,
„Разскажи, у васъ въ подземномъ царствѣ,
„И скамью, и ложе золотое,
„Кольцами украшенныя, ставятъ?

ВАЛА.

„Въ чашѣ медъ кипитъ, щитомъ покрытый,—
„Бальдуръ будетъ пить. Скамья и ложе
„Для него жь. Но прекрати распросы,
„Страшныя ты спрашиваешь тайны.
„По неволѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

„Погоди, скажи еще мнѣ, Вала!
„Знать еще хочу я: кто изъ смертныхъ,
„Кто лишитъ наслѣдника Одина?
„Отъ кого погибнетъ свѣтлый Бальдуръ?

ВАЛА.

„Годръ слѣпой—не смертный. Онъ откроетъ
„Къ адской Геллѣ Свѣтлому дорогу.
„Страшныя ты спрашиваешь тайны.
„По неволѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

„Погоди, скажи еще мнѣ, Вала,
„Я желаю знать: не отомщеннымъ
„Бальдуръ быть не можетъ. Мстить кто будетъ?

ВАЛА.

„У Одина будетъ сынъ отъ Ринды.
„Онъ волосъ чесать, мыть рукъ не будетъ,
„Не отмстивъ виновному. Довольно.
„По неволѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

„Погоди, еще скажи мнѣ, Вала!
„Я еще желаю знать: какъ имя
„Той жены, что не захочетъ плакать,
„Какъ по Бальдурѣ всѣ плакать будутъ,
„И покрова съ головы не сниметъ?
„Прежде чѣмъ заснуть опять—скажи мнѣ.

ВАЛА.

„Ты все знаешь самъ, давно я вижу.
„Но желалъ бы лучше ошибиться,
„Чѣмъ все знать. Одинъ, отецъ, вселенной!
„Удались — и можешь похвалиться
„Что меня не вызоветъ изъ мрака
„Съ сей поры уже никто, — до часа
„Какъ прійдетъ всемірное крушенье“.

И въ могилу опустилась Вала.
Ускакалъ Одинъ еще мрачнѣе.
Такъ въ старинныхъ говорится пѣсняхъ.

VI.

„Фрига, взявъ отъ всѣхъ твореній клятву,
Чтобъ не ранить Бальдура ни въ сердце,
Ни въ сырую кость, ни въ ясны очи,
Ни во все живое бѣло тѣло,
Чтобъ хранить его отъ всякой боли,
Всякой скорби, всяческой напасти,
Воротилась въ Азградъ, и всѣ боги
Были рады, высыпали на́ лугъ —
Съ Бальдуромъ играть и забавляться.

Всѣ кругомъ красавца оступили,
И давай метать въ него, кто стрѣлы,
Кто каменья; съ копьями, съ мечами
Нападали на него съ разбѣгу;
Но каменья, стрѣлы мчались мимо,
Копья и мечи по немъ скользили,
И стоялъ въ кругу неуязвимый
И еще свѣтлѣй чѣмъ прежде Бальдуръ.
Боги шумно радовались, глядя;
У богинь вокругъ счастливой Фригги,
Издали слѣдившей за игрою,
Былъ и смѣхъ, и говоръ; только Нанна
Не могла смѣяться и сидѣла,
Точно лань пугливая, тревожно
Провожая взоромъ каждый камень
И стрѣлу, что въ Бальдура летѣли.
Отовсюду восхваленья Локки
Раздавались у боговъ; но Локки,
Одержимъ какой-то новой мыслью,
Устремилъ орлиный взглядъ на Фриггу;
Улучивъ минуту, вдругъ онъ принялъ
Образъ старой Фриггиной служанки
И подсѣлъ къ ней, межь богинь пробравшись.
„Отчего, владычица, спросилъ онъ,
„Отчего такъ разыгрались боги?“

Улыбаясь отвѣчала Фригга:
„Тѣшитъ ихъ, что нашъ красавецъ Бальдуръ
„Сталъ теперь неуязвимъ ни стрѣламъ,
„Ни каменьямъ, ничему на свѣтѣ.
„Я взяла со всѣхъ твореній клятву,
„Что вредить ему никто не будетъ“
— „Да отъ всѣхъ ли отбрала ты клятву,
„И кого, смотри, не позабыла ль?“
— „Всѣ клялися! — отвѣчала Фригга,
„Развѣ только у воротъ Валгаллы
„Мелкій есть кустарникъ — можжевельникъ,
„Ну, да онъ такъ малъ и такъ незначущъ,—
„Чѣмъ, кому онъ можетъ быть опасенъ?
„Что съ него, я думала, брать клятву!
„А то всѣ—и дубъ, и кедръ клялися!“

Локки тотчасъ изъ воротъ Валгаллы;
Можжевельникъ срѣзалъ, сдѣлалъ стрѣлку,
И—назадъ. Стоялъ вдали отъ прочихъ
Годръ, и не игралъ съ богами: слѣпъ былъ.
—„Что жь ты, крикнулъ Локки,—не стрѣляешь?“
—„Я увы! и Бальдура не вижу,“
Отвѣчалъ слѣпой со вздохомъ,— „гдѣ мнѣ!“
Локки жь: „Эхъ, на радости попробуй,
„Только такъ, хоть для одной потѣхи!

„Вотъ стрѣла и лукъ, и вонъ гдѣ Бальдуръ,
„Становись, а я стрѣлу направлю".
Боги, видя Годра тоже съ лукомъ,
Вкругъ него столпилися, смѣяся.
Бальдуръ самъ слѣпому улыбался
И къ нему оборотился грудью.
Локки Годру помогалъ прицѣлить;
И взвилась стрѣла и полетѣла —
Прямо въ сердце Бальдуру: шатнулся
И на землю палъ онъ мертвый. Нанна
Въ то жь мгновенье бросилася къ мужу,
И со страшнымъ, но короткимъ крикомъ,
Замертво упала на супруга.
Прибѣжали боги, смотрятъ, кличутъ,
Трогаютъ то Бальдура, то Нанну, —
Оба мертвы!.. Сами словно въ камни
Обратились, и стоятъ — не въ силахъ
Молвить слова, блѣдными зрачками
Упершись другъ другу, очи въ очи.
Годръ—убійца—онъ за слѣпотою
Не видалъ, не понималъ, что сдѣлалъ,
И стоялъ вдали отъ всѣхъ. Какъ только
Первый ужасъ отошелъ, рыданьемъ
Неудержнымъ разразились боги.
Самъ отецъ Одинъ, хоть зналъ, что̀ будетъ,

Но когда свершилось, омрачился
Пущей скорбью, лучше всѣхъ провидя,
Сколько зла отъ Бальдуровой смерти
И богамъ, и людямъ приключится.
Фригга — та не вѣрила, что Бальдуръ
Навсегда отъ нихъ сокрылся: Гелла
Возвратить его не сомнѣвалась,
Въ новомъ видѣ и еще прекраснѣй,—
И къ богамъ не медля обратилась:
„Кто нибудь скорѣй ступайте къ Геллѣ,
„И какой угодно будетъ выкупъ,
„Я, скажите, дамъ ей; только бъ тотчасъ
„Отпустила Бальдура на небо".

Сынъ Одиновъ, Гермодъ быстроногій
Побѣжалъ на вызовъ и въ минуту
На конѣ отцовскомъ въ адъ ужь мчался.

VII.

„Боги жь тѣло Бальдурово взяли
И снесли на берегъ синя-моря.
Срубленъ былъ корабль и въ море сдвинутъ,
И на немъ костеръ устроенъ. Тѣло
На костеръ возложено. И Нанну

Тоже подлѣ мужа положили.
Привели коня покойникова, тоже
На костеръ возвесть, и всѣ при этомъ
Залилися новыми слезами.
Сто рабовъ и сто рабынь убитыхъ
На костеръ уложено; оружье
И монеты, кольца, все какъ должно;
Домочадцы, слуги и служанки
Пѣли пѣсни жалостныя, слезно
Причитали. Наконецъ, когда ужь
Все готово было, громовержецъ
Торъ свой молотъ всеразящій бросилъ —
Грянулъ громъ и молнія сверкнула,
И костеръ мгновенно объялъ пламень,
И корабль, пылая, поплылъ въ море.
Въ слѣдъ за нимъ по воздуху громадный
Потянулся похоронный поѣздъ.

„Похоронъ такихъ ужь не бывало
Ни потомъ, ни прежде и не будетъ!
Всѣ на нихъ присутствовали боги.
Былъ Одинъ на колесницѣ съ Фриггой:
Впереди—орелъ, простерши крылья;
За орломъ неслися съ воемъ волки;
Надъ главою вороны кружились,

А вокругъ блестящей колесницы,
На воздушныхъ коняхъ, въ свѣтлыхъ латахъ,
Дѣвы битвъ, Валкиріи; за ними,
Тоже всѣ въ блистающихъ доспѣхахъ,
Безконечнымъ полчищемъ герои,
Съ поля битвъ восшедшіе на небо.
Въ колесницѣ тоже, запряженной
Кабаномъ, красавецъ Фрейръ и Герда;
На козлахъ золоторогихъ, дальше,
Ѣхалъ Торъ, на плечи вскинувъ молотъ;
Тамъ — другіе боги и богини,
На оленяхъ, лебедяхъ и рысяхъ;
А за ними карлы, великаны,
Духи въ видѣ чудищъ и драконовъ—
Безъ конца тянулся пышный поѣздъ!

„Изъ боговъ тамъ не былъ только Локки.
Онъ—когда свалился Бальдуръ мертвый,
Испугался больше всѣхъ: руками
Ухватившись за голову, мигомъ
Убѣжалъ изъ Азграда. По правдѣ
И не думалъ онъ, что все такъ выйдетъ,
И когда его хватились боги,
Онъ, дрожа, сидѣлъ ужь въ самыхъ темныхъ,
Въ самыхъ страшныхъ пропастяхъ подземныхъ.

VIII.

„Гермодъ въ адъ спускался девять сутокъ
По глубокимъ рытвинамъ, во мракѣ.
И достигъ до адской онъ рѣшетки.
Тамъ увидѣлъ: блѣдный свѣтъ, палата,
Длинный столъ, и на почетномъ мѣстѣ,
Между тѣней Бальдуръ возсѣдаетъ.
Обратился Гермодъ съ просьбой къ Геллѣ:
—„Отпусти ты брата снова въ небо;
„Всѣ о немъ жестоко плачутъ боги
„И какой угодно предлагаютъ
„За него тебѣ богатый выкупъ.“
Отвѣчала адская богиня:
—„Отпущу, пожалуй, но съ условьемъ:
„Если всѣ, что только есть на свѣтѣ,
„Существа по Бальдурѣ заплачутъ,
„Бальдуръ въ небо снова возвратится.
„Если жь нѣтъ, и хоть одинъ найдется,
„Кто объ немъ не будетъ плакать, Бальдуръ
„Никогда на свѣтъ уже не выйдетъ“.

IX.

„Воротился Гермодъ снова въ Азградъ
И привезъ отвѣтъ свирѣпой Геллы.

Какъ отвѣтъ тотъ услыхала Фригга,
Призываетъ тотчасъ буйныхъ Вѣтровъ.
Говоритъ имъ: „Полетите, Вѣтры,
„Вы во всѣ концы по бѣлу свѣту,
„И скажите всякой божьей твари,
„Синю морю, мѣсяцу и звѣздамъ,
„Темну лѣсу, всякой мелкой пташкѣ,
„И большимъ звѣрямъ, и человѣкамъ,
„Что скончался Бальдуръ, молъ, пресвѣтлый,
„Чтобъ молили, да отпуститъ Гелла
„Всѣмъ опять его на радость въ небо".
Понеслись по бѣлу свѣту Вѣтры,
Съ лютой вѣстью каждой божьей твари, —
И поднялся стонъ со всей вселенной:
Взвыли Вѣтры, море заревѣло,
И лѣса завыли, заскрипѣли,
Люди, звѣри, у кого есть голосъ,
Возопили; у безгласной твари жь,
У металловъ, и у горъ и камней,
Слезы вдругъ безмолвныя, такія,
Какъ весной лютъ они, встрѣчая
Послѣ хлада и мороза солнце,
(Но тогда на радость, тутъ отъ скорби),
Потекли обильными струями...
Но была въ горѣ одна пещера.

Тамъ, покровъ свой бѣлый не скидая
Никогда, сидѣла великанша
(Нѣкогда она царила въ мірѣ,
Но была побѣждена Одиномъ
И въ пещерѣ темной укрывалась):
Та на слово вѣстниковъ небесныхъ
Изъ скалы угрюмо отвѣчала:
„Я съ сухими развѣ лишь глазами
„О красавцѣ Бальдурѣ заплачу:
„Будь онъ живъ иль мертвъ, — онъ мнѣ не нуженъ!
„Пусть его сидитъ себѣ у Геллы!“

Такъ у Геллы и остался Бальдуръ.“

X.

Кончилъ вѣщій старецъ. Слушалъ Конунгъ
И еще поникъ главою ниже.
Сквозь золу едва мерцали угли.
Въ забытьи склонился вѣщій старецъ.
По утру открылъ онъ очи: Конунгъ
Также все сидитъ на томъ же мѣстѣ;
Чуть свалилась съ плечъ медвѣжья шуба,
Блѣдный лучъ скользитъ кой-гдѣ по складкамъ

Золотой истершейся одежды,
Освѣщая грозный обликъ, съ длинной
Бородой, съ нависшей бровью. Конунгъ
Былъ ужь мертвъ. Судьбы его свершились.

ПУЛЬЧИНЕЛЛЬ.

Пульчинелль.

Въ Неаполѣ, — когда еще Неаполь
Былъ самъ собой, былъ раемъ ладзароновъ —
— Философовъ и практиковъ-бандитовъ,
Бандитовъ всякихъ — рѣжущихъ, казнящихъ,
Съ тонзурою иль безъ тонзуры — въ этóмъ
Неаполѣ временъ минувшихъ, жилъ
Чудесный карликъ... Маленькій, горбатый,
Со львиною огромной головой,
И съ ножками и ручками ребенка.
Онъ былъ похожъ какъ разъ на мальчугана
Въ комической, большой античной маскѣ:
Такихъ фигуръ въ помпейскихъ фрескахъ много.
Его мамá и померла отъ горя,
Въ уродствѣ сына видя наказанье
Господне „за грѣхи отцевъ...“ Отецъ же —

Онъ былъ мудрецъ съ Вольтеровскимъ оттѣнкомъ,
Хоть волею судебъ и занимался
Сомнительной профессіей (знакомилъ
Онъ съ красотой живой Партенопеи
Пріѣзжихъ иностранцевъ) — онъ объ сынѣ
Судилъ не такъ. Онъ говорилъ, что эта
Наружность — даръ фортуны: Пеппо съ нею
Навѣрно будетъ первымъ маіордомомъ
У герцоговъ, пажемъ у короля,
И комнатной игрушкой королевы.
Онъ такъ и умеръ въ этомъ убѣжденьѣ.
Но не сбылось пророчество; бѣдняга
Не въ практика родителя сложился.
Кормился переписываньемъ ролей,
Былъ вхожъ въ театръ чрезъ это, за кулисы,
А весь свой день сидѣлъ въ библіотекѣ.
И что прочелъ онъ — Богу лишь извѣстно,
Равно какъ то, чего бы не прочелъ онъ!
Все изучалъ: историковъ, поэтовъ,
Особенно жь — трагическій театръ
Италіи. Душой онъ погрузился
Въ міръ Клеопатръ, Ассуровъ, Митридатовъ,
И этихъ-то сценическихъ гигантовъ
Размахъ усвоилъ, страсть, величье, паѳосъ;
Онъ глубоко прочувствовалъ, продумалъ

Всѣ положенья, всѣ движенья сердца,
Весь смыслъ, всю суть трагедіи постигъ,—
Такъ что когда, въ кругу своихъ кліентовъ,
Оборванныхъ такихъ же бѣдняковъ,
Читалъ онъ, — эти всѣ гиганты
Все становились меньше, меньше — но
За то росло въ размѣрахъ колоссальныхъ
Одно лицо, — безъ образа и вида
И безъ рѣчей — которое безмолвно,
Неудержимо, холодно, ихъ губитъ,
И что въ трагедіи зовется Рокомъ.
И этому безличному Молоху —
Какъ говорилъ одинъ аббатъ, любившій
Его послушать, Пеппо особливо
Сочувствовалъ. Аббатъ въ восторгѣ
Говаривалъ не разъ: „ты, caro mio,
Навѣрно былъ бы величайшимъ въ мірѣ
Трагическимъ актеромъ, еслибъ только
Въ размѣрахъ былъ обыкновенныхъ созданъ,
Безъ важныхъ недостатковъ и излишествъ;
При этихъ же особенностяхъ, — годенъ
Не болѣе, какъ къ роли—Пульчинелля.“

Чтожь дѣлать! Бѣдность и—пожалуй—жажда,
Какъ говорилъ онъ, сцены и подмостковъ,

Его судьбу рѣшили, — и Неаполь
Въ немъ пріобрѣлъ такого Пульчинелля,
Какихъ еще не видывалъ отъ вѣка!
Въ театрѣ—давка. Ѣздитъ знать и дворъ.
Тройныя цѣны. Импрессарій — пляшетъ,
И въ городѣ лишь рѣчь — о Пульчинеллѣ.
Такого смѣха у своихъ подножій
Не слыхивалъ конечно ужь Везувій
Съ тѣхъ самыхъ дней, какъ вѣчною угрозой
Надъ городомъ онъ сталъ, и повторяетъ
Ежеминутно людямъ: „веселитесь
И смѣйтеся, пока даю вамъ время!“

А тайна смѣха вотъ въ чемъ заключалась:
Пеппино никогда смѣшить не думалъ!
И въ колпакѣ дурацкомъ Пульчинелля
Все также роль свою игралъ серьезно.
Какъ будто роль Аякса иль Ахилла.
Онъ бросилъ фарсъ, далъ душу Пульчинеллю,
(Къ тому же былъ импровизаторъ чудный
И въ роль вставлялъ горячія тирады
Высокаго исполненныя чувства,
И паѳоса и образовъ гигантскихъ,
Достойныхъ кисти лишь Микель-Анджело!)
Онъ искренъ былъ, язвителенъ, былъ страстенъ,—

Но это все — при страшной образинѣ,
При заплетавшихся кривыхъ ногахъ,
При маленькихъ рученкахъ, при горбѣ —
Въ партерѣ вызывало—взрывы смѣха!
Онъ забывалъ себя, весь отдавался
Потоку чувствъ и вдохновенной мысли,
И ожидалъ въ отвѣтъ восторга, слезъ,
Всеобщаго, быть можетъ, покаянья,—
А тутъ дурацкій смѣхъ, шальные крики!
Полиція — и та не возмущалась
Когда вѣщалъ онъ въ пламенныхъ стихахъ
О благородствѣ, о „святой“ свободѣ!
Бывало съ грустью, съ жалостью онъ смотритъ
Въ партеръ, какъ въ пропасть съ тысячами гадовъ
Хохочущихъ — и эта грусть и жалость
Такою въ немъ гримасой выражалась,
Что кликъ и смѣхъ въ партерѣ удвоялся...
Не выдержитъ, и кинется онъ къ рампѣ,
И въ ярости грозить начнетъ, ругаться:
„О! пошлости клокочущая бездна!
„Чудовища! нѣтъ! я бъ свое уродство
„Не промѣнялъ на ваше“, — онъ кричитъ,—
И — пуще смѣхъ!.. Тогда, на зло глупцамъ —
Онъ пустится кувыркаться и прыгать
И ужь конца рукоплесканьямъ нѣту!

А упадетъ лишь занавѣсъ — директоръ
Его въ объятья: „такъ, maestro, такъ!
„Ругайте ихъ, и плачьте! плачьте больше,
„Тѣмъ лучше: сборъ—невѣроятный! Мы—
„Мы мильонеры будемъ!“ Не успѣетъ
Директору въ лицо онъ кинуть: „porco!“
Какъ сотни рукъ его ужь подымаютъ,
И какъ онъ тамъ ни бейся, ни лягайся,
А съ пѣснями, при факелахъ, несутъ
Его до самой до его локанды,
Гдѣ наконецъ, освободясь отъ плѣна,
На бѣдное бросается онъ ложе
И горячо и горько, горько плачетъ!

Неаполь былъ въ восторгѣ. Говорятъ,
Изъ инквизиціи тихонько члены
Въ закрытыхъ ложахъ хаживали часто
Имъ любоваться и, какъ всѣ, смѣялись
Отъ сердца, самымъ добродушнымъ смѣхомъ.
Но онъ — кумиръ толпы и божество,
Въ душѣ возненавидѣлъ и Неаполь,
И сцену, и давно бъ ее оставилъ,
Когда бъ она ему не доставляла
Возможности — въ глаза ругать толпу,
Твердить и повторять ей, что она

Одно лишь понимаетъ, поглощаетъ
И обожаетъ, — это макароны!..

Такъ говорилъ онъ самъ; а впрочемъ
Еще былъ узелъ тайный, но могучій,
Его привязывавшій къ сценѣ, — это
Прелестная, какъ ангелъ — Коломбина,
Прекрасный тоже, истинный талантъ.
Онъ эту Коломбину и сыскалъ
Въ Санъ Карло, межь простыхъ статистокъ, взялъ
И сталъ учить, образовалъ и, словомъ
Какъ говорится, создалъ. Коломбина
По временамъ одна не замѣчала
Его уродства: чудныя мгновенья!..
Она — полулежитъ на оттоманкѣ,
А онъ читаетъ: комната по малу
Въ чертогъ преобразуясь, наполнялась
Героями, царицами, царями;
Стихійное иль божеское нѣчто
Блистаетъ въ нихъ величьемъ колоссальнымъ
Надъ сумракомъ обыкновенной жизни;
И вдругъ средь этихъ исполинскихъ силъ
Послышится ей родственное что-то —
Любовь, какъ голубь рѣющій надъ бездной...
У ней отъ страха сердце замираетъ,

Она глядитъ, и, точно въ лихорадкѣ
Слѣдя за нимъ, чтеца уже не видитъ...
И лишь когда онъ кончитъ, — понемногу
Разсѣется блистательный миражъ,
Уйдетъ страстей клокочущее море;
И вмѣстѣ блеска, красоты, величья,
Она увидитъ вдругъ передъ собой,
Какъ будто этимъ кинутаго моремъ,
Какого-то нелѣпѣйшаго карлу —
Тогда изъ устъ ея—какъ будто бы со скорбью
И сожалѣньемъ—вырвется невольно:
„Ахъ Пеппо, для чего такой ты гадкій!“

—„Рокъ“ — отвѣчаетъ онъ.

Да! страшный рокъ!
Онъ чувствовалъ, что разъ неудержись,
А отъ себя, отъ своего лица
Скажи свое живое чувство, — въ страхѣ
И омерзеньѣ вскрикнетъ Коломбина
И отъ него отпрянетъ, какъ отъ гада!
Онъ понялъ, что совсѣмъ лишь стушевавшись,
Могъ быть при ней, — и сдѣлался ей, точно,
Необходимъ: наставникомъ былъ, другомъ,
Былъ чичисбеемъ, шаль за ней носилъ,

По порученьямъ бѣгалъ; даже больше,
Служилъ ей горничной — при туалетѣ
Присутствовалъ, затягивалъ корсетъ,
Ей обувалъ изящнѣйшую ножку,
Сносилъ ея мигрень, капризы, словомъ,
Былъ для нея онъ тѣмъ же, чѣмъ Неаполь,
И импрессарій для него, и также бъ
Могъ звать ее онъ „злою Коломбиной“,
Какъ называли всѣ его „злымъ карлой“;
Въ него летали точно также вѣеръ,
И башмаки, какъ отъ него каменья
На улицѣ, или слова на сценѣ —
Такія, что инаго стоютъ камня!
И отъ нея онъ все переносилъ
Съ покорностью, чуть-чуть не съ наслажденьемъ,
Такъ наконецъ, что всѣ его страданья
По сценѣ — отошли на задній планъ.
Перенести не могъ онъ одного —
Одной фантазіи своей царицы,
И всѣ вражды свои сосредоточилъ
На арлекинѣ. Этотъ арлекинъ
Былъ — тѣмъ же рокомъ! — одаренъ красивой
Наружностью, небрежностью изящной,
Къ артисту такъ идущей, и всегдашнимъ
Высокимъ мнѣньемъ о своей особѣ.

Всѣ женщины по немъ съ ума сходили:
Изъ-за него маркизы, герцогини
Дрались, чтобъ съ нимъ въ блестящемъ фаэтонѣ
По Кьяйѣ прокатиться... Это впрочемъ
Все бъ ничего! но этотъ херувимъ
И видѣлся и снился Коломбинѣ!
Напрасно ей твердитъ несчастный карло,
Что арлекинъ — бездарный фатъ, хвастунъ,
Глупъ—колоссально глупъ!.. „Ты лишь послушай,
„Какъ онъ поетъ! Гдѣ ставитъ ударенья?
„О ужасъ! на предлогахъ и союзахъ!
„Не ясно ли, что у него нѣтъ сердца!
„Что льнетъ къ тебѣ онъ, diva, потому,
„Что отъ тебя Неаполь безъ ума,
„Что—ты царица въ немъ, и что готовы
„Мильонныя разстроить состоянья
„Съ тобою дуки, нобили, банкиры“—
Все тщетно! страсть ей не даетъ покоя!
Его не слушаютъ; ему велятъ,
Какъ тѣнь, вездѣ слѣдить за арлекиномъ;
Ей доносить гдѣ былъ онъ, что онъ дѣлалъ,
Съ кѣмъ говорилъ, устраивать имъ встрѣчи,
И третьимъ быть лицомъ при этихъ встрѣчахъ!
Ахъ! это время жилъ онъ постоянно
Подъ страхомъ бури... Если онъ бывало,

Недобрыя къ ней вѣсти принесетъ, —
„Ты лжешь, ты лжешь! кричала Коломбина;
„Вы всѣ противъ меня, уроды, черти!
„Я задушу, чудовище, тебя!
„Прочь съ глазъ моихъ!“ и diva, какъ тигрица,
Кидается на Пеппо. „Вонъ, бездѣльникъ!“
За нимъ бѣгутъ, выталкиваютъ въ двери,
И съ лѣстницы бросаютъ въ спину туфлю...
Онъ, впрочемъ, зналъ, внизу стоялъ въ портонѣ,
Зналъ, что за нимъ пошлютъ,—и появлялся:
Мракъ въ комнатѣ; лежитъ въ постели diva,
Готовая сейчасъ же умереть
Въ жестокихъ спазмахъ: стоны и рыданья;
„Вотъ—говорятъ ему,—ты до чего
„Меня доводишь, каменное сердце“!
И какъ собака, чувствуя провинокъ,
Къ хозяину ползетъ, вертя хвостомъ
И голову понуря, пробирался
Онъ къ ней тихонько и просилъ прощенья,
Садился на скамейку, утѣшалъ,
Молилъ ее на жизнь не покушаться,
Оправдывалъ невѣрнаго и клялся,
Что самъ онъ лгалъ, что онъ всему виною,
Что онъ сейчасъ пойдетъ за нимъ, отыщетъ
И приведетъ... И diva возвращалась

Къ сознанію... рыданья утихали,
Къ нему протягивалась ручка... онъ
Бѣжалъ искать красавца, приводилъ —
И diva ихъ встрѣчала — ужь здорова,
Кокетливо одѣта, и красою
Сіяя, точно солнце послѣ бури,—
И Пеппо долженъ былъ сіять съ ней вмѣстѣ.

Былъ, наконецъ, и день назначенъ свадьбы.
Вся труппа въ ней участье принимала.
Все, что̀ смѣшитъ Неаполь — все смѣялось;
Но Пульчинелль былъ самымъ шумнымъ гостемъ.
За молодыхъ пилъ тосты, сочинилъ
И прочиталъ имъ въ честь эпиталаму,
Смѣялся, но—съ гостями уходя,
Отъ нихъ скользнулъ въ какой-то переулокъ,
На право шелъ, на лѣво, какъ, куда
Не думая, не видя въ темнотѣ,
И вышелъ вдругъ къ клокочущему морю,
И тамъ, у шумныхъ волнъ остановился...
Что̀ дѣлалъ тамъ онъ? — то, буквально, мракомъ
Покрыто: ночь темна была, какъ гробъ.
Во мракѣ слышенъ былъ лишь грохотъ моря;
Изъ Африки дулъ раскаленный вѣтеръ.
И словно тысячи бѣсовъ иль фурій

Рвались въ дома, деревья гнули, выли,
И на подмогу имъ изъ нѣдръ земли
Изъ кратера Везувія летѣли
Въ фонтанѣ пламени и въ клубахъ дыма
Безчисленныя демонскія силы...
Вкругъ ладзарони въ ужасѣ бѣжали
Съ своихъ ночлеговъ, по всему побрежью,
И долго помнили объ адской ночи,
Notte d'inferno: слышались имъ стоны
И страшныя проклятья въ ревѣ бури,
Ихъ сохранило только заступленье
Пречистой Дѣвы... Что же дѣлалъ Пеппо —
Тамъ на террасѣ, выходящей въ море?
Онъ никогда и самъ не могъ сказать...
Какъ будто духъ его тогда носился
Въ пространствѣ, въ этихъ африканскихъ вихряхъ
И землю разорвать хотѣлъ и море,
И только къ утру въ маленькое тѣло
Вернулся и взглянулъ вокругъ себя, —
А вкругъ ладьи разбитыя лежатъ,
И травъ морскихъ по необсохшимъ камнямъ
И на сыромъ пескѣ торчатъ лохмотья.
Стихаетъ море. Съ сѣвера прохладой,
Исполненной благоуханій чудныхъ
Съ полей и виллъ цвѣтущихъ Позилиппа,

Повѣяло, и серебристой дымкой
Подернулися городъ, даль и небо...

Когда подъ крикъ ословъ и продавцовъ
Неаполь пробудился и пилъ кофе —
Смѣющійся явился съ поздравленьемъ,
Къ счастливой Коломбинѣ первый — Пеппо,
Съ огромнѣйшимъ букетомъ. День прошелъ
Какъ праздникъ. Были гости. На обѣдъ
Поѣхали на Капри. Пеппо точно
Торжествовалъ великую побѣду...
Потомъ все потекло своимъ порядкомъ,
Какъ прежде. Онъ для Коломбины сталъ
Пожалуй, что еще нужнѣе въ трудныхъ
Заботахъ по хозяйству и по мужу;
Онъ у нея дѣтей крестилъ и нянчилъ...
Но, какъ ни бился, счастья милой доннѣ
Создать не могъ; худѣла все, худѣла
И наконецъ совсѣмъ она слегла.
Не ладно велъ себя ея супругъ.
Остепениться онъ не могъ, и въ бракѣ
Не видѣлъ узъ для вѣтрянаго сердца.
Почти и не жилъ дома. При больной
Безвыходно сидѣлъ лишь Пульчинелль...
Разъ ночью стало ей ужь очень худо.

Съ усильемъ обратясь къ нему, она
Сказала: „ты дѣтей моихъ не кинешь?“
И руку подала, и улыбнулась...
Да! улыбнулась такъ она ему,
Какъ никогда! Быть можетъ, началó
У ней въ глазахъ уже мутиться зрѣнье,
И ужь не карло — нѣтъ! его душа
Ея очамъ духовнымъ предстояла —
И бѣдный Пеппо чуть не задохнулся
Отъ счастья... Но — о Боже!.. вотъ ея рука
Въ его рукѣ хладѣетъ... взоръ недвиженъ...
Молчаніе... онъ ждетъ... она ни слова...
Свѣтъ лампы такъ лежитъ спокойно, тихо
На матовомъ лицѣ... не шевельнется
Ни волосокъ, ни локонъ, въ безпорядкѣ
Разсыпавшихся по подушкѣ косъ...
Проворно пульсъ онъ щупаетъ; подноситъ
Къ устамъ ей зеркало... дыханья нѣтъ!
И нѣтъ сомнѣнья больше! Коломбина,
Жизнь, слава, божество его — скончалась!
И онъ вскочилъ, какъ бѣшеный. Свирѣпый
Какой-то вопль изъ груди испустилъ,
И бросился на право и на лѣво
Все опрокидывать, все разбивать,
Все — канделябры, зеркала, сервизы,

И наконецъ среди опустошенья
Остановился передъ хладнымъ трупомъ,
И заломивъ въ отчаяніи руки,
Вдругъ прокричалъ: „Какъ я тебя любилъ!“
И тутъ, въ ногахъ же у ея постели,
Упалъ безъ чувствъ,—и найденъ былъ ужь мертвымъ.

Неаполь плакалъ, но потомъ по-малу
Всѣ успокоились, когда наука
Рѣшила, что скончались: Коломбина
Отъ phthisis, онъ же—отъ „ruptura cordis“.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Слово о Полку Игоревѣ.

(Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ).

„Не понимаю, чѣмъ могло такъ заинтересовать васъ Слово о Полку Игоревѣ“, говорилъ мнѣ одинъ мой пріятель, услыхавъ, что я занимаюсь этимъ памятникомъ. „Чтобы тамъ ни толковали филологи о его подлинности, все-таки противъ нихъ есть аргументъ посильнѣе всѣхъ ихъ доказательствъ: это — то уединенное мѣсто, которое оно занимаетъ во всей нашей древней литературѣ Кіевской Руси. Ну, судите сами: съ какой стати на полѣ, засѣянномъ пшеницей, вдругъ, выросъ бы розанъ?“

Вотъ одно изъ очень старыхъ возраженій, на которое до сихъ поръ не отвѣтила критика, отстаивая и побѣдоносно доказывая принадлежность Слова о Полку Игоревѣ къ двѣнадцатому столѣтію. Дѣйствительно, Слово не имѣетъ ничего общаго ни съ лѣтописями, ни съ другими памятниками письменности того времени; оно какъ будто вышло изъ совершенно другой среды жизни, съ

другими воззрѣніями и преданіями, нежели та сфера, гдѣ велись лѣтописи, писались поученія и житія. Какая же эта среда? Вотъ ее-то я и постараюсь намѣтить въ этомъ очеркѣ.

Кромѣ письменной литературы, лѣтописей, житій и поученій, мы имѣемъ еще устные памятники творчества нашей старины—народныя былины. И въ нихъ, повидимому, мало общаго со Словомъ о Полку Игоревѣ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, принимая былины въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, записанныя съ голосу народныхъ пѣвцовъ, и притомъ весьма недавно: старѣйшій списокъ Кирши Данилова сдѣланъ былъ въ началѣ XVIII столѣтія. Передъ нами былины явились уже чисто, такъ сказать, въ Московской редакціи, и въ этомъ видѣ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ къ Слову... Но если бы можно было снять съ нихъ Московскій слой, то, я увѣренъ, онѣ оказались бы гораздо ближе къ Слову о Полку Игоревѣ, чѣмъ къ намъ, и еще болѣе уяснили бы намъ среду, изъ которой оно вышло. Поэтому, хотя въ общихъ чертахъ, надобно напомнить читателямъ, до чего дошла новѣйшая филологія, изучая древнѣйшіе памятники поэзіи народовъ, происшедшихъ изъ одного съ нами корня, а между ними и наши былины.

Строгіе историки прежнихъ временъ отвергали эти памятники, называя ихъ баснословными. Но изучая и сравнивая ихъ, изучая, и сравнивая языки, на которыхъ они записаны, филологія проникла въ такую глубину временъ, о какой и мечтать не смѣли историки. Она не только возстановила родословное древо народовъ, по крайней мѣрѣ пока тѣхъ, къ семейству которыхъ принадлежитъ

большая часть европейцевъ,—огромная вѣтвь, простирающаяся отъ Индіи, черезъ Персію и Россію, до Атлантическаго океана, — но и поставила себѣ задачей возстановить первобытную жизнь, вѣрованія, степень образованности того народа, изъ котораго, какъ изъ древнѣйшаго улья, отроились всѣ эти племена. Сравнивая языки этихъ племенъ, санскритъ, зендъ и нынѣшній персидскій, греческій, латинскій, кельтскій, древне-германскій, литовскій и древне-славянскій, филологія намѣтила тотъ языкъ, которымъ говорили предки этихъ народовъ до выхода ихъ, одинъ за другимъ, изъ общаго ихъ первоначальнаго отечества — съ Иранской возвышенности. Всѣ эти языки, очевидно, имѣютъ одинъ общій корень, весьма ощутительный изъ сходства въ этихъ языкахъ мѣстоименій, именъ числительныхъ, многихъ глаголовъ и существительныхъ, означающихъ явленія природы, или касающихся родства, одежды, земледѣльческаго быта. За симъ, сравнивая древнѣйшія преданія и пѣсни этихъ народовъ, отъ Вѣдъ индійскихъ до исландскихъ сагъ, мы узнаемъ, что всѣ онѣ имѣютъ своимъ источникомъ однѣ и тѣ же ѳеогоническія пѣсни, сложившіяся еще тамъ, на Иранской возвышенности и отразившія въ себѣ всѣ представленія о мірѣ и жизни, какія составилъ себѣ это народъ-праотецъ, эти наши далекіе предки, называвшіе себя Аріями, т. е. лучшими, благородными. У всѣхъ ихъ потомковъ, у новѣйшихъ народовъ, сохранилась память о далекой родинѣ, какъ преданіе о золотомъ вѣкѣ, о раѣ, о свѣтломъ Иріи (названіе, сохранившееся у насъ въ пѣсняхъ и въ завѣщаніи Мономаха): чудная страна, куда имъ

возвратиться нельзя, но куда на зиму улетаютъ птицы. Вынесенныя уходившими оттуда, одна за другой, толпами, эти пѣсни, на мѣстахъ новой осѣдлости, видоизмѣнялись сообразно съ судьбами этихъ выходцевъ, съ ихъ бытомъ, нравами, языкомъ, подъ вліяніемъ мѣстности, новаго образа жизни и разныхъ особенностей, вслѣдствіе которыхъ въ этихъ толпахъ выработались ихъ племенныя и національныя черты. Всѣ эти пѣсни вытекали изъ вѣры арійцевъ, что они — дѣти Солнца и великой Матери Земли, что находятся подъ его покровительствомъ, что судьба ихъ тѣсно связана съ судьбою свѣтоноснаго бога, давшаго имъ жизнь. Происхожденіе ихъ отъ Солнца и дало, вѣроятно, право этимъ земледѣльцамъ назвать себя Аріями, т. е. благородными, сравнительно съ кочевниками, ихъ врагами, по ихъ представленію, сынами Тьмы. Считая источникомъ жизни солнце, они постоянно къ нему устремляли свою мысль, и всѣ явленія на небѣ истолковывали, по отношенію къ нему, своимъ земнымъ бытомъ; день и ночь, времена года объясняли сномъ, смертью, пробужденіемъ, воскресеніемъ или нарожденіемъ Солнца, или плѣномъ его у его враговъ. Весеннее его появленіе, сопровождаемое благотворными грозами и пробужденіемъ могучей растительности, праздновалось какъ брачное торжество бога, дорвавшагося до обладанія своею любою— Землею. По этимъ представленіямъ и люди, какъ дѣти Солнца, устроили свою жизнь, установили обряды чествованія своего великаго Прародителя — хороводы, пляски, жертвы, игрища, сопровождаемыя музыкою и разными припѣвами; въ эпическихъ гим-

нахъ воспѣвали о славѣ Солнца, о борьбѣ его съ недругами, гигантами мрака, холода. Тучи и облака, безпрестанно измѣняющія свой видъ — отъ крылатыхъ змѣевъ и драконовъ, грозящихъ поглотить свѣтоноснаго бога, до среброрунныхъ овецъ, пасущихся на лазурныхъ небесныхъ пажитяхъ; вѣтры и вихри всезнающіе, скитающіеся по всему свѣту; громъ, съ своими огненными стрѣлами или палящимъ мечемъ-кладенцемъ, являющійся, какъ вѣрный слуга, освобождать бога отъ демоновъ и чудовищъ; заря, царица огненная, отворяющая Солнцу врата міра, Земля-красавица, Солнцева лада, порождающая отъ его пламенныхъ объятій все живущее, — все это олицетворялось въ видѣ духовъ или боговъ, гигантовъ, великановъ, чудовищъ, миѳическихъ существъ добрыхъ или злыхъ, смотря по тому, въ дружбѣ или во враждѣ были они съ Солнцемъ.

Ближе всѣхъ къ этой первобытной эпопеѣ считаются вѣдическіе гимны Индіи, изъ которыхъ потомъ развивается цѣлая литература съ колоссальными, то страшными, то роскошными образами; во всѣхъ этихъ созданіяхъ отражается могучая природа Индіи, ея цвѣтущихъ долинъ, и грозно величественнаго, таинственнаго царства ея горъ, гдѣ рождаются ея священныя рѣки, то пѣнными водопадами бьющія изъ нѣдръ ихъ, то скрывающіяся подъ сводами скалъ... У племенъ Иранскихъ тотъ же первобытный миѳъ лежитъ въ основѣ ученія Зендъ-Авесты, въ которой тьма и свѣтъ получили нравственное значеніе добра и зла, и пѣсень, собранныхъ и устроенныхъ поэтомъ XII вѣка Фирдуси въ

поэму, извѣстную подъ названіемъ Шахъ-Наме, гдѣ солнце является въ образѣ шаха, а вѣрный слуга солнцевъ, громъ — въ образѣ народнаго героя Персовъ, въ Рустемѣ. Изъ того же миѳа развилась миѳологія Грековъ и Римлянъ, видоизмѣнявшаяся въ разныя эпохи ихъ развитія: боги Гомера еще живутъ патріархально-героическою жизнью Грековъ; боги Лукіана ясно отражаютъ на себѣ цинизмъ современнаго ему общества. У Германцевъ и особенно у Скандинавовъ, въ пѣсняхъ Эдды, древне-арійскіе боги являются суровыми и воинственными; они какъ будто окрѣпли и возмужали, одѣлись въ желѣзо, въ суровомъ климатѣ, въ воображеніи людей, обреченныхъ на борьбу со стихіями, на необходимость оружіемъ добывать себѣ пропитаніе *). У Славянъ тотъ же миѳъ лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ древнихъ вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ, и доселѣ еще живыхъ; но въ болѣе богатой, эпической своей формѣ онъ сохранился у Сербовъ, у которыхъ онъ слился съ пѣснями о Маркѣ Кралевичѣ, и у насъ — въ нашихъ былинахъ. Черты, которыя онъ принялъ у насъ, особенно замѣчательны и оригинальны. Это — черты быта народа-земледѣльца. Въ глубинѣ всѣхъ былинныхъ сказаній, стоитъ величавый въ своей простотѣ, спокойно-могучій, домовитый хозяинъ земли—ратай. За этимъ ратаемъ, три дня гонится Святогоръ-богатырь и не можетъ его настигнуть; попросилъ наконецъ остановиться; тотъ

*) Попытку возстановить древнѣйшій скандинавскій миѳъ о солнцѣ читатели могутъ видѣть въ моемъ „Бальдурѣ“.

остановился и положилъ сумочку свою на землю. „Что у тебя въ сумочкѣ," спросилъ Святогоръ. „Подыми и увидишь". Ухватилъ Святогоръ, не могъ поднять, самъ по колѣна въ землю ушелъ. „Что-жь у тебя въ сумочкѣ?" Оказывается, что это тяга земная (кольцо или столбъ) *), ухватясь за которую только этотъ ратай можетъ поднять всю землю... Встрѣчается этому ратаю князь Вольга съ дружиною:

Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ;
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ,
Съ края въ край онъ бороздки пометываетъ,
Коренья, каменья вывертываетъ...

Зоветъ Вольга ратая съ собою; тотъ говоритъ: „Надо сошку прибрать". Кидается вся дружина сошку приподнять и не можетъ:

Подъѣхалъ оратай оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой,
Бралъ онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земли повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

И Святогоръ, и Вольга спрашиваютъ ратаюшку, какъ же звать его по имени, какъ величать по изъ-отчеству; онъ отвѣчаетъ:

---

*) Аѳанасьева: Поэтическія воззрѣнія Славянъ, т. II, 680.

„А я ржи напашу, да скирды сложу,
„Во скирды сложу, домой выволочу,
„Домой выволочу, дома вымолочу,
„Драни надеру, да и пива наварю,
„Пива наварю, мужиковъ напою;
„Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ.“

Вотъ въ какомъ образѣ явился у насъ этотъ богъ, въ рукахъ котораго вся тяга земная; и хитрый Вольга, который волкомъ обертывался, да всѣхъ звѣрей изъ лѣсу выганивалъ, рыбой прикидывался, да всю рыбу изъ рѣкъ вылавливалъ, яснымъ соколомъ вылетывалъ и всю птицу выбивалъ, не могъ его перехитрить, и богатыри входятъ въ семью его, женятся на его дочеряхъ и даютъ зарокъ не воевать съ его родомъ, а защищать его отъ всякаго недруга, собираясь въ дружину вокругъ свѣтлаго князя, Красна-Солнышка, ласкова Владиміра. И силы имъ дается въ мѣру, столько, чтобы ихъ могла „земля держать“. Старый вѣрный слуга Солнцевъ, Громъ или Громовникъ, или Перунъ, обращается въ земскаго героя Илью Муромца; другіе миѳическіе герои принимаютъ черты сословій, сложившихся на Руси: Добрыня Никитичъ боярскій сынъ, Алексѣй Поповичъ, и т. д. Во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ первобытнаго миѳа, у всѣхъ народовъ, враги Солнца получаютъ черты народныхъ враговъ племени; такъ и у насъ мало по малу Змѣи Горынычи, Идолища поганыя, чуда-чудища, то есть,

всѣ олицетворенія зимы, мрака и смерти, принимаютъ виды разныхъ поганыхъ толковинъ (кочевниковъ), Печенѣговъ, Половцевъ, Татаръ. Когда совершилось у насъ это перерожденіе пѣсень о богахъ въ былины о народныхъ богатыряхъ—опредѣлить трудно; но ясно, что это могло случиться только тогда, когда въ народѣ міросозерцаніе языческое, основанное на обожествленіи силъ природы, было вытѣснено міросозерцаніемъ библейскимъ. По многимъ отзывамъ святыхъ мужей мы вправѣ заключить, что христіанство въ Кіевской Руси въ XI и XII столѣтіяхъ еще почти совсѣмъ не коснулось массъ народныхъ; если духовенство и имѣло вліяніе въ городахъ, за то въ селахъ оно было почти безсильно. Преподобный Несторъ (въ XI—XII вѣкѣ) жалуется, что и нарицающіеся христіанами, живутъ по поганьски, справляютъ всѣ языческія требы, а церкви стоятъ пусты. Долгое время еще царство бѣсовъ (т. е. старыхъ боговъ) обширно и сильно было на Руси, и съ нимъ приходилось бороться проповѣдникамъ христіанства, и къ чести послѣднихъ надо сказать,— бороться мѣрами кроткими безъ пытокъ и костровъ, безъ вмѣшательства свѣтскаго меча! Исподоволь увеличивалось стадо Христово, но разъ вкусивъ сладости новаго свѣта, новопосвященные уже порывали все со стариной. И что они тогда видѣли вокругъ себя? Языческіе обряды, чествованіе старыхъ боговъ—въ полной силѣ! Сердце переполнялось скорбью.... „О во тьмѣ блуждающіе!“ восклицалъ инокъ, смотря изъ нагорной обители своей на виднѣющійся ему городъ, на разбросанныя тамъ и сямъ села. „Кумиры повержены, но вы рабствуете и поклоняетесь прежнимъ

бѣсамъ! Богами нарицаете стихіи, и солнце, и огнь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичемъ! Вѣруете и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птичій грай и въ ворожбу; волхвуете птицами и звѣрьми! Богъ даетъ вамъ вся благая: вы же Его не познали, а все отъ бѣсовъ своихъ имѣти мните—и обиліе плодовъ земныхъ, и растворéніе воздуховъ! Вмѣсто призыванія благодати Господней на вешнія поля и нивы, рядитесь во звѣриныя шкуры, надѣваете личины, толпами выходите вызывать Перуна или поганаго Ярилу (Ярило—яръ, весна), съ крикомъ и гамомъ бѣгаете по селамъ, ударяя въ бубны, тазы, сковороды, мѣдныя доски, брянча колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тѣмъ мните зиму и мракъ прогоняти, не вѣдая того, что вся отъ Господа! Покараетъ ли васъ Господь, посушитъ поля и нивы, дабы сердца ваши окаяннíи подвиглись къ Нему, — вы яко слѣпы и глухи пребываете, и паки къ нечистому дѣйству прибѣгаете: обовьете дѣвку цвѣтами и травами, водите ее по полямъ, обливая водою, а сами, переряженые въ звѣриныя шкуры, бѣгаете кругъ нея съ бѣсовскими пѣснями, съ плясаніемъ и скаканіемъ *). Отъ рожденія до самыя смерти бѣсамъ токмо служите; зачинаетесь въ сквернѣ и грѣхѣ: бракъ ли то есть, когда собираетесь на игрища, и дѣвицу себѣ любу избравъ, на коняхъ ристающе, подскакиваете и съ собой умыкаете: и то есть вамъ бракъ! И станетъ увѣщевать васъ служитель Божій, въ

*) Г. Аѳанасьевъ думаетъ, что переряживаніе въ звѣриныя шкуры знаменовало облака, видъ свой мѣняющія, а дѣвка—алчущую землю.

продерзости отвѣщеваете: христіанскій-де обрядъ вѣнчанія годенъ токмо для князей и бояръ, а мы-де люди простые, живемъ какъ отцы и дѣды жили, и по двѣ жены имѣть можемъ!.. О горе горькое, о прелесть сатанинская! И паки скажу: какъ вы пастыря душъ встрѣчаете? Плюете, невѣгласи, встрѣтясь со святымъ отцомъ, бѣсамъ заклятія читаете и яко отъ недоброй встрѣчи, назадъ ворочаетесь! А волхвамъ, и скоморохамъ, и гудцамъ, и пѣвунамъ, что толпами изъ села въ село шатаются и поганыя требы и волхованія творятъ и басни о бѣсахъ баютъ со струннымъ гуденіемъ, — ихъ послушаете и ихъ ублажаете и чествуете, и на праздникахъ своихъ все ими указанное творите, и на кладбища съ ними съ огнемъ ходите, и окрестъ могилъ пѣсни бѣсовскія возглашаете, и скаканіемъ и плясаніемъ святое мѣсто оскверняете! Молитвы ни единой сотворить не могуще, развѣ кто „Господи помилуй“ со страхомъ скажетъ, заклятій знаете множество—и къ вѣтрамъ, нарицающе ихъ Стрибожьими чадами, и къ зарѣ—яко къ нѣкоей женѣ, сѣдящей на морѣ, на Окіянѣ, въ палатахъ красна золота да чиста серебра, и къ огню-сварожичу, и къ печькѣ, и къ инымъ, иже стихіи суть, или руками дѣланная!

„Когда же, о Господи, смилуешься надъ народомъ симъ и отверзишь очи его—да познаетъ Тя?... На кого возложу упованіе мое? на князя ли и бояре? Но и въ ихъ дворахъ не многимъ лучше: видали святые мужи, какъ изъ палатъ княжескихъ ангелъ Господень, плачучи, удаляется, а бѣсы поганые съ шумомъ и веселіемъ въ оныя врываются... На пастыри ли духовные? Но и тѣ на сихъ

дѣйствахъ, въ объяденіи и въ опьяненіи присутствуютъ, не внявъ прещенію владычнему, отъ отца нашего митрополита Іоанна. Гдѣ и во владыкахъ ревность Ѳеодосіева! Пришедъ къ великому князю Святославу Ярославичу, узрѣлъ святой мужъ у него въ гридницѣ и поющихъ, и на гусляхъ играющихъ, яко обычай есть предъ княземъ. И сѣлъ блаженный и долу очами поникъ. И вопросилъ потомъ князя: „Сіе ли будетъ на томъ свѣтѣ?“ *)...

Такова общая картина, которая рисуется намъ изъ отзывовъ духовенства вплоть до времени татарскаго ига. Нашествіе Татаръ разбило весь старый строй жизни на Руси. Народъ увидѣлъ кару Господню, во очію надъ нимъ разразившуюся; увидѣлъ посреди себя исшедшихъ изъ обители своей погребсти мертвыхъ и утѣшить живыхъ, святыхъ мужей — и сердца открылись словесамъ ихъ: въ

---

*) Эта рѣчь составлена мною изъ сводки разныхъ отрывковъ духовныхъ писателей, приводимыхъ г. Аѳанасьевымъ, и изъ нѣкоторыхъ его объясненій. Вотъ еще любопытный отзывъ изъ позднѣйшей эпохи: Посланіе Елеазарова монастыря игумена Памфила псковскому намѣстнику 1505 г. говоритъ: „Зѣло не престала здѣсь еще лесть идольская, кумирное празднованіе, радость и веселіе сатанинское.... Тому (сатанѣ, т. е. языческимъ богамъ) яко-же жертва приносится всяка скверна и беззаконное богомерзкое празднованіе. Егда бо приходитъ великій праздникъ день Рождества Предтечи, тогда во святую ту ночь мало не весь градъ взмятется и взбѣсится бубнами и сопѣлями, и гуденіемъ струннымъ, и всякими непотребными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ.... Возстучитъ градъ сей, и возгремятъ въ немъ люди сіи беззаконіемъ и погибелью лютою; женамъ же и дѣвамъ плесканіе (удареніе въ ладоши), и плясаніе, и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ непріязненъ кличъ и вопль, всесквернены пѣсни, бѣсовскія угодья совершаются, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе“. (Аѳан. т. 1, стр. 341).

долгіе годы бѣдствій и рабства, въ тяготахъ своихъ, онъ обрѣлъ у духовныхъ пастырей и утѣшеніе, и защиту, и даже пропитаніе на обширныхъ земляхъ, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ; тогда только христіанство пустило болѣе глубокіе корни въ массы. Не упразднились впрочемъ окончательно и въ тѣ времена, и позже, во дни Стоглаваго собора, обычаи и торжества стараго язычества, но ужь цѣлость его воззрѣній была утрачена. И подобно тому, какъ разные языческіе обряды стали окрашиваться мало по малу въ христіанскій цвѣтъ и на извѣстныхъ святыхъ стали незамѣтно переноситься атрибуты старыхъ языческихъ боговъ, по совпаденію дней чествованія этихъ святыхъ съ днями торжествъ языческимъ богамъ, или по сходству ихъ легендъ, такъ и языческо-религіозныя пѣсни стали сливаться съ пѣснями объ этихъ святыхъ, или о дѣйствительно жившихъ князьяхъ и богатыряхъ. Подобно тому, какъ напримѣръ источники и колодцы, о которыхъ думали, что они пробиты громомъ и потому назывались Перуновыми, стали посвящаться Ильѣ пророку или Ильинской Пятницѣ (а въ Муромѣ о такомъ колодцѣ говорятъ, что конь Ильи Муромца вышибъ его копытомъ),—такъ и въ пѣсняхъ, личныя имена святыхъ или богатырей перенеслись на витязей солнечной эпопеи; явились духовные стихи и историческія былины, въ которыхъ новые герои наслѣдуютъ всѣ дѣла и подвиги миѳическихъ героевъ и всю ихъ фантастическую обстановку. Имя князя Владиміра, прославленное двумя князьями, жило въ памяти народной какъ символъ лучшихъ, когда-то бывшихъ временъ и

заступило мѣсто Солнца или Дажьбога въ этихъ былинахъ: миѳическія сказанія получили колоритъ историческій. Въ дальнѣйшемъ развитіи эпическихъ характеровъ, богатыри явились представителями разныхъ классовъ общества—земства, боярства и духовнаго чина: этому способствовало болѣе усложнившееся общественное развитіе Руси въ Московскій періодъ.

Справедливость этого мнѣнія о времени перерожденія былинъ изъ миѳическихъ въ историческія (высказаннаго впрочемъ гораздо прежде меня) подтверждается и тѣмъ, что большая часть этихъ богатырей жили гораздо позже Владиміра: напримѣръ объ Ильѣ Муромцѣ есть положительное свѣдѣніе, что онъ жилъ въ XII столѣтіи (около 1188 года), и что именно XII вѣкъ и начало XIII представляютъ у насъ и по лѣтописямъ сильное развитіе богатырства...

Такимъ образомъ все заставляетъ насъ думать, что цѣлость языческаго, основаннаго на арійскихъ преданіяхъ, міросозерцанія въ народѣ на Руси, въ XII вѣкѣ, еще не была разбита. Таинственные странники, люди вѣщіе, являющіеся намъ въ былинахъ каликами перехожими, люди съ поэтическимъ и мистическимъ настроеніемъ, уходившіе изъ семьи и избравшіе, подобно самому Дажьбогу, обтекающему землю, или вѣчному скитальцу Стрибогу (вѣтру), страннический посохъ, да суму переметную, да гусли звонкія, ходили по всей Руси, по селамъ и городамъ, по стогнамъ и торжищамъ, входили въ терема и хаты и пѣли старыя, безначальныя пѣсни о страшныхъ тайнахъ, о богахъ и людяхъ,

о жизни и смерти... И въ этихъ городахъ, не смотря на то, что надъ ними, на горѣ, возвышался уже монастырь, откуда исходилъ уже иной свѣтъ, гдѣ жили люди совсѣмъ отрѣшившіеся отъ языческаго воззрѣнія, гдѣ велось книжное ученіе, писались лѣтописи, перелагались на славянскій языкъ творенія отцевъ церкви,—въ этихъ селахъ, въ которыхъ еще рѣдко гдѣ виднѣлись церкви, да и тѣ, по свидѣтельству Нестора стояли пусты,—этимъ странникамъ былъ радушный пріемъ, и ихъ слушали съ благоговѣніемъ, страхомъ и полною вѣрою. Изъ этихъ перехожихъ странниковъ были, вѣроятно, и тѣ трое пѣвцовъ, которыхъ въ VI вѣкѣ захватили войска греческаго императора, воевавшаго съ Аварами, и которые на вопросъ его: кто они? отвѣчали: „Мы Славяне, къ Аварамъ попали въ плѣнъ, обходиться съ оружіемъ не умѣемъ, а пѣсни да гусли—все наше занятіе.“ Этихъ же пѣвцовъ рисуетъ народная пѣсня во всемъ ихъ таинственномъ значеніи, какъ людей вѣщихъ... Въ этой пѣснѣ такъ и видишь ихъ расположившихся ночлегомъ въ полѣ, около деревни, славящихъ возвращеніе солнца и заклинающихъ смерть или зиму; такъ и слышишь про какія страшныя тайны они поютъ:

На крутой горѣ высокоей
Кипятъ котлы кипучіе...
Вокругъ котловъ кипучіихъ
Стоятъ старцы старые;
Поютъ тѣ старцы старые

Про животъ, про смерть,
Про весь родъ человѣчь...
Сулятъ старцы старые
Всему міру животы долгіе,
Какъ на ту ли злую смерть
Кладутъ старцы старые
Проклятьице великое. (Сахарова: Сказанія, II, 13).

Изъ этихъ же странниковъ образовались въ послѣдствіи толпы скомороховъ, которые ходили по Руси по ярмаркамъ и по праздникамъ въ селахъ и богатыхъ домахъ, и противъ которыхъ издавались строгіе законы даже при Алексѣѣ Михайловичѣ; изъ нихъ же вышли и тѣ пѣвцы, которыхъ мы видимъ и теперь около монастыря, пѣвцы, которые скитаются по Руси и распѣваютъ духовные стихи; и между этими стихами многіе, напримѣръ стихъ о Егоріѣ Храбромъ, суть тѣ же пѣсни о богахъ, что пѣли далекіе предшественники этихъ пѣвцовъ, только пѣсни эти, въ теченіи вѣковъ, получили духовный характеръ. И не только въ народѣ, въ XII вѣкѣ, да и у тѣхъ мірянъ, которые назывались христіанами, міровоззрѣніе христіанское не обнимало всего міра человѣческихъ понятій; между тѣмъ какъ лѣтописецъ-христіанинъ, на основаніи византійскихъ хроникъ, выводитъ изъ потомства Ноева, изъ колѣна Яфетова, Словеньскій родъ,—изъ словъ пѣвца Игорева мы видимъ, что храбрые Русичи, его современники, смотрятъ на себя еще какъ на сыновъ Солнца и князей своихъ называютъ Дажьбожьими внуками; Русичи подъ предводительствомъ

ихъ продолжаютъ свою борьбу съ исконнымъ врагомъ Свѣта, съ Тьмою, или съ ея чадами, Дивовыми сынами, всею Русскою землею ходятъ на землю Троянову *); Велесъ, пасущій среброрунныхъ небесныхъ овновъ Солнцевыхъ, съ своею пѣснію и свирѣлью, считается праотцемъ русскихъ пѣвцовъ XII вѣка; Стрибожьи внуки, бездомные скитальцы, рѣютъ по полю половецкому; герои историческіе принимаютъ черты облачныхъ героевъ (Всеславъ-кудесникъ). Въ томъ же смыслѣ и земля, занимаемая храбрыми Русичами, есть свѣтлая земля Русская, земля сыновъ свѣта (въ послѣдствіи, въ Москвѣ, свято-русская); земля враговъ ихъ— земля темная, незнаемая, Дивья земля, земля Троянова. Дажьбогъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ упреждаетъ внука объ опасности затмѣніемъ, „заступаетъ тьмою путь Игорю“; но Черный Дивъ ополчается на него всѣми силами, созывая дѣтей своихъ и съ Сулы, и съ Волги, и съ Сурожа, и съ Поморья. Очевидно міросозерцаніе былинъ въ ихъ первобытномъ видѣ,—вотъ тотъ поэтическій міръ, вотъ воззрѣнія на природу и на свой народъ, въ которыхъ вращалась фантазія пѣвцовъ Кіевской Руси, и откуда почерпала свои краски. Вся эта поэзія вытекала изъ основнаго арійскаго миѳа о Солнцѣ, раздробляясь и продолжаясь въ устахъ этихъ пѣвцовъ, въ ихъ пѣсняхъ объ отдѣльныхъ князьяхъ, потомкахъ того же Дажьбога.

Одна изъ такихъ пѣсень о Дажьбожьихъ внукахъ есть Слово

*) См. ниже прим. 5.

о Полку Игоревѣ. Но и отъ современныхъ ей былинъ, при всемъ своемъ духовномъ родствѣ съ ними, она должна была сильно отличаться, ибо возникла не въ народѣ, но въ другой, высшей сферѣ общества. Это листокъ отъ того же дерева, но съ другой вѣтви. Пѣвецъ, ее сложившій, былъ не изъ тѣхъ пѣвцовъ, о которыхъ я говорилъ выше. Завязавшаяся на Руси государственная жизнь тоже требовала пѣвцовъ, но дала другой предметъ для ихъ пѣсень.

Около княжескаго двора сосредоточивались люди, которые, и въ языческій еще періодъ, были, вѣроятно, развитѣе остальной массы народа, пахарей и звѣролововъ, уже вслѣдствіе своего политическаго положенія, приводившаго ихъ въ столкновеніе съ народами Азіи и Европы. Это была — дружина, дворъ князя, и почетные гости—купцы. Купцы издревле ходили большими караванами, вооруженные, по всѣмъ внутреннимъ рѣкамъ Россіи, и въ Біармію для торговли съ далекимъ чудскимъ сѣверомъ, и на Волгу для торговли съ Болгарами и Арабами, и за моря Балтійское и Черное. Въ дружину и дворъ князя новыя понятія, новыя удобства жизни входили черезъ походы, браки, посольства, пріемъ разнородныхъ гостей. Съ принятіемъ христіанской вѣры, которое было слѣдствіемъ этихъ столкновеній, эта среда вѣроятно одна и воспользовалась ея благами и, главное, школами. Кіевъ становится центральнымъ политическимъ пунктомъ Руси, и перепутьемъ торговли сѣвера и юга, запада и востока. Латинская пропаганда въ немъ долго не уступаетъ господства Грекамъ, судя по посла-

ніямъ первыхъ нашихъ митрополитовъ и святыхъ мужей, старавшихся оградить свою паству отъ козней латинства: „Исполнися и наша земля тыя злыя вѣры людій“, писалъ св. Ѳеодосій великому князю Изяславу. Германскій императоръ не спускаетъ глазъ съ Руси, чтобъ обратить ее въ вассальное свое владѣніе. Болеславъ Польскій получаетъ отъ папы королевскую корону съ тѣмъ, чтобъ устремить свои силы на подчиненіе папскому престолу „русскихъ язычниковъ“. Королевскую же корону предлагаютъ и нашимъ князьямъ — за отступничество. Князья Ярославова дома женятся на иностранныхъ принцессахъ, съ которыми разный заморскій людъ входитъ въ русскія семьи. Княжны выходятъ замужъ за иностранныхъ владѣтелей; назовемъ хотя трехъ дочерей Ярослава, вышедшихъ за королей французскаго, венгерскаго, норвежскаго; сестру Мономаха (неизвѣстно — родную или двоюродную), бывшую за германскимъ императоромъ Генрихомъ IV, бѣжавшую къ графинѣ Матильдѣ въ Каноссу, судившуюся съ мужемъ передъ папою и соборомъ и умершею монахиней въ Россіи... Въ Кіевѣ видимъ пеструю толпу иностранцевъ, греческихъ художниковъ, сирійскихъ и армянскихъ врачей, Хазаръ, Евреевъ изъ Тавриды, Нѣмцевъ и всякаго рода наемныхъ дружинниковъ датскихъ и свейскихъ. Всѣхъ привлекала въ Кіевъ — кого работа, ибо изъ Кіева требовались мастера всякаго рода и въ другіе города, кого торговля, кого щедрость и радушіе князей, кого веселая, вольная жизнь; чаровницы-жены кіевскія славились повсюду: Капуей для двухъ армій двоихъ польскихъ королей былъ этотъ свѣтлый Кіевъ...

И слава о немъ разнеслась между народами: о немъ пишутъ Арабы и Нѣмцы; Адамъ Бременскій, знавшій его по наслышкѣ, называетъ его столицей, соперницей Константинопольскаго престола, красой и славой Греціи. О русскихъ мѣхахъ, которыми щеголяла современная знать въ Европѣ, онъ говоритъ, что ихъ жаждали всѣ также пламенно, какъ и царствія небеснаго. Въ Нибелунгахъ, въ ихъ обработкѣ XII вѣка, между народами Атиллы упоминаются Кіевляне. Какъ бы въ отвѣтъ имъ, пѣвецъ Игоря говоритъ: „Нѣмци и Венедици (вѣроятно, Венеціяне), Греки и Морава поютъ славу Святославу“ (Всеволодовичу Кіевскому). При тѣсныхъ сношеніяхъ всякаго рода съ Венгріей, Польшей и другими славянскими землями, Русь—то есть, ея высшее общество — какъ бы входитъ въ общую семью европейскихъ народовъ: Галичь скоро потомъ въ ней и запутывается... Поставленное въ такое положеніе это общество должно было выдвинуться своимъ образованіемъ и развитіемъ изъ народа; потребности, вкусъ, понятія его развивались; мы видимъ въ немъ моды, заимствуемыя не только изъ Греціи, но и съ Запада, напримѣръ латинскіе шлемы въ Словѣ о Полку Игоровѣ, какихъ-то шпилеровъ *) посреди гудцовъ и сопѣльниковъ. Но образованіе это, приливаясь изъ другихъ источниковъ, должно было отличаться отъ того, какое было въ монастыряхъ. Хотя въ XII вѣкѣ на Руси уже давно зажглись и сіяли

*) См. И. И. Срезневскаго. Древніе памятники русскаго письма и языка въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, т. X. стр. 548.

эти свѣтильники вѣры и науки, но на свѣтскомъ обществѣ лучи ихъ еще скользили, такъ сказать, по поверхности. При появленіи духовнаго лица въ княжескую гридницу, князь убиралъ поспѣшно и плясуновъ и „шпилеровъ“ и всѣхъ своихъ потѣшниковъ, „иже басни баютъ и въ гусли дудуть“ и пѣсни поютъ. Съ точки зрѣнія святыхъ мужей, дворъ княжескій былъ полонъ соблазна не только въ томъ смыслѣ, что тамъ царствуетъ прелесть міра и обуреваютъ душу погибельныя страсти, но и потому, что онъ исполненъ былъ всякаго „поганьства“, т. е. язычества, и иноземщины, и въ писаніяхъ своихъ они горько сѣтуютъ на то, что внѣ монастырскихъ стѣнъ господствуетъ еще полное двоевѣріе, то есть что рядомъ съ христіанскими вѣрованіями уживаются вѣрованія и обычаи языческія. На разныхъ княжескихъ семействахъ XI и XII вѣковъ можно прослѣдить степени этого двоевѣрія, сравнивъ характеръ и судьбы князей, напримѣръ, дома Мономаха, сына греческой царевны, Святополка, женатаго на половецкой княжнѣ, Всеслава-кудесника, правнука гордой язычницы Рогнѣды, выросшаго въ Кривской землѣ, сосѣдней съ таинственнымъ литовскимъ язычествомъ. Къ сожалѣнію, по лѣтописямъ намъ трудно уловить истинную картину и колоритъ этого высшаго свѣтскаго общества, ибо лѣтописи ведены людьми, вполнѣ отрѣшившимися отъ языческаго преданія, смотрѣвшими на событія своей земли съ точки зрѣнія христіанской догмы и византійской учености и притомъ писавшими лѣтописи не безъ назидательной цѣли. Но одна уже двойственность именъ князей (исчезающая только въ татарскій періодъ), указываетъ наглядным образомъ

на это двоевѣріе: церковь знаетъ Георгія, Михаила, Гавріила, Василія, а въ дружинѣ и въ народѣ это – Ярославы, Святополки, Всеволоды, Владиміры. О самихъ князьяхъ въ дружинѣ и въ монастырѣ судятъ различно. Житія упоминаютъ укорительно напримѣръ о князѣ Ростиславѣ (братѣ Мономаха), который застрѣлилъ инока, за что послѣдній и предрекъ ему лютую смерть: князь утонулъ; пѣвецъ же Игоря посвящаетъ этому князю нѣсколько весьма сочувственныхъ словъ... Наконецъ самъ Игорь въ Словѣ и тотъ же Игорь въ лѣтописи: это два совершенно разныя лица.

Въ этомъ-то обществѣ, выдѣлившемся изъ почти совсѣмъ языческаго народа, но съ нимъ тѣсно связанномъ преданіями и обычаями, развитомъ вслѣдствіе своего политическаго положенія, озаренномъ сверху христіанствомъ; въ обществѣ вѣроятно большею частью грамотномъ (князья пишутъ другъ другу письма, собираютъ книги, многіе, по извѣстіямъ, собраннымъ у Татищева, знаютъ по гречески и по латыни)—пѣвцы съ незапамятныхъ временъ были необходимыми членами. Еще М. П. Погодинъ выразился, что съ самыхъ древнихъ временъ мы видимъ нашихъ князей окруженныхъ баянами-пѣвцами, какъ сѣверныхъ конунговъ, окруженныхъ скальдами. Какъ и калики перехожіе, эти пѣвцы тоже проводили жизнь свою въ странствіяхъ, но или въ свитѣ князей, или переѣзжая отъ двора къ двору, отъ князя къ князю, знали также Русскую землю, какъ и калики, но съ другой стороны: они знали Русь политическую, всѣхъ князей современныхъ и прежнихъ, ихъ дѣла и ихъ исторію, но опять не по лѣтописямъ, а

по пѣснямъ баяновъ стараго времени, по разсказамъ дружинниковъ — по памяти народной.

Отъ этого взглядъ ихъ и лѣтописцевъ на этихъ князей часто расходился, и едва-ли же не на ихъ сторонѣ было болѣе вѣрное пониманіе дѣлъ на Руси—судя по тому, какъ это взглядъ выражается у пѣвца Игорева. „Славить, пѣть славу“ хозяину и гостямъ — старинный обычай славянскихъ народовъ; хвалиться славой отца и дѣда, т. е. подвигами ихъ, воспѣтыми пѣвцами (побѣждаютъ, „звонячи въ прадѣднюю славу“), вотъ на что нужны были князьямъ пѣвцы, и они переманиваютъ ихъ въ свой дворъ, честятъ ихъ, ссорятся съ ними. Пѣвцы эти, разумѣется, находятся въ тѣснѣйшей зависимости съ опускающимся или подымающимся уровнемъ образованія среды, въ которой живутъ, — и вотъ въ XII вѣкѣ ихъ пѣснь достигаетъ уже той высоты, какой мы дивимся въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Мы видимъ въ немъ, что пѣвецъ выражается о соловьѣ стараго времени, о Боянѣ, какъ о пѣвцѣ, принадлежащемъ къ совершенно другому литературному періоду, и относится къ знаменитости прежняго времени съ уваженіемъ, но уже какъ къ знаменитости устарѣвшей, подобно тому какъ Пушкинъ относился къ барду Екатерининскаго вѣка — къ Державину. По описанію пѣвца Игорева видно, что пѣснь Бояна была въ родѣ пѣсни скальда или сербскаго гусляра, импровизовавшаго ее тотчасъ по совершеніи подвига, которой предстояло воспѣть: возлагалъ Боянъ персты на вѣщія струны, и струны сами рокотали славу князьямъ; мыслью своею онъ, какъ орелъ, ширялъ по под-

небесью и сѣрымъ волкомъ рыскалъ по чистому полю. Боянову творчеству пѣвецъ противополагаетъ свой литературный періодъ, „былины сего времени“, и изъ его Слова мы можемъ видѣть, каковы эти былины. Пѣвецъ очевидно уже силенъ въ книжномъ ученіи; не чуждъ, можетъ быть, знакомства съ какими-нибудь классическими твореніями,—если не изъ первыхъ рукъ, то, можетъ быть, чрезъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Это явствуетъ изъ его введенія — обращенія къ Бояну, напоминающаго классическія обращенія къ музѣ; изъ отступленій, не мѣшающихъ однако стройному расположенію частей; можетъ быть, изъ болѣе осмысленнаго олицетворенія миѳическихъ существъ (въ дѣвѣ Обидѣ); изъ созданія характеровъ дѣйствующихъ лицъ: Игоря, одареннаго имъ всею прелестью образа Гектора, Святослава Кіевскаго — этого Пріама его пѣсни; изъ грамматическаго строя рѣчи, и наконецъ изъ самой внѣшней формы поэмы, которая очевидно *писана*, и писана мѣрною прозой, приспособлявшейся вѣроятно къ пѣнью, по образцу, можетъ быть, церковныхъ каноновъ и псалмовъ, только на другіе мотивы *).

Эта пѣснь — есть одинъ живой голосъ изъ пестрой свѣтской жизни древней Кіевской Руси, дошедшій до насъ, и вотъ почему

*) Высказываю здѣсь мое предположеніе о внѣшней формѣ Слова, потому что вопросъ, какъ оно писано, прозой или стихами, долго занималъ нашихъ критиковъ, и всѣ строили множество догадокъ: собственно тутъ ни проза, ни стихи. Мнѣ кажется, что если читать Слово на распѣвъ, то мы болѣе всего подошли бы къ настоящему дѣлу.

она занимаетъ такое уединенное мѣсто посреди другихъ памятниковъ письменности этой эпохи, большею частью исходившихъ изъ другой среды. Вся литература, изъ которой она только отрывокъ, погибла, и конечно, ея полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія книгохранилища, былъ главною причиною ея гибели, хотя, разсматривая лѣтописи, мы видимъ въ числѣ источниковъ лѣтописца во многихъ мѣстахъ и эти свѣтскія сказанія *), сквозящія сквозь общій монастырскій лакъ, который на нихъ наводилъ инокъ въ своемъ пересказѣ. Лѣтопись о древнѣйшихъ временахъ — о Рюрикѣ, объ Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, и пр. очевидно написана по пѣснямъ, которыя сложены были въ свое время пѣвцами дружины. Вѣкъ Ярослава и дѣтей его—вѣкъ знаменитаго Бояна... Гг. Буслаевъ и Шевыревъ воспользовались всѣми данными, чтобы возстановить образъ этого Державина древней Руси: нельзя ли въ лѣтописи найти еще нѣсколькихъ чертъ? Всматриваясь въ лѣтопись объ его временахъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ ней тамъ и сямъ мелькаютъ чудныя поэтическія черты и цѣлыя картины. Вспомнимъ хоть бой Мстислава съ Редедей, или бой того же Мстислава съ Ярославомъ при Лиственѣ,—ночью, во время грозы: это блистаніе молніи и блистаніе оружія, этотъ красавецъ Якунъ, потерявшій въ битвѣ свою луду златую (золотой плащъ)—все это, можетъ быть, сквозь мракъ вѣковъ, сквозь монашескую призму лѣтописца, сгладившаго

*) См. Бестужева-Рюмина: О Составѣ Русскихъ Лѣтописей.

въ этой пѣснѣ все языческое, замѣнившаго въ ней воззванія къ Перуну, къ Дажьбогу, и пр. воззваніями къ Пресвятой Богородицѣ, все это, можетъ быть, дошедшіе до насъ отблески Бояновaго пѣснотворства... Чѣмъ дальше идетъ лѣтопись, тѣмъ очевидно все полнѣе и шире матеріалъ подъ рукой лѣтописца. Попадаются цѣлыя мѣста, просто переписанныя имъ съ свѣтскаго пѣвца, напримѣръ, прелестный разсказъ о гудцѣ, загнанномъ за Кавказскія горы съ толпой Половцевъ, Владиміромъ Мономахомъ; многія мѣста въ разсказѣ войнъ послѣдняго; въ разсказѣ о Липицкой битвѣ; объ Изяславѣ Мстиславичѣ, и пр.

Но кромѣ лѣтописей, слѣды этой литературы княжескихъ пѣвцовъ ощутимы еще въ пѣсняхъ народныхъ. Въ Сборникѣ Рыбникова есть цѣлый отдѣлъ пѣсень удѣльнаго періода или княжескихъ. Это, безъ сомнѣнія, творенія княжихъ пѣвцовъ, перешедшія позже въ уста пѣвцовъ народныхъ, въ которыхъ они потеряли свой литературный типъ, приблизясь къ общебылинному складу, перепутались въ собственныхъ именахъ, и, вообще въ теченіи вѣковъ сгладились въ своихъ особенностяхъ, какъ круглятся и сглаживаются камни, катимыя водою. По одному отрывку Волынской лѣтописи, мы можемъ напр. заключить, что Романъ Галицкій современникъ Сѣверскихъ князей, воспѣтыхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ, былъ воспѣтъ въ такой же поэмѣ, къ которой принадлежитъ вѣроятно и отрывокъ о гудцѣ половецкомъ, и что многое изъ этой поэмы вошло въ лѣтопись. Въ Сборникѣ Рыбникова есть былина „о двухъ Ливикахъ“, въ которой, сквозь общія былинныя краски,

ясно проглядываетъ ея основа — эта пѣснь, и очень еще живо сохранился грозный образъ Романа, хотя онъ вмѣсто Мстиславича и названъ Дмитріевичемъ, и вмѣсто Волынскаго или Галицкаго, названъ княземъ Московскимъ. Наказавъ литовскихъ князей, онъ отпускаетъ ихъ и говоритъ:

„Скажите Цимбалу, королю Литовскому,
Что Московскій князь, Романъ Дмитріевичь
Старостью не старѣетъ,
Голова его не сѣдатѣетъ,
Сердце его не ржавѣетъ,
Слава ему вѣкъ по вѣку не минуетъ!“

Таково же, вѣроятно, происхожденіе и пѣсни „о Настасьѣ, королевишнѣ Политовской“ и тоже „о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой“, подновленныхъ потомъ въ пѣсни „о Ванькѣ Ключникѣ и князѣ Волконскомъ“; пѣсень: „о князѣ Михаилѣ“ (которую г. Чаевъ воспроизвелъ въ своей драмѣ „Свекровь“), „о смерти княгини Михайловны“, и пр.

Нельзя довольно нарадоваться, что хоть одна пѣснь изъ этой литературы — Слово о Полку Игоревѣ, дошла до насъ! Въ ней одной, можетъ быть, больше историческихъ откровеній, чѣмъ въ массѣ драгоцѣнныхъ, но однообразныхъ лѣтописныхъ повѣствованій! Это голосъ самой жизни, а не судъ наблюдателя надъ ея бурнымъ кипѣніемъ! Одинъ языкъ Слова о Полку Игоревѣ, кова-

ный, сжатый, сильный, живописный, рисуетъ намъ цѣлое поколѣніе, къ которому принадлежитъ пѣвецъ. И какое это было поколѣніе! Правда, государственная связь областей въ то время рушилась, но не оттого ли и рушилась она, что то былъ вѣкъ могучихъ личностей? Болѣе могучіе между ними не поддались однако, не дали погибнуть государственной идеѣ; одни, какъ Андрей Боголюбскій и Всеволодъ Большое Гнѣздо, о которомъ пѣвецъ говоритъ: „ты можешь Волгу веслами раскропити, а Донъ шеломами вычьяти“, уходятъ на лѣсной сѣверъ, и укрѣпляясь тамъ, борятся за государственное начало, пытаясь подобрать подъ свою руку князей удѣльныхъ. Другіе, какъ напримѣръ, Романъ Галицкій, „высоко возлетающій въ замыслахъ своихъ, что соколъ ширяяся на вѣтрехъ, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти“, по выраженію пѣвца, — тоже замышляетъ на югѣ. Зоркій папа Иннокентій III, ревностнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ стремившійся къ покоренію подъ десницу свою всего христіанскаго міра, разглядѣлъ издали этого Романа, и, льстя его честолюбію, обѣщалъ, лишь бы онъ призналъ главенство папы, вѣнчать его королевскою короною и вознести надо всею русскою землею посредствомъ меча св. Петра: „А такой ли мечъ у папы“, отвѣчалъ Романъ, обнажая свой мечъ, и указывая на него: „доколѣ ношу его при бедрѣ, не нуждаюсь въ иномъ“. Рядомъ съ этими мужами стоитъ Ярославъ Остромыслъ Галицкій, что̀ „горы Угорскія подперъ своими желѣзными полками“, и отъ златаго престола котораго „по землямъ текутъ грозы“... За нѣсколько лѣтъ до по-

хода Игоря умеръ Мстиславъ Храбрый (1180), который навыкъ „отъ юности своея не бояться никого, кромѣ Бога единаго“... За этими князьями стоятъ, пожалуй, менѣе талантливые, но не менѣе крѣпкіе мужи — какъ Святославъ Кіевскій, который возобновилъ времена и славу Мономаха, явясь грозою Половцевъ: налетѣвъ словно вихрь, онъ исторгъ изъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ ихъ когана, поганаго Кобяка, и упалъ Кобякъ въ золотую гридню его въ Кіевѣ плѣнникомъ; или какъ Рюрикъ Ростиславичъ, который семь разъ добывалъ и терялъ Кіевъ, со злата стола его былъ постриженъ въ монахи, сбросилъ рясу и добылъ таки опять Кіевъ... Далѣе подростаетъ Даніилъ Галицкій, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой. Этотъ Мстиславъ, между всѣми князьями XII и начала XIII вѣка, какъ-то выходитъ изъ общаго княжескаго склада, является всегда какимъ-то странствующимъ витяземъ земли Русской туда, гдѣ надобно кого нибудь защитить. „Кланяюсь святой Софіи, гробу отца моего (Мстислава Храбраго) и всѣмъ Новгородцамъ: я пришелъ къ вамъ, слыша, что вы терпите насиліе отъ князей: жаль мнѣ стало своей отчины“, говоритъ онъ, являясь въ Новгородѣ. Устроивъ побѣдами дѣла Новгородцевъ, онъ уходитъ отъ нихъ, говоря, что „у него есть дѣла на Руси“. То идетъ ратью возстановлять попранное право старѣйшинства въ Суздальской землѣ, то ѣдетъ на югъ вырывать Галичъ изъ рукъ Венгровъ... Званія великокняжескаго не ищетъ, побѣждаетъ, но волостей не беретъ; воюетъ наконецъ въ Польшѣ, и погибаетъ отъ ранъ Богъ знаетъ за какое дѣло!.. Имя этого

князя въ лѣтописяхъ часто попадается рядомъ съ именами богатырей. „Вы знаете каковъ есть Мстиславъ Мстиславичъ“, говорилъ старый бояринъ Андрей Станиславичъ молодымъ князьямъ Юрью и Ярославу Всеволодовичамъ, „вы знаете, что ему отъ Бога храбрость дана паче всѣхъ, и есть у него мужи храбрые зѣло, и великіе богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слышатъ на себѣ ранъ“. Между этими богатырями находятся и Александръ Поповичъ со слугою Торопомъ, и Добрыня Рязаничъ Златой Поясъ (которые позже и появились въ былинахъ подъ именами Алеши Поповича со слугою же Екимомъ Ивановичемъ, и Добрыня Никитичъ *). Богатырей особенно много встрѣчается въ лѣтописяхъ этой эпохи; кромѣ двухъ названныхъ, ихъ семьдесятъ человѣкъ убито на Калкѣ. Не по образу ли ихъ сложился этотъ князь? Не связанъ ли былъ съ ними побратимствомъ? И жизнь его не подаетъ ли намъ повода къ разъясненію и того, что́ такое были эти богатыри, люди Божіи, какъ ихъ называли, богатыри, воспѣтые въ свое время пѣвцами и передавшіе потомъ свои имена миѳическимъ героямъ Солнечной эпопеи?

Вотъ современники Слова о Полку Игоревѣ и его пѣвца, въ кругу которыхъ приходилось ему пѣть... Я говорилъ только о

*) Никита — родовое имя любимыхъ народомъ свойственниковъ Іоанновыхъ, бояръ Романовыхъ: не съ этихъ-ли временъ оно и привязалось къ Добрынѣ и породнило его съ Владиміромъ? Не Романовы-ли вообще послужили къ созданію типа былиннаго боярина, сподвижника Ильи Муромца, такъ какъ вообще та редакція былинъ, въ какой онѣ дошли до насъ, болѣе всего отражаетъ на себѣ время Іоанновъ.

князьяхъ: но духъ князей жилъ и въ ихъ дружинѣ. Понятно, чтобы пѣть этимъ богатырямъ, чтобы заставить ихъ себя слушать, надобно было имѣть и сродную имъ душу, самому быть этого закала, а закалъ этотъ такъ и звенитъ въ кованомъ языкѣ Слова... Но сколько еще чертъ въ этомъ Словѣ, которыя возвышали умъ и сердце пѣвца, можетъ быть, надо всѣмъ его поколѣніемъ!

Кто же такой былъ этотъ пѣвецъ? Увы, извѣстій о немъ нѣтъ... но вся біографія его—въ его пѣсни... Нерѣдко у нашихъ критиковъ, рядомъ съ этимъ вопросомъ: кто былъ пѣвецъ? встрѣчается такое размышленіе: „Странно, что пѣвецъ для своей пѣсни избралъ незначительный и несчастный походъ Сѣверскихъ князей, когда, желая воспѣть бои Русскихъ съ Половцами, онъ могъ бы взять предметомъ своего пѣснопѣнія войны Владиміра Мономаха, болѣе громкія и болѣе дающія разгула фантазіи.“ Но во первыхъ, пѣвецъ, можетъ быть, и сдѣлалъ очеркъ или поэтическую характеристику войнъ Мономаха въ той же пѣсни объ Игорѣ, судя по его словамъ: „почнемъ же, братіе, пѣснь сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря,“ но эта часть его поэмы для насъ потеряна *). Во вторыхъ: эти войны были, безъ сомнѣнія, въ свое время воспѣты: въ разсказѣ о нихъ лѣтописца сквозятъ и свѣтскія сказанія **). Но главное, вопросъ, почему пѣвецъ вы-

*) См. примѣч. 3.

**) Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ разсказѣ встрѣчаются выраженія, обороты и образы, напоминающіе нашего пѣвца, т. е. манеру свѣтскихъ пѣв-

бралъ для пѣснопѣнія своего походъ Игоревъ, разрѣшается самою поэмой. Вѣрность, реальность красокъ—эти стаи птицъ, провожающихъ войско; эти клекчущіе орлы, лисицы, брешущія на червленые щиты; эта чудная идиллія бѣгства Игоря, его рѣчь къ Донцу: эти дятлы, ползающіе по вѣтвямъ и тектомъ путь ему указующіе; этотъ вѣтеръ, шатающій вежи половецкія; этотъ скрыпъ телѣгъ кочевниковъ, ночью, подобный крику всполошенныхъ лебедей; битва, этотъ буй-туръ Всеволодъ, въ свалкѣ посвѣчивающій своимъ золотымъ шеломомъ,—вся эта живая обстановка, взятая прямо съ натуры—ясно говоритъ, что пѣснь объ Игорѣ, не есть риторическое упражненіе на заданную тему. Вы чувствуете, пѣвецъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ похода, да и плѣна, и тамъ въ плѣну, въ степи, и сложилась въ умѣ его вся поэма. Только тамъ, вдали отъ родины, и долженъ былъ выработаться въ душѣ пѣвца, просвѣтленной несчастіемъ, тотъ объективный, высокій взглядъ на дѣла Руси, страдающей, при единствѣ народа, отъ

цовъ, напр. „Половце выступиша яко борове велиціи и тьмами темъ обступали полки русскіе... Полки сразившимися челома тресну аки громъ, (*тресну*—вспомнимъ: „кликну, стукну земля“ въ Сл. о П. Иг.). и бывшу сступу и брани крѣпце, *Богъ вышній воззрѣ* на иноплеменниковъ съ гнѣвомъ...“ Такъ и видишь, что въ мірской пѣсни это былъ тотъ же свѣтъ въ борьбѣ со тьмой, его окружившей, и явившійся Богъ вышній былъ Дажьбогъ, помогающій своему внуку... Картина русскихъ плѣнниковъ, влекомыхъ въ степь Половцами, изнуренныхъ и уязвляемыхъ въ пути терніемъ, спрашивающихъ другъ друга: „ты изъ какого града, ты изъ какого села?“... и множество другихъ мелкихъ чертъ заставляютъ подозрѣвать твореніе княжаго пѣвца передъ глазами лѣтописца, который переводилъ его на свой монастырскій языкъ.

розни князей; тамъ должно было такъ живо заговорить его чувство любви къ родинѣ и сообщить душу его пѣсни. И въ какой же моментъ вдругъ въ его поэмѣ прорывается эта мысль и это чувство? Полки разбиты, Игоря ведутъ въ плѣнъ, и вотъ надъ полемъ битвы появляется миѳическая дѣва-Обида, какъ вопль падшихъ, преслѣдующій князя увлекаемаго въ плѣнъ. Ясно, что въ этомъ образѣ олицетворены терзанія и укоры Игоря самому себѣ, все что́ сказалось въ долгихъ бесѣдахъ у пѣвца съ княземъ въ ставкѣ половецкой, чѣмъ князь такъ полюбился пѣвцу и чѣмъ такъ привлекателенъ въ его пѣсни. Той же мыслью и тѣмъ же чувствомъ освѣщенъ у пѣвца и образъ представителя Руси, великаго князя старца Святослава, на котораго издали устремлены очи плѣнниковъ, и отъ котораго они ждутъ себѣ спасенія. „Старику-бъ помолодѣть не диво“, говоритъ Святославъ, „да бѣда — въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помоги“. Онъ заклинаетъ ихъ всѣхъ подняться за Русскую землю, за Игоревы раны; напоминаетъ имъ идеалъ временъ Мономаха, умѣвшаго направлять всѣхъ князей, всѣ силы Руси, на варваровъ. Во имя этого идеала онъ произноситъ судъ надъ тѣми князьями, которые, какъ Полоцкіе, какъ бы выдѣлились изъ единой Руси... Эпизодъ о Ярославнѣ, какъ видѣлъ ее Игорь въ послѣдній разъ на стѣнѣ въ Путивлѣ, — даетъ поводъ пѣвцу очертить ея образъ въ трогательныхъ жалобахъ, въ обращеніяхъ къ вѣтру, въ водѣ и солнцу (замѣтимъ мимоходомъ, что лѣтописецъ заставилъ бы ее обращаться съ молитвою къ Пречистой Дѣвѣ и Божьему заступничеству). Словомъ, все застав-

ляетъ насъ думать, что вся эта пѣснь возникла изъ міра мыслей и чувствъ, тамъ, въ степи, въ плѣну достигшихъ своей высшей напряженности и тѣмъ сдѣлавшихъ для пѣвца этотъ походъ важнѣе всѣхъ прежнихъ, болѣе счастливыхъ войнъ Русскихъ князей съ Половцами...

Намъ слово о Полку Игоревѣ стало извѣстно съ 1795 года, когда отыскалъ его въ одномъ сборникѣ почтенный любитель старины, графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Въ 1880 году графъ издалъ текстъ и свой переводъ. Недавно академикомъ Пекарскимъ найденъ въ бумагахъ Екатерины II другой списокъ, сдѣланный графомъ же для императрицы. Къ несчастію, самый сборникъ сгорѣлъ въ Московскомъ пожарѣ 1812 года, и мы должны довольствоваться только этимъ новымъ спискомъ и изданіемъ Мусина-Пушкина; оригинальный списокъ принадлежалъ XIV столѣтію. Появленіе Слова въ печати сдѣлало эпоху въ нашемъ литературномъ мірѣ, особенно когда подлинность этой пѣсни скрѣпилъ своею подписью тогдашній нашъ историческій оракулъ въ Гетингенѣ — Шлецеръ. „У насъ свой Оссіанъ, у насъ были свои барды“, повторялось на тысячи ладовъ. Писались статьи и трактаты, и доказывалось, что Слово о Полку Игоревѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ героической поэмы; отдѣльно толковали „о чудесномъ“, необходимомъ элементѣ героическихъ поэмъ, объ умѣньи пѣвца пользоваться имъ. Но посреди хвалителей явились и скеп-

тики, отрицавшіе и Оссіана, и бардовъ, и всякую возможность такого литературнаго произведенія въ древней Руси, и видѣвшіе въ Словѣ позднѣйшую поддѣлку; полякъ Годебскій, не обинуясь, объявилъ, что Мусинъ-Пушкинъ самъ сочинилъ эту пѣснь. Находили въ ней анахронизмы. Позже, Сенковскій видѣлъ въ ней даже галлицизмы. Война изъ-за Слова особенно разгорѣлась, когда во главѣ скептиковъ сталъ человѣкъ богатый знаніями—Каченовскій и перенесъ споръ изъ области эстетики въ область исторіи. Долго споръ былъ неравенъ. Неравенъ онъ былъ, когда Каченовскій царилъ на кафедрѣ Московскаго Университета, а графъ Уваровъ привезъ на лекцію его Пушкина. „Вотъ, господа, сказалъ онъ студентамъ, указывая на Каченовскаго,—вотъ передъ вами наука, а вотъ, — указывая на Пушкина, — само искусство!“ Каченовскій сталъ читать лекцію о Словѣ о Полку Игоревѣ и уничтожать его. Пушкинъ, давно лелѣявшій мысль передать пѣснь объ Игорѣ своимъ стихомъ, не выдержалъ и пустился защищать. „Помню“, сказывалъ мнѣ очевидецъ, тогдашній студентъ *)—тотъ мой пріятель, о которомъ я говорилъ въ началѣ этого очерка — „помню, какъ сквозь сѣдины Каченовскаго проступалъ яркій румянецъ, и какъ горѣли глаза Пушкина“... Бой былъ неравенъ, судя по впечатлѣнію пріятеля: онъ и теперь еще, кажется, болѣе на сторонѣ профессора, — и не мудрено! Пушкинъ угадывалъ только чутьемъ то, что уже послѣ него подтвердила новая школа филологіи неопровержимыми данными; но этого оружія она еще не имѣла въ

*) Ив. Ал. Гончаровъ.

его время, и поэтъ не могъ разорвать хитросплетенной паутины „злого паука“.

Не безъ робости рѣшаюсь напечатать свой трудъ, не смѣя самъ себѣ сказать, что я его кончилъ. Взглядъ, который я рѣшился выразить въ этомъ очеркѣ, взглядъ, ставящій Слово въ гармонію съ его временемъ, мнѣ кажется единственный, устраняющій возраженія противъ случайности его появленія въ XII вѣкѣ: не знаю, довольно ли ясно и убѣдительно съумѣлъ я его высказать. Рѣшаюсь печатать въ надеждѣ: не удостоятся ли мои четырехлѣтнія занятія Словомъ вниманія и замѣчаній отъ людей болѣе меня знающихъ. Мною принятъ былъ за основаніе сводный текстъ обоихъ списковъ, сдѣланный г. Пекарскимъ. Онъ писанъ въ строку, безъ красныхъ строкъ, безъ дѣленій на главы, введенныхъ прежними издателями. Я старался по возможности сохранить слова и выраженія подлинника; если допускалъ прибавку лишнихъ словъ, то имѣя въ виду одно: вызвать въ умѣ нынѣшняго читателя тотъ образъ, который имѣлъ въ виду пѣвецъ, и который возбуждался въ воображеніи его слушателей XII вѣка; пѣвцу для того довольно было двухъ-трехъ чертъ, ибо онъ говорилъ ихъ языкомъ, ихъ метафорами, ихъ понятіями и преданіями. Впрочемъ эти прибавки касаются почти только однихъ „темныхъ“ мѣстъ Слова, которыя каждый толкуетъ по своему.

Слово о Полку Игоревѣ.

Не начать ли нашу пѣснь, о братья,
Со сказаній о старинныхъ браняхъ, — (1)
Пѣснь о храброй Игоревой рати
И о немъ, о сынѣ Святославлѣ!
И воспѣть ихъ, какъ поется нынѣ,
Не гоняясь мыслью за Бояномъ!
Пѣснь слагая, онъ, бывало, вѣщій,
Быстрой векшей по лѣсу носился (2),
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что орелъ, ширялъ подъ облаками!
Какъ воспомнитъ брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пуститъ
Десять быстрыхъ соколовъ въ догонку:
И какую первую настигнетъ,
Для него и пѣсню пой та лебедь, —

Пѣсню пой о старомъ Ярославѣ ль,
О Мстиславѣ ль, что въ бою зарѣзалъ,
Поборовъ, Касожскаго Редедю,
Аль о славномъ о Романѣ Красномъ...
Но не десять соколовъ то было;
Десять онъ перстовъ пускалъ на струны,
И князьямъ, подъ вѣщими перстами,
Сами струны славу рокотали!..

Поведемъ же, братія, сказанье
Отъ временъ Владиміровыхъ древнихъ,
Доведемъ до Игоревой брани,
Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ,
Наострилъ отвагой храброй сердце,
Распалился славнымъ ратнымъ духомъ
И за землю Русскую дружины
Въ степь повелъ на хановъ половецкихъ (3).

* У Донца былъ Игорь, только видитъ —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрѣлъ на свѣтлое онъ Солнце —
* Видитъ: Солнце—что двурогій мѣсяцъ
* А въ рогахъ былъ словно уголь горящій;
* Въ темномъ небѣ звѣзды просіяли;
* У людей въ глазахъ пезеленѣло.

* „Не добра ждать“—говорятъ въ дружинѣ.
* Старики поникли головами:
* „Быть убитымъ намъ или плѣненымъ!“
Князь же Игорь: „Братья и дружина,
„Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!
* „Но кому пророчится погибель —
* „Кто узнаетъ, намъ или поганымъ?
„А посядемъ на коней на борзыхъ,
„Да посмотримъ синяго-то Дону!“
Не послушалъ знаменья онъ Солнца,
Распалясь взглянуть на Донъ великій! (4)
„Преломить копье свое“, онъ кликнулъ,
„Вмѣстѣ съ вами, Русичи, хочу я,
„На концѣ невѣдомаго поля!
„Или съ вами голову сложити,
„Иль испить златымъ шеломомъ Дону!“

О Боянъ, о вѣщій пѣснотворецъ,
Соловей временъ давно минувшихъ!
Ахъ, тебѣ бъ пѣвцомъ быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орломъ подъ сизы тучи,
Съ древней славой новую свивая,
Въ путь Трояновъ мчась чрезъ долъ на горы (5),
Воспѣвать бы Игореву славу!

То не буря соколовъ помчала,
То не стаи галчьи побѣжали
Чрезъ поля-луга на Донъ великій...
Ахъ, тебѣ бы пѣть, о внукъ Велесовъ!..

За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенитъ во Кіевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги *) красные въ Путивлѣ...
Поджидаетъ Игорь мила брата;
А пришелъ и Всеволодъ, и молвитъ:
„Игорь, братъ, единъ ты свѣтъ мой свѣтлый!
„Святославли мы сыны, два брата!
„Ты сѣдлай коней своихъ ретивыхъ,
„А мои осѣдланы ужь въ Курскѣ!
„И мои Куряне ль не смышлены!
„Повиты подъ бранною трубою,
„Повзросли подъ шлемомъ и кольчугой,
„Со конца копья они вскормлены! (6)
„Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
„Луки туги, тулы отворёны,
„Остры сабли крѣпко отточёны,

*) Стягъ — знамя.

„Сами скачутъ словно волки въ полѣ,
„Алчутъ чести, а для князя славы!..

И вступилъ князь Игорь во златъ стремень,
И дружины двинулись за княземъ.
Солнце путь ихъ тьмою заступало:
Ночь пришла — та взвыла, застонала,
И грозою птицъ поразбудила.
Свистъ звѣриный всталъ кругомъ по степи;
Высоко поднявшися по древу,
Черный Дивъ закликалъ, подавая (7)
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебѣ, болванъ Тмутороканскій!
И бѣгутъ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отвсюду
Отъ телѣгъ ихъ скрыпъ пошелъ,—ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Донъ великій держитъ,
А надъ нимъ бѣду ужь чуютъ птицы
И несутся слѣдомъ за полками:
Воютъ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетинясь, словно бурю кличутъ;
На красны щиты лисицы брешутъ,

А орлы, своимъ зловѣщимъ клектомъ,
По степямъ звѣрье зовутъ на кости...

А ужь въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила! (8)

Ночь рѣдѣетъ. Бѣлъ разсвѣтъ проглянулъ,
По степи туманъ понесся сизый;
Позамолкнулъ щекотъ соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
Въ полѣ Русь, съ багряными щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы.

И въ пятокъ то было; съ позаранья,
Потоптали храбрые поганыхъ!
По полю разсыпавшись, что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали половецкихъ,
Аксамиту, паволокъ и злата,
А мѣшковъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,
Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдалъ Игорь,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ,
Красный стягъ, серебряное древко,
Съ алой чолкой, съ бѣлою хоругвью.

Дремлетъ храброе гнѣздо Олега.
Далеко, родное, залетѣло!
„Не родились, знай, мы на обиду
„Ни тебѣ, быстръ соколъ, пестеръ кречетъ,
„Ни тебѣ, золъ воронъ Половчанинъ“...

А ужь Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ,
И Кончакъ за Гзакомъ имъ на встрѣчу...

И въ другой день, полосой кровавой,
Повѣщаютъ день кровавый зори...
Идутъ тучи черныя отъ моря,
Тьмой затмить хотятъ четыре солнца... (9)
Синія въ нихъ молніи трепещутъ...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрѣлами!
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы Половчанъ поганыхъ!

А ужь въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Вѣютъ вѣтры, ужь наносятъ стрѣлы,

На полки ихъ Игоревы сыплютъ...
Помутились, пожелтѣли рѣки,
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли ужь знамёна плещутъ...
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ,
И отъ Дона, и отъ синя моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду! (10)
Отовсюду бѣсовы исчадья
Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ:
Молча, Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны. (11)

Ярый туръ ты, Всеволодъ! стоишь ты
Впереди съ Курянами своими!
Прыщешь стрѣлами на вражьихъ воевъ,
О шеломы ихъ гремишь мечами!
Гдѣ ты, буй-туръ, ни поскачешь въ битвѣ,
Золотымъ посвѣчивая шлемомъ, —
Тамъ валятся головы поганыхъ,
Тамъ трещатъ аварскіе шеломы
Вкругъ тебя отъ сабель молодецкихъ!
Не считаетъ ранъ ужь онъ на тѣлѣ!
Да ему о ранахъ ли тутъ помнить,
Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
Отчій столъ, честны пиры княжіе

И своей красавицы княгини,
Той ли свѣтлой Глѣбовны, утѣхи,
Милый ликъ и ласковый обычай! (12)

Были вѣки темнаго Трояна (13),
Ярослава годы миновали;
Были брани храбраго Олега...
Тотъ Олегъ мечомъ ковалъ крамолу,
Сѣялъ стрѣлы по землѣ по Русской...
Затрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани:
Слышалъ трубы Всеволодъ великій (14),
И съ утра въ Черниговѣ Владиміръ
Самъ въ стѣнахъ закладывалъ ворота...
А Бориса ополчила слава,
И на смертный одръ его сложила
На зеленомъ полѣ у Канина... (15)
Палъ младъ князь, палъ храбрый Вячеславичъ,
За его жь, за Ольгову обиду!
И съ того зеленаго же поля,
На своихъ угорскихъ иноходцахъ,
Ярополкъ увезъ и отче тѣло (16)
Ко святой Софіи въ стольный Кіевъ.
И тогда жь, въ тѣ злые дни Олега,
Сѣялось крамолой и ростилось
На Руси отъ внуковъ Гориславы; (17)

Погибала жизнь Дажьбожьихъ внуковъ,
Сокращались вѣки человѣкамъ...
Въ дни тѣ рѣдко ратаи за плугомъ
На Руси покрикивали въ полѣ;
Только враны каркали на трупахъ,
Галки рѣчь вели между собою,
Далекѡ почуя мертвечину.

Такъ въ тѣ брани, такъ въ тѣ рати было,
Но такой, какъ Игорева битва,
На Руси не слыхано отъ вѣка!

Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломятся булатны,
Середи невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой степи!
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси—горемъ!..

Чтѡ шумитъ-звенитъ передъ зарею?

Скачетъ Игорь полкъ поворотити...
Жалко брата... Третій день ужь бьются!
Третій день къ полудню ужь подходитъ:
Тутъ и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тутъ и оба брата
На Каялѣ быстрой разлучились...
Ужь у храбрыхъ Русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Попоили сватовъ да и сами
Полегли за отческую землю!
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали приклонились...

Невеселый часъ насталъ, о братья!
Ужь пустыня скрыла поле боя,
Гдѣ легла Дажьбожья внука сила —
Но надъ ней стоитъ ея Обида...
Обернулась дѣвою Обида,
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины,
И крылами плещучи у Дона,
Въ синемъ морѣ плеща, громкимъ гласомъ
О годахъ счастливыхъ поминала: (18)

Отъ усобицъ княжихъ—гибель Руси!

„Братья спорятъ: то́ мое и это!
„Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
„На себя куютъ крамолу сами,
„А на Русь съ побѣдами приходятъ
„Отовсюду вороги лихіе!

„Залетѣлъ далече, ясный соколъ,
„Загоняя птицъ ко синю морю,—
„А полка ужь Игорева нѣту!
„На всю Русь поднялся вой поминокъ (19),
„Поскочила Скорбь отъ веси къ веси,
„И, мужей зовя на тризну, мечетъ
„Имъ смолой пылающіе роги...
„Жены плачутъ, слезно причитаютъ:
„Ужь ни мыслью милыхъ намъ не смыслить!
„Ужь ни думой ладъ своихъ не сдумать!
„Ни очами намъ на нихъ не глянуть,
„Златомъ, сребромъ намъ уже не звякнуть!

„Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ (20),
„Широко печаль течетъ по Руси;
„А князья куютъ себѣ крамолу,
„А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ,
„Собираютъ дань по бѣлкѣ съ дыму...
„А все храбрый Всеволодъ да Игорь!

„То они злолихо разбудили:
„Усыпилъ было его могучій
„Святославъ, князь Кіевскій великій...
„Былъ грозой для хановъ половецкихъ!
„Наступилъ на землю ихъ полками,
„Притопталъ ихъ холмы и овраги,
„Возмутилъ ихъ рѣки и озера,
„Изсушилъ потоки и болота!
„А того поганаго Кобяка,
„Изъ полковъ желѣзныхъ половецкихъ,
„Словно вихрь, исторгъ изъ лукоморья—
„И упалъ Кобякъ во стольный Кіевъ,
„Въ золотую гридню къ Святославу...
„Нѣмцы, Греки и Венеціяне,
„И Морава хвалятъ Святослава,
„И корятъ всѣ Игоря, смѣются,
„Что на днѣ Каялы половецкой
„Погрузилъ онъ русскую рать-силу,
„Рѣку русскимъ золотомъ засыпалъ,
„Да на ней же самъ съ сѣдла златаго
„На сѣдло кощея *) пересаженъ“.

---

*) Кощей—рабъ, плѣнникъ.

Въ городахъ затворены ворота (21).
Пріумолкло на Руси веселье.
Смутенъ сонъ приснился Святославу.

„Снилось мнѣ“, онъ сказывалъ боярамъ,—
„Что меня, на кипарисномъ ложѣ (22),
„На горахъ, здѣсь въ Кіевѣ, охъ, чернымъ
„Одѣвали съ вечера покровомъ;
„Съ синимъ мнѣ виномъ мѣшали зелье;
„Изъ поганыхъ половецкихъ туловъ
„Крупный жемчугъ сыпали на лоно;
„На меня, на мертвеца, не смотрятъ,—
„Въ терему жь золотоверхомъ словно
„Изъ конька повыскочили доски,—
„И всю ночь прокаркали у Плѣнска,
„Тамъ, гдѣ прежде дебрь была Кисаня (23),
„На подольѣ, стаи черныхъ врановъ,
„Проносясь несмѣтной тучей къ морю“...

Отвѣчали княжіи бояре:

„Умъ твой, княже, полонило горе!
„Съ златъ-стола два сокола слетѣли,
„Захотѣвъ испить шеломомъ Дону,
„Поискать себѣ Тмуторокани.

„И подсѣкли Половцы имъ крылья,
„А самихъ опутали въ желѣза!
Въ третій день внезапу тьма настала!
„Оба солнца красныя померкли,
„Два столба багряные погасли,
„Съ ними оба тьмой поволоклися
„И въ небесныхъ безднахъ погрузились,
„На веселье ханамъ половецкимъ,
„Молодые мѣсяцы, два свѣта—
„Володиміръ съ храбрымъ Святославомъ! (24)
„На Каялѣ Тьма нашъ Свѣтъ покрыла,
„И простерлись Половцы по Руси,
„Словно люты пардусовы гнѣзда!
„Ужь хула на славу нанеслася,
„Зла нужда ударила на волю,
„Черный Дивъ повергнулся на землю,
„Радъ, что дѣвы готскія запѣли
„По всему побрежью синя моря!
„Золотомъ позваниваютъ русскимъ,
„Прославляютъ Бусовы побѣды (25)
„И лелѣютъ месть за Шарукана...
„До веселья-ль, княже, тутъ дружинѣ!“

Изронилъ тогда, въ отвѣтъ боярамъ,

Святославъ изъ устъ златое слово,
Горючьми слезами облитое:

„Дѣтки, дѣтки, Всеволодъ мой, Игорь!
„Сыновцы (26) мои вы дорогіе!
„Не въ пору искать пошли вы славы
„И громить мечами вражью землю!
„Ни побѣдой, ни пролитой кровью
„Для себя не добыли вы чести!
„Да сердца то ваши удалыя
„На огнѣ искованы на лютомъ,
„Во отвагѣ буйной закалёны!
„Что теперь вы, дѣти сотворили
„Съ сѣдиной серебряной моею?
„Нѣтъ со мной ужь брата Ярослава! (27)
„Онъ ли сильный, онъ ли многоратный,
„Со своей черниговской дружиной! —
„А его Могуты и Татраны,
„Топчаки, Ревуги и Ольберы,
„Тѣ съ ножами, безъ щитовъ, лишь кликомъ,
„Бранной славой прадѣдамъ ревнуя,
„Побѣждаютъ полчища и рати...
„Вы жь возмнили: сами одолѣемъ!
„Всю сорвемъ, что въ будущемъ есть, славу,
„Да и ту, что добыли ужь дѣды!..

„Старику бъ помолодѣть не диво!
„Вьетъ гнѣздо соколъ и птицъ взбиваетъ,
„Своего гнѣзда не дастъ въ обиду,
„Да бѣда — въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помоги!
„Времена тяжелыя настали: (28)
„Крикъ въ Ромнахъ подъ саблей половецкой!
„Володиміръ ранами изъязвленъ,
„Стонетъ, тужитъ Глѣбовичъ удалый...
„Что жь ты, княже, Всеволодъ великій! (29)
„И не въ мысль тебѣ перелетѣти,
„Издалека поблюсти столъ отчій?
„Могъ бы Волгу веслами разбрызгать,
„Могъ бы Донъ шеломами расчерпать!
„Будь ты здѣсь, да Половцевъ толпою
„Продавали бъ — дѣвка по ногатѣ,
„Смердъ-кощей по рѣзани пошелъ бы!
„Вѣдь стрѣлять и по суху ты можешь —
„У тебя живые самострѣлы —
„Двое братьевъ, Глѣбовичей храбрыхъ! (30)

„Ты, буй Рюрикъ, ты, Давидъ удалый! (31)
„Вы ль съ дружиной по златые шлемы
„Во крови не плавали во вражьей?
„Ваши ль рати не рычатъ по степи,
„Словно туры, раненые саблей!

„Ой, вступите въ золотое стремя,
„Распалитесь гнѣвомъ за обиду
„Вы за землю Русскую родную,
„За живыя Игоревы раны!

„Остромыслъ ты вѣщій, Ярославе... (32)
„Высоко на золотомъ престолѣ
„Возсѣдаешь въ Галичѣ ты крѣпкомъ!
„Подперъ ты своей желѣзной ратью,
„Что стѣной, Карпатскія угорья,
„Заградивъ для короля дорогу,
„Затворивъ ворота на Дунаѣ,
„Черезъ тучи сыпля горы камней
„И судя до самаго Дуная!
„И текутъ отъ твоего престола
„По землямъ на супротивныхъ грозы...
„Отворяешь въ Кіевѣ ворота,
„Мечешь стрѣлы за земли въ салтановъ!..
„Ахъ, стрѣляй въ поганаго кощея,
„Разгроми Кончака за обиду,
„Встань за землю Русскую родную,
„За живыя Игоревы раны!..

„Ты, Романъ, съ своимъ Мстиславомъ вѣрнымъ! (33)
„Смѣло мысль стремитъ вашъ умъ на подвигъ!

„Ты могучій, въ замыслахъ высоко
„Возлетаешь, что соколъ ширяя
„На вѣтрахъ, надъ вѣрною добычей...
„Грудь у васъ изъ-подъ латинскихъ шлемовъ
„Вся покрыта кольчатою сѣткой!
„Передъ вами трепетали земли,
„Потрясались Хиновскія страны,
„Деремела жь, Половцы съ Литвою
„И Ятвяги палицы бросали
„И во прахъ кидались передъ вами!
„Свѣтъ, о князь, отъ Игоря уходитъ! (34)
„Не на благо листъ спадаетъ съ древа!
„По Роси, Сулѣ врагъ грады дѣлитъ,
„А полку ужь Игорева нѣту!
„Донъ зоветъ, Романъ, тебя на подвигъ,
„Всѣхъ князей сзываетъ на побѣду,
„А одни лишь Ольговичи вняли
„И на брань, на зовъ его, доспѣли...

„Ингварь, Всеволодъ, и вы, три брата,
„Вы, три сына храбраго Мстислава (35),
„Не худа гнѣзды птенцы крылаты!
„Отчинъ вы мечемъ не добывали —
„Гдѣ же ваши шлемы золотые?
„Аль ужь нѣтъ щитовъ и ляшскихъ палицъ?

„Заградите острыми стрѣлами
„Ворота на Русь съ широкой степи!
„Потрудитесь, князи, въ полѣ ратномъ,
„Всѣ за землю Русскую родную,
„За живыя Игоревы раны!..

„Ужь не той серебряной струею
„Потекла Сула къ Переяславлю,
„И Двина пошла уже болотомъ,
„Взмущена врагомъ, подъ грозный Полоцкъ!
„Услыхалъ и Полоцкъ крикъ поганыхъ!
„Изяславъ булатными мечами
„Позвонилъ одинъ о вражьи шлемы,
„Да разбилъ лишь дѣдовскую славу,
„Самъ сраженъ литовскими мечами
„И изрубленъ на травѣ кровавой,
„Подъ щитами красными своими!
„И на томъ одрѣ на смертномъ лежа (36),
„Самъ сказалъ: „Вороньими крылами
„Пріодѣлъ ты, князь, свою дружину,
„Полизать звѣрямъ ея далъ крови!“
„И одинъ, безъ брата Брячислава,
„Безъ другаго Всеволода-брата,
„Изронилъ жемчужную онъ душу;
„Изронилъ, одинъ, изъ храбра тѣла,

„Сквозь свое златое ожерелье!..
„И поникло въ отчинѣ веселье,
„Въ Городнѣ трубятъ печально трубы...

„Всѣ вы, внуки грознаго Всеслава,
„Опустите ваши красны стяги,
„И въ ножны мечи свои вложите:
„Вы изъ дѣдней выскочили славы!
„Въ вашихъ сварахъ первые вы стали
„Наводить на отчій край поганыхъ!
„И отъ васъ не лучше половецкихъ,
„Таковы жь насилья были Руси!
„Загадалъ о дѣдинѣ любезной
„Тотъ Всеславъ, на Кіевъ жребій бросилъ,
„На коня вскочилъ онъ и помчался,
„Да лишь древкомъ копія добился
„До его престола золотого! (38)
„Въ ночь бѣжалъ оттуда лютымъ звѣремъ,
„Синей мглой изъ Бѣлграда поднялся,
„Утромъ билъ ужь стѣны въ Новѣградѣ,
„Ярослава славу порушая...
„Проскочилъ оттуда сѣрымъ волкомъ,
„Отъ Дудутокъ на рѣку Нѣмигу... (39)
„Не снопы то стелютъ на Нѣмигѣ,
„Человѣчьи головы кидаютъ!

„Не цѣпами молотятъ, мечами!
„Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
„Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла!
„Охъ, не житомъ сѣяны, костями
„Берега кровавые Нѣмиги,
„Все своими русскими костями!..
„Днемъ Всеславъ суды судилъ народу,
„И ряды рядилъ между князьями,
„Въ ночь же волкомъ побѣжитъ, бывало,
„Къ пѣтухамъ въ Тмуторокань поспѣетъ,
„Хорсу путь его перебѣгая! (40)
„Да! ему заутреню, бывало,
„Зазвонятъ у Полоцкой Софіи,
„Онъ же звонъ у Кіевской ужь слушалъ
„А хотя и съ вѣщею душою
„Былъ, великій, въ богатырскомъ тѣлѣ, (41)
„Все жь бѣды терпѣлъ таки не мало!
„Про него и спѣлъ Боянъ припѣвку:
„Будь хитеръ-гораздъ, летай хоть птицей,
„Все суда ты Божьяго не минешь!

„Охъ, стонать землѣ великой, Русской,
„Про князей воспоминая давнихъ,
„Вспоминая прежнее ихъ время!
„Да нельзя жь вѣдь было пригвоздити

„Ко горамъ ко Кіевскимъ высокимъ
„Старика Владиміра на вѣки!
„По рукамъ пошли его знамена (42)
„И ужь розно машутъ бунчуками,
„Розно копья пѣть пошли по рѣкамъ!

Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
Тамъ, въ землѣ незнаемой, по утру
Ранымъ рано ласточкой щебечетъ: (44)
„По Дунаю ласточкой помчусь я,
„Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ,
„Оботру кровавы раны князю,
„На бѣломъ его могучемъ тѣлѣ!...“

Тамъ она, въ Путивлѣ, ранымъ рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:

„Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
„Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
„Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
„Въ небесахъ, подъ облаки бы вѣялъ,
„По морямъ кораблики лелѣялъ,
„А то вѣешь, вѣешь—развѣваешь
„На ковыль-траву мое веселье...

Тамъ она, въ Путивлѣ, ранымъ рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:

„Ты ли, Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой, Славутичъ!
„По землѣ прошелъ ты Половецкой,
„Пробивалъ ты каменныя горы!
„Ты ладьи лелѣялъ, Святослава,
„До земли Кобяковой носилъ ихъ...
„Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
„Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ тобою
„По сырымъ зорямъ на сине море!..“

Рано-рано ужь она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:

„Свѣтлое, тресвѣтлое ты Солнце, (45)
„Ахъ для всѣхъ красно, тепло ты Солнце!
„Что жь ты, Солнце, съ неба устремило
„Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
„Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
„Сушишь-гнешь несмоченные луки,
„Замыкаешь кожаные тулы...“

Сине море прыснуло къ полночи.
Мглой встаютъ, идутъ смерчи морскіе:
Кажетъ богъ князь-Игорю дорогу
Изъ земли далекой Половецкой
Къ золотому отчему престолу.

Погасаютъ сумерки сквозь тучи...
Игорь спитъ, не спитъ, крылатой мыслью
Мѣритъ поле ко Донцу отъ Дона.
За рѣкой Овлуръ къ полночи свищетъ,
По коня онъ свищетъ, повѣщаетъ:
„Выходи, князь Игорь, изъ полона.“

Вѣтеръ воетъ, проносясь по степи (46),
И шатаетъ вежи половецки:
Шелеститъ-шуршитъ ковыль высокій,
И шумитъ-гудитъ земля сырая...
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь Игорь,
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряетъ,
На быстра́ добра́ коня садится;
По лугамъ Донца что волкъ несется;
Что соколъ летитъ въ сырыхъ туманахъ,
Лебедей, гусей себѣ стрѣляетъ
На обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ.

Что соколъ летитъ князь свѣтлый Игорь,
Что сѣръ волкъ Овлуръ за нимъ несется,
Студену росу съ травы стряхая.
Ужь лихихъ коней давно загнали.

Вранъ не каркнетъ, галчій стихнулъ говоръ, (47)
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
Дятлы тѣктомъ путь къ рѣкѣ казуютъ,
Соловьинъ свистъ зори повѣщаетъ...

Говоритъ Донецъ: „Охъ, князь ты Игорь!
„Величанья жь ты себѣ да добылъ,
„А Кончаку всякаго проклятья,
„Русской всей землѣ свѣтла веселья!“

Отвѣчалъ Донцу князь свѣтлый Игорь:
„Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
„И тебѣ да будетъ величанье,
„Что меня ты на волнахъ лелѣялъ,
„Зелену траву мнѣ стлалъ въ постелю
„На своемъ серебреномъ побрежьѣ,
„Теплой мглою на меня ты вѣялъ
„Подъ темной зеленою ракитой;
„Сѣрой уткой сторожилъ на руслѣ,

На струяхъ—чиркомъ, на вѣтрахъ—чайкой...
„Вотъ Стугна, о Донче, не такая! (48)
„Какъ пожретъ-попьетъ ручьи чужіе,
„По кустамъ, по доламъ разольется!...
„Ростислава-юношу пожрала,
„На Днѣпрѣ жь, на темномъ побережьѣ,
„Плачетъ мать по юношѣ, по князѣ;
„Пріуныли съ жалости цвѣточки,
„Дерева съ печали приклонились..."

Не сороки—чу!—застрекотали:
Ѣдутъ Гзакъ съ Кончакомъ въ злу погоню.

Молвитъ Гзакъ Кончаку на погони:
„Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
„Ужь младà соколика не пустимъ,
„А поставимъ друга въ чистомъ полѣ,
„Разстрѣляемъ стрѣлами златыми."

И въ отвѣтъ Кончакъ ко люту Гзаку:
„Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
„Сокольца, опутаемъ потуже
„Крѣпкой цѣпью—красною дѣвицей". (49)

Гзакъ въ отвѣтъ Кончаку слово молвитъ:
„Коль опутать красною дѣвицей,
„Не видать ни сокольца младого,
„Не видать ни красной намъ дѣвицы;
„А ихъ дѣтки бить почнутъ насъ въ полѣ,
„Здѣсь же, въ нашемъ полѣ половецкомъ.“

Стародавнихъ былей пѣснотворецъ (50),
Ярослава пѣвшій и Олега,
Такъ то въ пѣснѣ пѣлъ про Святослава:
„Тяжело главѣ безъ плечъ могучихъ,
„Горе тѣлу безъ главы разумной.“
И землѣ такъ горько было Русской
Безъ удала Игоря, безъ князя...
Анъ на небѣ солнце засвѣтило:
Игорь-князь въ землѣ ужь скачетъ Русской.
На Дунаѣ дѣвицы запѣли;
Черезъ море пѣснь отдалась въ Кіевъ.
Игорь ѣдетъ, на Боричевъ держитъ,
Ко святой иконѣ Пирогощей.
Въ селахъ радость, въ городахъ веселье;
Всѣ князей поютъ и величаютъ
Перво—старшихъ, а за ними—младшихъ
Воспоемъ и мы: свѣтъ-Игорь—слава!

Буй-туръ-свѣту-Всеволоду—слава!
Володиміръ Игоревичъ—слава!
Святославу Ольговичу—слава!
Вамъ на здравье, князи и дружина,
Христіанъ поборцы на поганыхъ!

Слава князьямъ и дружинѣ!
Аминь.

Объяснительныя примѣчанія къ тексту Слова о Полку Игоревѣ.

(1) См. прим. 3.

(2) *Растекается мыслію по древу.* Я принялъ толкованіе тѣхъ, которые читаютъ здѣсь *мысью*, а не *мыслью*, и *по древу* перевелъ: по лѣсу. Но это, кажется, не такъ. *Во первыхъ*: что касается до *древа*, я думаю, что здѣсь должно разумѣть не лѣсъ, не дерево, а совсѣмъ другой образъ. По всей вѣроятности, пѣвецъ тутъ имѣлъ въ виду то миѳическое дерево, которое, по преданіямъ всѣхъ арійскихъ народовъ, росло въ царствѣ боговъ, на верху небеснаго свода, вѣтвями внизъ. По скандинавскимъ сагамъ, по этому дереву бѣгала съ земли на небо бѣлка (молнія), принося Одину вѣсти изъ сего міра. На вѣтвяхъ этого дерева ростутъ золотыя яблоки (звѣзды), съ листьевъ каплетъ благотворная влага (роса), изъ-подъ корней бьютъ источники мѣдный, золотой и серебряный. Это преданіе лежитъ въ основѣ всѣхъ сказокъ о золотыхъ яблокахъ. (См. Аѳанасьева: Поэтич. Воззр. Славянъ на природу, т. II. гл. XVII). Въ одномъ изъ великорусскихъ заклинаній встрѣчается тотъ же образъ: „На морѣ на Окіянѣ (на небѣ) на островѣ на Буянѣ, стоитъ бѣлая береза, внизъ вѣтвями, вверхъ кореньями“... (Зап. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. II, 1869, стр. 479).

То же миѳическое древо слѣдуетъ понимать и тамъ, гдѣ говорится о Дивѣ: „*Дивъ кличетъ вьрху древа*“ и „*уже вьржеся Дивъ на землю*“. Взлетѣвъ на это древо, ночью, Дивъ кличетъ на всю незнаемую землю (степь), на Сулу и Волгу, на весь Новороссійскій, Донской и Прикаспійскій край, на все свое царство. Чтобы передать то, что воображалъ пѣвецъ въ этомъ кликѣ Дива, я передалъ это мѣсто такъ:

Высоко поднявшися по древу.

Точно также и въ характеристикѣ пѣсни Бояна, было бы согласнѣе съ представленіемъ пѣвца перевести такъ:

Онъ ли, вѣщій, пѣснь кому слагая,
Бѣгалъ векшей, на небо, по древу,
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что орелъ ширялъ подъ облаками.

Во вторыхъ: едва ли слѣдуетъ считать за описку во фразѣ: *растек-*

шется мыслію по древу слово: *мыслію* и поправлять: *мысью*, т. е. *бѣлкой*, векшей. Если понимать, что древо есть то миѳическое древо, о которомъ я говорилъ, то не мудрено, что пѣвецъ сказалъ: Боянъ мыслію возносился въ царство боговъ по этому небесному древу; это тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ пѣвецъ прямо называетъ это древо *мысленымъ*, *„скача, славію по мыслену древу“*.

При такомъ толкованіи, было бы еще вѣрнѣе выразить мысль пѣвца стихомъ:

Онъ ли, вѣщій, пѣснь, кому слагая,
Мыслью въ небо возлеталъ по древу, и пр.

(3) Что въ дошедшемъ до насъ спискѣ XIV вѣка въ этомъ мѣстѣ есть пропускъ, и весьма значительный — замѣчено уже г. Соловьевымъ (Ист. Россіи, т. III, стр. 110 и прим. 226, 3-го изд.). Пѣвецъ хочетъ начать *повѣсть сію* отъ стараго *Владиміра до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ* и пр., а о Владимірѣ далѣе ни слова, и тотчасъ послѣ общаго риторическаго приступа *(иже истягну умъ)* начинается: *Тогда Игорь взьрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты и рече...* Когда же это *тогда?* послѣ чего? Ясно, что здѣсь не только не достаетъ разсказа о Владимірѣ, но и повѣствованіе объ Игорѣ начинается не сначала; его слова, непосредственно за симъ слѣдующія: *„и рече: лучежъ бы потяту быти, нежели полонену быти“*, очевидно тоже отвѣтъ на что-то. Въ лѣтописи разсказъ дополняется. Въ дружинѣ — безпокойство; говорятъ Игорю, что затмѣніе — худое знаменіе. Тогда отвѣтъ его понятенъ. Поэтому, въ переводѣ своемъ я это мѣсто дополнилъ изъ лѣтописи нѣсколькими стихами, обозначивъ звѣздочками это заимствованіе. Не былъ ли весь этотъ эпизодъ изложенъ слишкомъ по язычески (не являлся ли тутъ самъ Дажьбогъ)?—отчего онъ и могъ быть выпущенъ благочестивымъ переписчикомъ XIV вѣка.

Фразу: *начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню*, г. Соловьевъ объясняетъ такъ: сочинитель не хочетъ начинать своего разсказа прямо съ похода Сѣверскихъ князей, но хочетъ предпослать ему старыя слова; эти же слова хочетъ изложить такъ, какъ пишутъ повѣсти теперь, т. е. въ его время (по былинамъ сего времени), а не по „замышленію Боянову“, т. е. не такъ, какъ замышлялъ, задумывалъ, сочинялъ Боянъ.

(4) *Спала умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго.* Спала — т. е. охватила. древнечешское spadnosti; похоть— страсть, жалость — рвеніе.

(5) *Рища въ тропу Трояню.*

Что такое Троянъ, упоминаемый четыре раза въ Сл. о П. И.,—вопросъ, еще не разрѣшенный нашими учеными. Изъ множества толкованій, я остановился на тѣхъ данныхъ, которыя приводятъ г. Буслаевъ и г. Аѳанасьевъ, и вывелъ слѣдующее заключеніе:

Разсматривая Слово и ища въ немъ самомъ какихъ-нибудь оттѣнковъ или намековъ, которые пояснили бы сколько-нибудь это выраженіе, я остановился на одномъ признакѣ, которой можно принять уже за нѣчто положительное. Это именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоря, что дѣва Обида вступила *на землю Трояню*, пѣвецъ продолжаетъ: она восплескала лебедиными крыльями *у Дону* плещучи... — Изъ этихъ словъ ясно географическое указаніе, что земля Трояня находится у Дона; вся же эта мѣстность въ другихъ мѣстахъ Слова называется *поле незнаемое, земля незнаемая;* она же есть и поле Половецкое, по нынѣшнему, степь. Посмотримъ далѣе, какими красками она описывается. При выступленіи въ походъ тамъ „*Дивъ* кличеть върху древа, *велитъ послушать земли незнаемѣ*—Вълзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый болванъ“... что дополняетъ объемъ земли Трояновой. Далѣе: идутъ *чорныя тучи*, хотятъ *прикрыть четыре солнца* (князей); вѣтры, *Стрибожьи внуки*, вѣютъ съ моря; дѣти *бѣсовы* кликомъ поля прегородиша... Бояре Святославовы говорятъ, что тамъ два солнца *померкли*, и съ ними молодые мѣсяцы; на рѣкѣ Каялѣ *тьма* свѣтъ покрыла; повергнулся *Дивъ* на землю... Изъ всѣхъ этихъ признаковъ видно, что въ „незнаемой“ (она же Трояня) землѣ царствуетъ тьма, черный Дивъ, рыщутъ бѣсовы дѣти — Половцы, вѣютъ Стрибожьи внуки, словомъ, что тамъ все враждебно Руси, тамъ все злое, темное; по нынѣшнему народному выраженію, тамъ живетъ нечистая сила, всяческіе страхи, это Дивья земля. Въ противоположность ей, этой землѣ, эпическіе эпитеты Русской земли рисуютъ послѣднюю *свѣтлою* Русской землей, гдѣ царствуетъ свѣтлый князь Красное Солнышко, въ послѣдствіи — бѣлый царь. Таковою, т. е. свѣтлою представлялась въ языческій періодъ земля Дажьбожьихъ внуковъ, по принятіи христіанской вѣры сдѣлавшаяся крещеною, православною землею. Точно такой взглядъ на всѣ чуждыя, языческія, „дивіи“ земли сохранился у русскаго народа, и гораздо позже и очень опредѣленно высказался онъ въ житіяхъ святыхъ, удалявшихся въ мѣста дикія, гдѣ они вели борьбу съ царствовавшею тамъ нечистою, темною силою.

И такъ Трояня земля будетъ незнаемая, обитаемая погаными дѣтьми бѣсовыми, исполненная враждебныхъ Руси темныхъ силъ. Это разъясненіе поможетъ намъ понять и вѣка Трояновы. Тутъ можетъ быть два толкованія. Во первыхъ: до поселенія своего на Руси, Славяне, могли счи-

тать занятую ими землю тоже дикою, тѣмъ же царствомъ Дажьбожьяго врага Трояна, и *вѣки Трояни* будутъ означать темныя времена, предшествовавшія ихъ пришествію въ эту землю. Вспомнимъ въ стихѣ о Егоріѣ храбромъ его пришествіе на Русь, представляющуюся ему дикою и не устроенною: онъ раздвигаетъ лѣса дремучіе, горы толкучія, велитъ рѣкамъ течь, вмѣсто людей встрѣчаетъ чудовищъ, волковъ съ человѣческими лицами, дѣвъ обросшихъ древесною ′корою... Это темное царство, куда входитъ свѣтъ-Егорій. Въ этой картинѣ должно, я думаю, видѣть, какъ представлялась Русь Славянамъ до ихъ пришествія, въ видѣ темнаго царства, гдѣ парилъ Троянъ. — Другое толкованіе можетъ быть такое: если въ эпоху пѣвца Игорева начали перепутываться языческія понятія съ христіанскими, то царство темныхъ силъ на Руси онъ могъ считать продолжавшимся до крещенія земли, и говоря: „были вѣки Трояни, минули лѣта Ярославли“ различаетъ такимъ образомъ языческую эпоху съ христіанскою. Въ сущности оба толкованія разнятся только опредѣленіемъ пункта, съ котораго считать свѣтлыя времена, съ пришествія ли Славянъ, или съ Ярослава, но вѣроятно, и пѣвецъ не имѣлъ тутъ яснаго представленія. — Все доселѣ сказанное, безо всякой, кажется, натяжки, вытекаетъ изъ воззрѣній пѣвца; но не имѣя какихъ-нибудь еще положительныхъ указаній о томъ, какое было у Славянъ лѣтосчисленіе до христіанства, по одному наведенію невозможно опредѣлить, что значитъ выраженіе: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни“, тѣмъ болѣе что и самое мѣсто, гдѣ оно приводится, очевидно весьма плохо разобрано и самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ: въ Екатерининскомъ. спискѣ, въ этомъ мѣстѣ, вмѣсто *Трояни* стоитъ *Зояни*. За то: „рыща въ *тропу Трояню* чресъ поля на горы“ объясняется ужь очень легко; пѣвецъ обращается къ Бояну и говоритъ: тебѣ бы воспѣть эти полки, свивая славы обаполы сего времени, т. е.: „тебѣ бы, Боянъ, пѣть эти полки, съ древнею славою свивая новую, и рыща по дорогамъ незнаемымъ, рыща по степи, изъ края въ край, обозрѣвая всю степь, все, что тамъ происходило, и что дѣлалъ Игорь, и какъ ополчалась на него темная сила.“

Кто же такой этотъ Троянъ, именемъ котораго называется незнаемая, дикая земля? Въ отвѣтъ на это есть два толкованія, наиболѣе серьезныя. Во первыхъ, въ сербскихъ легендахъ, приведенныхъ г. Буслаевымъ и поясненныхъ г. Аѳанасьевымъ, Троянъ, представляется духомъ тьмы, а именно, владыкой подземнаго царства, убѣгающимъ отъ Солнца; разъ онъ не успѣлъ укрыться и растаялъ... Сближая эти сказанія со сходными съ ними греческими и скандинавскими, г. Аѳанасьевъ выводитъ, что у Славянъ имя Трояна обозначаетъ великана — мракъ. „Какъ воплощеніе ночнаго мрака и тумановъ, Троянъ является съ захожденіемъ солнца и обнимаетъ землю, прекрасную супругу свѣтлаго Неба (или Солнца), но при разсвѣтѣ

дня... онъ исчезаетъ“ (Поэт. Воззр. Сл. ч. II, стр, 644). Кромѣ нашего Слова и сербскихъ и болгарскихъ преданій, Троянъ упомянутъ у насъ въ двухъ другихъ памятникахъ—въ „Словѣ и откровеніи святыхъ апостолъ“ (по рукописи XVI вѣка) и въ „Хожденіи по мукамъ пресв. Богородицы“ (по рукописи XVII вѣка); тамъ между нашими языческими божествами исчислены: Перунъ, *Троянъ*, Хорсъ, Велесъ. Вообще такое пониманіе Трояна, какое изложено выше, какъ нельзя болѣе подтверждается смысломъ всего Слова о П. Иг. Это борьба свѣта, Дажьбожьихъ или Солнцевыхъ внуковъ, храбрыхъ Русичей, съ тьмою, съ погаными, съ Чернымъ Дивомъ, съ бѣсовскими сынами.

Другое мнѣніе: полагаютъ, что этотъ Троянъ есть никто иной, какъ римскій императоръ Траянъ. Но историческимъ Траяномъ объясняются ли всѣ четыре мѣста Слова, гдѣ упомянутъ Троянъ, и соотвѣтствуетъ ли онъ тому представленію земли Трояней, вѣковъ Троянихъ, которые я старался возстановить изъ словъ самого пѣвца? Во первыхъ, земля Трояня у Дону, и вѣка Трояни на Руси до Ярослава — заставляютъ допустить фактъ, никогда не бывалый, именно—вѣру въ пѣвцѣ и его современникахъ, Русскихъ, въ то, что римскій Траянъ господствовалъ въ южной Россіи вплоть до рѣки Дона и дальше, до Каспія, надъ всею незнаемою землею и по Сулѣ, и по Волгѣ, и проч.; что это владычество тянулось очень долгое время, которое пѣвецъ обозначаетъ вѣками Трояновыми, продолжая это господство и до Всеслава или, по крайней мѣрѣ, до Брячислава Полоцкаго, ибо къ которому нибудь изъ нихъ относится выраженіе: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни“. По этому толкованію тропа Трояня будетъ via Trojana или валъ Траяновъ въ Бессарабіи и въ Кіевской губерніи: зачѣмъ рыскать по этому валу, чтобы воспѣть Игоря, ходившаго въ другую сторону, не понимаю.

Впрочемъ можно согласить оба толкованія: отъ историческаго Траяна, пожалуй, могло перейти въ славянскій эпосъ только его имя (какъ позже у насъ имя Вольги (Олега), Ильи Муромца, Егорія Храбраго); какъ имя враждебнаго лица, оно попало не на божество свѣтлое, а на темное. На имя это можно, пожалуй, смотрѣть какъ на слѣдъ столкновенія Славянъ въ землѣ Даковъ и Гетовъ съ Римомъ или съ Траяномъ: но въ воображеніи современниковъ Слова, безъ сомнѣнія, съ его именемъ не соединялось ничего римскаго, оно представлялось просто названіемъ темнаго бога, враждебнаго Дажьбогу, какъ противуположность Чернобога Бѣлбогу.

(6) Въ Старшей Эддѣ, во второй пѣснѣ о Гельгѣ, этотъ герой, говоря о своихъ подвигахъ, между прочимъ, выражается такъ „я сдѣлалъ это, когда въ „Брагалундрѣ недавно травилъ медвѣдей и орловъ кормилъ съ копья“, т. е. по изъясненію Гримма, „билъ враговъ, и тѣлами ихъ насыщалъ

орловъ.“ Гриммъ, изъясняя это мѣсто, вспоминалъ выраженіе о Курянахъ слова о П. И. „ Конець копья въскоръмлени,“ и прибавляетъ: „такъ какъ въ походѣ копья употреблялись вмѣсто вилокъ.“

(7) *Дивъ кличетъ върху древа*: — см. пр. 2. Все это мѣсто представляетъ великолѣпную картину тьмы (или Трояна), ополчающейся на сыновъ Солнца, на Дажьбожьихъ внуковъ. *Болванъ Тмутороканскій*: изъ словъ бояръ Святославовыхъ (см. ниже) можно заключить, что цѣлью похода Игорева было завоеваніе Тмуторокани, города на Таманскомъ полуостровѣ; подъ именемъ же Болвана Тмутороканскаго не разумѣется ли какая нибудь статуя въ этомъ городѣ, остатокъ временъ, когда по всему Черноморію процвѣтали греческія поселенія?

(8) *О Руская земле! Уже за Шеломянемъ еси домо: ночь мрькнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша*, и пр.

Слово *шеломя* — въ Архангельской губерніи и теперь означаетъ холмъ. Г. Вельтманъ полагаетъ, что здѣсь разумѣются Гребенныя горы, по правую сторону Донца, противъ рѣки Калитвы. Къ сожалѣнію до сихъ поръ не опредѣленъ путь Игоря. Ни рѣки Сальницы, ни Каялы, ни Сюурлія на картахъ не находится. Подъ общимъ именемъ Шеломя здѣсь не слѣдуетъ ли разумѣть водораздѣлъ между рѣками, текущими на востокъ въ Донъ, и на западъ въ Донецъ, до сліянія послѣднихъ?

Ночь мрькнетъ и пр. Обыкновенно эту картину принимаютъ за изображеніе ночи; мнѣ кажется напротивъ, здѣсь собраны признаки ранняго утра. Померкнуть — говоря о чемъ нибудь блестящемъ, значитъ угаснуть; но вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ и потерять свой цвѣтъ, полинять, поблѣднѣть, словомъ въ обоихъ случаяхъ выражаетъ убыль, ущербъ. Слѣд. „ночь меркнетъ“, значитъ, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ, т. е. стало свѣтать. *Заря свѣтъ запала* — переводятъ: заря медлитъ; скорѣе занялась, какъ мы говоримъ: лучъ запалъ въ этотъ мракъ. *Мъгла поля покрыла* — поднялся утренній туманъ (ниже: обѣсися синѣ мглѣ). *Щекотъ славій успе*: соловьи поютъ ночью, — тутъ же май мѣсяцъ, а къ утру перестаютъ, галки же пробудились: все это признаки ранняго утра.

Поля прегородиша. Что хотѣлъ нарисовать пѣвецъ словами: „прегородиша поля“ здѣсь и ниже: „дѣти бѣсовы кликомъ поля прегородиша, а храбрые Русичи чрълеными щиты“, — лучше всѣхъ объяснено Шишковымъ. Это не значитъ, что они огородились щитами. Перегородили поля, т. е. раздѣлили, разрѣзали поле на двѣ части, направо и налѣво, растянувшись по полю красною полосой — красною отъ своихъ червленыхъ щитовъ. Вѣроятно смотрящему издали, съ высоты на тогдашнее русское войско, болѣе всего бросался въ глаза красный цвѣтъ его щитовъ. Щиты же

въ походѣ везли на возахъ, и только изготовляясь къ бою, разбирали ихъ. Здѣсь мы и видимъ, что они съ утра выстроились къ бою, который сейчасъ же и послѣдовалъ: *потопташа Русичи поганыхъ.*

(9) *Четыре солнца*, т. е. четыре Дажьбожьи внука, четверо князей участвовавшихъ въ походѣ: Игорь и Всеволодъ Святославичи, Владиміръ, сынъ этого Игоря, и Святославъ Ольговичъ, его племянникъ.

(10) *Отступиша.* Вм. отступиша должно читать обступиша (Снегиревъ, Вельтманъ).

(11) Св. прим. 7. Шишковъ такъ изъясняетъ это мѣсто: „Половцы, прегради поле, т. е. растянувшись по всему оному, съ крикомъ бросились на Русскихъ, которые въ молчаніи противупоставили имъ щиты свои".

(12) Изображая подвиги Всеволода, пѣвецъ вездѣ говоритъ: прыщешь *стрѣлами*, гремлешь *мечами*; поскреблены шеломы аварскіе *саблями отъ тебя*... Съ перваго разу странно, отчего сабли, мечи стоятъ во множественномъ числѣ? Но тутъ слѣдуетъ понимать такъ, что Всеволодъ рыщетъ посреди сражающихся, окруженный храброю дружиной. *Кая раны дорога, братіе* и пр. Выраженіе не легко объяснимое. Эрбенъ полагаетъ, что слѣдуетъ читать здѣсь не *раны*, а *рать*, и передаетъ такъ все мѣсто: какой же былъ то дорогой бой, что про него забылъ онъ (Всеволодъ) и „чти и живота и града Чернигова", и пр. Но это едва ли можно принять.

(13) Все это отступленіе есть одно изъ темныхъ и наиболѣе запутанныхъ толкованіями мѣстъ Слова. Чтобы его понять я старался прежде всего опредѣлить отношенія пѣвца къ княжескимъ родамъ, и пришелъ къ заключенію, что онъ въ своемъ воззрѣніи стоитъ гораздо выше, чѣмъ составитель лѣтописи, который, сводя разныя сказанія сторонниковъ Мономаховичей и Ольговичей, выписываетъ изъ тѣхъ и другихъ какъ-бы механически—отчего у него и выходитъ, что Богъ и Пресвятая Богородица помогаютъ то Ольговичу, то Мономаховичу. Пѣвецъ же безъ особеннаго пристрастія смотритъ на всѣ поколѣнія князей; онъ не сторонникъ Мономаховичей, да и не сторонникъ Ольговичей. Онъ упоминаетъ о старомъ Владимірѣ (въ которомъ, по всѣмъ наиболѣе достойнымъ уваженія изслѣдователямъ, какъ напр. г. Соловьевъ, разумѣетъ Мономаха), говоритъ о немъ, какъ объ идеалѣ князя: „того стараго Владиміра нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы" (его внуковъ). Во вторыхъ, въ характеристикѣ князей (см. ниже) пѣвецъ восхваляетъ его потомковъ: Всеволода Суздальскаго, Рюрика и, Давида, троихъ сыновей Мстислава храбраго, Романа Волынскаго. Точно также прославляетъ и Ольговичей за храбрость: Святослава Кіевскаго, его брата Ярослава, наконецъ Игоря и Всеволода, героевъ поэмы, Олега же положительно винитъ въ бѣдствіяхъ Русской земли: онъ мечомъ ко-

валъ крамолу, сѣялъ стрѣлы по землѣ. Такимъ образомъ мы видимъ у пѣвца взглядъ на дѣла Руси широкій и осмысленный; точка его опоры, съ которой онъ произноситъ судъ свой—есть благо земли, единство народа, страдающаго отъ княжескихъ усобицъ (см. прим. 16).

Что касается собственно до эпизодовъ изъ жизни Олега, пѣвецъ здѣсь имѣетъ въ виду слѣдующее событіе: по смерти братьевъ, Всеволодъ и Изяславъ Ярославичи подѣлили, какъ старшіе, ихъ удѣлы, и посадили тамъ своихъ сыновей, устранивъ племянниковъ. Изъ послѣднихъ двое, Олегъ Святославичъ и Борисъ Вячеславичъ пошли изъ Тмуторокани добывать себѣ своихъ отчинъ у дядей. Въ происшедшемъ сраженіи при Нежатиной нивѣ, по розысканію гг. Снегирева и Максимовича, близъ села Канина, были убиты Борисъ и великій князь Изяславъ (см. ниже прим. 13, 14, 15 и 16).

Были вѣци Троянѣ: т. е. были вѣки, когда Троянъ, мракъ, царствовалъ до прихода сыновъ солнца-Дажьбога, по всей землѣ, которая уже по занятіи ими и сдѣлалась свѣтлою. До тѣхъ поръ и она была темная, незнаемая, Троянова (см. подробнѣе прим. 5).

(14) *Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ Всеволодъ: а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ...* Для большой ясности я, вмѣсто общаго выраженія: *ступаетъ въ златъ стремень* (Олегъ), сказалъ: „протрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани“. Всеволодъ сидѣвшій въ Переяславлѣ, ближе къ Тмуторокани, слышалъ *звонъ*, т. е. вѣсть о походѣ Олега, а Владиміръ, занимавшій Черниговъ, на который претендовалъ Олегъ, съ утра *уши закладаше*. Обыкновенно толкуютъ, что онъ зажималъ свои уши—выходила безсмыслица. Здѣсь *уши* не означаютъ органъ слуха, а малыя калитки, какія дѣлывались въ стѣнахъ, по бокамъ большихъ воротъ. Въ такомъ смыслѣ толкуется извѣстный текстъ: „скорѣй верблюдъ пройдетъ въ иглиныя уши, чѣмъ богатый внидетъ въ царствіе небесное“, т. е. скорѣй пройдетъ верблюдъ въ малыя калитки, которыя у Евреевъ и назывались „игольныя уши“ и эти ворота закладывались закладками, что дѣлалъ и Владиміръ, ежеминутно ожидая нападенія Олега.

(15) *И на канину зелену паполому постла.* Г. Снегиревъ въ объясненіе приводитъ изъ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1152 г.: „поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновь, и сташа у Гуричева, близь города, перешедше Канинь“.

(16) Еще спорное мѣсто, которое объясняется открытіемъ значенія слова Канина. Въ текстѣ ошибочно постановлено вм. Канины или Канини—Каялы, и кромѣ того, вм. Ярополка поставленъ Святополкъ: подобное смѣшеніе именъ весьма часто встрѣчается въ текстѣ, на что я укажу въ своемъ мѣстѣ (см. прим. 24). Эти очевидныя теперь ошибки переписчиковъ по-

дали поводъ къ толкованію, которое нарушаетъ связь и цѣлость всей рѣчи объ Олегѣ, а именно думали, что здѣсь говорится будто бы о Святополкѣ Изяславичѣ, который увезъ тѣло тестя своего Тугоркана съ битвы на Каялѣ; но эта битва была гораздо позже. Здѣсь идетъ рѣчь все о той же битвѣ при Канинѣ: Изяславъ былъ убитъ, и сынъ его Ярополкъ былъ при немъ въ сраженіи; другой же сынъ Святополкъ въ это время находился въ Новгородѣ.

(17) *Тогда при Олегѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами.* Я принялъ толкованіе г. Вельтмана, что здѣсь слово Гориславличи означаетъ потомковъ Рогнѣды, отъ ея сына Изяслава, Полоцкихъ князей Брячислава, Всеслава и его потомковъ. Гориславою, по словамъ лѣтописи, названа Рогнѣда за то, что много горя *приняла сама;* Олегъ же, какъ именно утверждаетъ и пѣвецъ, причинилъ горе землѣ Русской (см. прим. 13). Одно прозваніе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Невозможно сказать напр. многострадальный и о томъ, кто много пострадалъ, и о томъ, кто много причинилъ страданій другимъ. Какого вѣка логика позволитъ сказать: Іовъ многострадальный и многострадальный Неронъ?.. По сему мѣсто это правильнѣе передать такъ: „при томъ же Олегѣ еще и Гориславичами (т. е. и отъ Гориславичей) сѣялось и растилось усобицами, губилось добро Дажьбожьихъ внуковъ, сокращались вѣки человѣковъ“ и пр. Но, возразятъ мнѣ тѣ, которые задались мыслью, что пѣвецъ нашъ черниговскій пѣвецъ, и Олега онъ назвалъ Гориславичимъ, сочувствуя его бѣдамъ. Но тогда зачѣмъ же пѣвецъ винитъ его въ бѣдствіяхъ земли (см. прим. 13)? Да и почему онъ черниговскій сторонникъ? Если онъ и былъ изъ княжихъ пѣвцовъ, то у Сѣверскихъ князей, а это — ужь другая, младшая линія Ольговичей, не очень дорожившая черниговскими интересами и вообще державшаяся какъ-то въ сторонѣ. Черниговскимъ же сторонникомъ и сочли пѣвца главное на основаніи этого худо понятаго слова „Гориславичи“ отнеся его къ Олегу.

(18) Этотъ эпизодъ явленія Дѣвы Обиды до сна Святославова есть, на мой взглядъ, одно изъ самыхъ капитальныхъ мѣстъ поэмы; но сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія его я до сихъ поръ не видалъ. Предлагаю свою догадку, основанную на психологическомъ значеніи этого прекраснаго поэтическаго образа. Текстъ гласитъ такъ: „Уже пустыня силу прикрыла, встала Обида въ силахъ Дажьбожья внука. Вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крилы на синѣмъ морѣ у Дону плещучи, убуди жирня времена; усобица княземъ на поганыя погыбе“ и пр. Что такое это за великолѣпный образъ дѣвы Обиды? Что она выражаетъ и для чего выведена? — Во-первыхъ ясно, что она принадле-

житъ не къ темному міру Трояна, не къ враждебному Диву, не къ Половецкой сторонѣ, а является на сторонѣ Русичей, ибо встала „въ силахъ Дажьбожья внука“. Далѣе сказано, что она вступила на землю Трояню *у Дону*, т. е. на Половецкую землю у Дона, а у Дона (или близъ Дона) послѣ сраженія была только одна сила-рать Игорева, и то побитая. Слѣдовательно, дѣва является надъ полемъ битвы, гдѣ лежало побитое войско Игоря. Какое-же значеніе имѣетъ образъ лебединой дѣвы? Обращаясь къ источнику нашей древней миѳологіи, къ арійскимъ преданіямъ, мы находимъ въ нихъ вѣрованіе, что души умершихъ возносятъ въ царство свѣта, въ звѣздные предѣлы, дѣвы съ лебедиными крылами. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ тоже лебединыхъ дѣвъ, но значеніе ихъ опредѣлить трудно; можно догадываться только, что древнее значеніе ихъ, какъ крылатыхъ духовъ, народъ перенесъ потомъ на ангеловъ, приносящихъ и уносящихъ на небо души людей. Въ памятникахъ скандинавскихъ образъ этихъ дѣвъ является гораздо опредѣленнѣе, и имѣлъ свое развитіе: небесныя дѣвы, прилетавшія принимать души павшихъ героевъ, являются тамъ въ образѣ дѣвъ воительницъ, Валкирій, олицетворявшихъ самую битву и разные ея моменты, отъ которыхъ и получили разныя названія, напр. Гильдра-Битва, Рандгрита и пр. Кажется объясненія Дѣвы Обиды слѣдуетъ искать въ рядѣ представленій этого рода, т. е. какъ дѣвы, явившейся надъ падшею ратью и олицетворяющей чувство ея позора, ея вопль о мести, ея укоры виновнику пораженія. Но кто-же могъ болѣе всѣхъ чувствовать этотъ позоръ? Конечно, пережившій виновникъ онаго—Игорь. Такимъ образомъ, эта дѣва получаетъ уже характеръ личный; психологическая основа этого образа — будетъ дума Игоря, ведомаго въ плѣнъ, дума, преслѣдующая его, дума о томъ, что тамъ, за нимъ, лежитъ эта погубленная имъ сила-рать, укоряющая и обвиняющая его; сила-рать, которую уже для него *пустыня прикрыла*, т. е. она скрылась уже изъ глазъ его. И въ самомъ дѣлѣ, все послѣдующее мѣсто до сна Святослава звучитъ укоромъ Игорю, слѣдовательно, все тѣсно связано съ образомъ Дѣвы-Обиды и тѣмъ даетъ ему смыслъ и объясняетъ ее. Да и въ текстѣ нисколько не отдѣляется явленіе дѣвы отъ этой тирады. Никто не оспариваетъ, что фраза: „убуди жирня времена“ относится къ ней; слѣдующая за ней: „усобица княземъ на поганыя погыбе“ и пр. непосредственно съ нею вяжется, какъ дальнѣйшее ея развитіе. Вложена-ли пѣвцомъ въ уста этой дѣвы вся эта укорительная тирада, или перефразируетъ ее пѣвецъ своими словами, — угадать трудно, но смыслъ ясенъ, что она, т. е. эта тирада относится къ Игорю; иными словами, что это его дума, его укоры себѣ: „далече зайде, соколъ, птицъ бія къ морю!.. Тіи бо два храбрая Святославича Игорь и Всеволодъ уже лжу убиди... Нѣмцы и Венедицы... хвалять

Святослава... каютъ Игоря, иже погрузи жиръ въ Каялѣ"... да тутъ-же „и высѣде изъ злата сѣдла въ сѣдло Кощіево"... Это все звучитъ горькою ироніей, все это долженъ былъ думать Игорь, влекомый въ плѣнъ.

Сравненіе этого мѣста съ соотвѣтствующимъ ему въ лѣтописи еще болѣе убѣждаетъ меня въ лирическомъ значеніи этой тирады; тотчасъ за разсказомъ о плѣненіи князей, лѣтописецъ помѣстилъ у себя длинную рѣчь Игоря, укоры, которые онъ себѣ дѣлаетъ, только лѣтописецъ излагаетъ ихъ конечно въ религіозномъ духѣ: „помянухъ азъ грѣхи своя передъ Господомъ... не мало зло подѣяша безвинніи христіане отлучаеми отъ отецъ роженій своихъ, братъ отъ брата" и пр.

Обращаю еще вниманіе на художественное значеніе этой тирады, придающей драматическій интересъ Игорю: не разъ замѣчали, что пѣвецъ больше хвалитъ Всеволода, чѣмъ Игоря, и Всеволодъ потому скорѣе могъ бы быть названъ главнымъ героемъ поэмы, ибо Игорь какъ-бы совсѣмъ въ ней пропадаетъ. Пѣвецъ однако назвалъ свою поэму пѣснью объ Игорѣ, значитъ, считалъ его главнымъ лицомъ; это такъ и выйдетъ, если мы возвратимъ его герою все, чѣмъ возвысилъ его поэтъ, вложивъ главную мысль своей поэмы въ душу Игоря. Такимъ образомъ, возстановляется плѣнительный, осмысленный образъ Игоря, передъ которымъ — блѣднѣетъ храбрый Всеволодъ... Въ томъ мѣстѣ, которое называютъ плачемъ Ярославны, окажется еще другая, нѣжная, сердечная сторона этого князя, сообщающая ему особенную привлекательность — и прочтя поэму, мы поймемъ, почему она названа пѣснью объ Игорѣ.

(19) Это мѣсто такъ стоитъ въ текстѣ: *„за нимъ* (за падшимъ полкомъ Игоревымъ) *кликну Карнаижля* (въ Екат. спискѣ: Карна и Жля) *по скочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ*". Въ Екат. сп.: *смагу людемъ мычючи*). Обыкновенно понимаютъ, что за ними (т. е. за побитыми полками?) половецкіе ханы Карна и Жля кликнули и поскочили по Русской землѣ, стрѣляя греческимъ огнемъ... Уже г. Вельтманъ разбилъ этихъ хановъ, показавъ, что лѣтописи почти слово въ слово повторяютъ выраженіе пѣвца; а тамъ сказано: „и тако въ день Воскресенія (Господь) наведе на ны *плачь* и *жаль*, на рѣцѣ Каялѣ". Въ Ипатьевской лѣтописи: „въ радости мѣсто наведе на ны плачь, а въ веселье мѣсто *желю*". И такъ одинъ изъ хановъ пропадаетъ съ объясненіемъ слова *жля*, которое есть то-же, что лѣтописное *желя*, *жаль*, жалость, скорбь. Но если Жля—не ханъ, то очевидно, и товарищъ его Карна тоже не изъ половецкихъ кагановъ. И въ самомъ дѣлѣ, вм. *Карна* должно читать: карья или карьба, отъ глагола *карити*, плакаться, причитать по умершимъ (см. Востокова Ц. Слав. словарь). Слѣдовательно, и выйдетъ: кликнули поминанія и жалость, плачь, печаль, скорбь поскочила по Русской землѣ

Остается теперь покончить съ греческимъ огнемъ. Сдѣлавъ предположеніе: не́ разумѣется-ли здѣсь какой-нибудь обычай при поминкахъ или тризнахъ языческихъ, остававшійся еще въ XII вѣкѣ отъ временъ сожиганія тѣлъ—я въ эту сторону направилъ свои поиски и нашелъ у Терещенка слѣдующее: „Въ Силезіи, въ Польшѣ, въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ народъ ходилъ марта 1-го съ зажженными факелами на кладбища и приносилъ жертвы усопшимъ". У г. Аѳанасьева этотъ обычай Лужичанъ поясненъ: „Весною въ воскресенье четвертой недѣли поста, совершая праздникъ въ честь мертвыхъ, Лужичане ходятъ на Тодесбергъ, съ зажженными факелами, поминаютъ покойниковъ и на возвратномъ пути поютъ: „смерть мы потасили, новую жизнь зажгли!" Славонцы ходятъ 1-го марта. Наши простолюдины, когда съ больнымъ начинается агонія, запали́ваютъ восковую свѣчку и даютъ ее въ руки умирающему; употребленіе факеловъ при погребальныхъ обрядахъ и употребленіе свѣчъ при поминкахъ, извѣстны съ глубочайшей древности". (Аѳан. Воззр., т. III, стр. 205, 206). Прибавлю къ этому еще, что въ Бѣлоруссіи, какъ мнѣ сказывали, лѣтъ тридцать тому назадъ въ день поминовенія всѣхъ усопшихъ, 1-го ноября (по католическому обряду), со́вершались процессіи на кладбища, послѣ службы, при чемъ каждый изъ прихожанъ несъ зажженную свѣчу. Извѣстно, что въ древности тѣла мертвыхъ у насъ сожигали: вывелось сожженіе тѣлъ, но присутствіе съ огнемъ на похоронахъ и поминкахъ осталось. По этому разсматриваемое мѣсто въ Словѣ надо понимать такъ: „По падшимъ кликнули поминки, причитанія, и скорбь поскочила по Русской землѣ, меча людямъ (т. е. мужамъ) зажженные факелы". Въ текстѣ стоитъ *смагу* мычучи; не описка-ли это вмѣсто *смолу*? Впрочемъ и *смага* означаетъ жаръ. Такимъ образомъ Карья и Желя олицетворены здѣсь въ образахъ родственныхъ Дѣвѣ Обидѣ, и изображаютъ разные виды бѣдствія, какъ у Скандинавовъ Валкиріи изображаютъ разные моменты боя.

Принявъ это, найдемъ строгую послѣдовательность рѣчи и красокъ въ этомъ мѣстѣ у пѣвца, ибо вслѣдъ за картиной мужей съ факелами, о женщинахъ говорится: „жены въсплакашась, аркучи"... Остановлю вниманіе читателя на красотѣ всей этой языческой картины скорбныхъ поминокъ по падшимъ воинамъ храбраго полка Игорева и на томъ, что вся эта кратина рисуется въ воображеніи Игоря...

(20) Въ текстѣ: „*а въстона бо, братіе, Кіевъ*... Я выше сказалъ (въ прим. 17), что вся эта тирада объясняетъ смыслъ или характеръ Дѣвы Обиды, влагаетъ-ли пѣвецъ ее въ уста самой дѣвы, или разъясняетъ ее своими словами. Если-бы здѣсь не было слова *братіе*, я, не усумнясь, утверждалъ-бы первое, т. е. что тирада говорится отъ лица ея.

(21) Забрало, кромѣ извѣстной части шлема, значитъ еще: *стѣна. башня.*

(22) *На кроватѣ тисовѣ.* Это не тесовая кровать, а изъ тиса (taxus, if). Въ подлинникѣ: *мьгуютъ мя;* по толкованію г. Прахова здѣсь должно быть: негодовахуть мя. Въ извѣстномъ евангельскомъ выраженіи: *камень, его-же небрегоша зиждущіи, той бысть во главу угла,* вмѣсто словъ: *его-же небрегоша*, стоятъ въ древнихъ спискахъ: *его-же негодаваша*—на который не обращали вниманія, котораго не считали достойнымъ вниманія, на который и не смотрѣли; въ лѣтописяхъ нашихъ также попадается выраженье: негодовать кого-либо — пренебрегать кѣмъ, не обращать на него вниманія; предложенье это стояло очевидно подъ титломъ и притомъ вѣроятно и невѣрно было написано (ѣ): него(х)уть мя или нѣго(х)уть мя; смыслъ слѣдовательно былъ: не обращали на меня никакого вниманья, какъ будто бъ меня и нѣтъ совсѣмъ въ гридницѣ. Князь разсказываетъ сонъ дурнаго знаменованья: одѣвали меня (одѣвахутъ мя), говоритъ онъ, погребальнымъ покровомъ, сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ (сыпахуть ми; жемчугъ—слезы), и распоряжались (т. е. всѣ эти зловѣщія тѣни сна) въ моемъ покоѣ, какъ будто бъ меня тутъ и не было, какъ это бываетъ съ находящимися при послѣднемъ издыханіи, если не совсѣмъ мертвыми (и негодовахуть мя). *(Объясненіе М. В. Прахова).*

Сыпахутъ ми, тѣшими тулы поганыхъ тлъковинъ женчюгъ на лоно. Толковины—кочевники: здѣсь разумѣть должно Половцевъ, ибо отъ нихъ пришли Святославу слезы, прообразуемыя жемчугомъ.

(23) Многочисленныя толкованія этого выраженія: *дебрь Кисаня*, по моему, всѣ неудовлетворительны; я оставилъ его, какъ оно стоитъ въ подлинникѣ. *Босуви врани*, сближаю съ босымъ или бусымъ волкомъ (*см.* ниже)—темные, черные. *И не сошлю къ синему морю*—по зам. А. Ѳ. Гильфердинга, *и несошася.*

Болѣе всѣхъ остроумно чтеніе М. А. Максимовича: „Всю ночь съ вечера на Бусовицѣ (Бусова гора) враны каркали; у Плѣньска на болони (т. е. на заливномъ лугу) сдѣлалась дебрь (провалы, овраги), а Кіяне (вм. Кисаня) сошли къ синему морю", т. е. ушли, бросили городъ. Въ этомъ смыслѣ послѣдніе четыре стиха Святославова сна можно бы измѣнить такъ:

„Во всю ночь на Бусовицѣ враны
До утра прокаркали; у Плѣньска,
Вмѣсто луга стала дебрь, провалы,
Кіевляне жь внизъ ушли всѣ, къ морю".

(24) Въ текстѣ стоитъ: *Олегъ* и *Святославъ*, и названы они молодыми мѣсяцами, въ означеніе младшихъ князей: это ошибка. Два солнца—Игорь

и Всеволодъ; два мѣсяца—Владиміръ (а не Олегъ) Игоревичъ, и Святославъ Ольговичъ. Фразу: „и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть хинови", стоящую въ подлинникѣ непосредственно за предложеніемъ: „ По Руской земли простроша Половци, акы пардруже гнѣздо",— я перенесъ выше, къ словамъ объ Владимірѣ и Олегѣ, по соотвѣтствію времени глаголовъ: *поволокоста, погрузиста* (Указаніе г. Прахова). *Море* же, понимать здѣсь надобно, думаю, въ смыслѣ *неба* т. е. въ небесныхъ безднахъ (Аѳан. т. II, гл. XVI).

(25) *Бусовы* побѣды: Бусъ или Боусъ, предводитель Половцевъ въ первое ихъ нашествіе въ 1054 г; *Шарукань* былъ разбитъ Русскими князьями въ 1111 году. Выраженіе — *Готскія дѣвы* напоминаетъ о томъ, что внутренная часть Крыма называлась Готіей, такъ какъ тамъ жили еще остатки Готовъ, зашедшихъ сюда около VI-го вѣка.

(26) Сыновцы: Всеволодъ и Игорь были двоюродные братья Святославу Всеволодовичу Кіевскому, но онъ, какъ старѣйшій, былъ имъ „во отца мѣсто".

(27) „Нѣтъ со мной ужь брата Ярослава" и пр. Такъ я передалъ слова текста: „ А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава". *Власть* здѣсь не значитъ *область*; его Черниговская область не пропадала, онъ не терялъ ея; кажется, здѣсь разумѣется могущество, сила, войско. По заключенію г. Максимовича, здѣсь имѣется въ виду двукратный отказъ Ярослава идти вмѣстѣ съ братомъ (Святославомъ) на Половцевъ въ 1184 и въ 1185 году. Смыслъ тотъ, что „Ярославъ мнѣ не помощникъ, что очень жаль великому Князю, ибо дружина Ярославова, состоящая изъ черниговскихъ былей и другихъ удальцовъ, берэтъ въ храбрости примѣръ съ дѣдовъ, а вы, Игорь и Всеволодъ, возмнили: сдѣлаемъ все сами". Слово *были* производятъ отъ боляринъ и полагаютъ, что имъ означалась знатная молодежь, отправлявшаяся служить какому-нибудь князю, туда, гдѣ война. Вѣроятно, такого рода удальцы стекались подъ знамена князей изъ разныхъ мѣстностей: таковы, вѣроятно, и названные въ текстѣ вслѣдъ за черниговскими былями Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревуги, Ольбѣры. Названія эти—не объяснены.

(28) См. прим. 43.

(29) Владиміръ Глѣбовичь Переяславскій, сынъ Глѣба Юрьевича, слѣдовательно, племянникъ Всеволода Юрьевича Суздальскаго; вотъ почему Святославъ и обращается прямо къ послѣднему, какъ къ родному дядѣ Владиміра. *Аще бы ты былъ, то была бы чага по ногать, а Кощей по резань. Чага* — плѣнница; *кощей*—плѣнникъ, рабъ—но кажется преимущественно изъ Половцевъ. *Ногата* и *рѣзань*— монеты. (Прим. г. Тихонр.)

(30) „Ты бо можеши по суху живыми *шереширы* стрѣляти, удалыми сы-

ны Глѣбовы"—Это дѣти Глѣба, Рязанскіе князья, бывшіе уже въ зависимости отъ Всеволода Суздальскаго; сказавъ уже о его походахъ по рѣкамъ, пѣвецъ говоритъ: „ты можешь и по суху стрѣлить". Живыми *шерширы*: Шерширъ слово не объясненное. По персидски шере-ширъ значитъ *левъ свирѣпый*. Я принялъ толкованіе, помѣщенное въ Изв. Моск. Унив. 1866—67 года, № 2, стр. 168, что „Не есть ли это греческое σαρισσα что значитъ *стрѣла*, съ византійскомъ уменшительнымъ окончаніемъ αρι, αρίον. Въ средневѣковой латыни есть слово sareza, saresonium—копье".

(31) *Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша*. *Ваю*: это родит. пад. двойств. числа, личнаго мѣстоименія втораго лица. *Плаваша* третье лицо множ. числа. Не должно ли подразумѣвать подлежащее „дружины"?

Оба эти Рюрикъ (ум. 1195 г.) и Давидъ (ум. 1197 г.) сыновья Ростислава Мстиславича, правнуки Владиміра Мономаха.

(32) Ярославъ (ум. 1188) Галицкій, сынъ Владимірка Володаревича; Володарь—братъ ослѣпленнаго Василька, внука Владиміра, старшаго сына Ярослава Великаго. Онъ названъ въ словѣ Осмомысломъ: г. Вельтманъ полагаетъ, что это худо прочтенное слово Остромыслъ, что гораздо правдоподобнѣе. Въ обращеніи къ Ярославу есть одно непонятное выраженіе: меча *времени* черезъ облаки; Г. Вельтманъ читаетъ бремены: такъ принято и г.. Тихонравовымъ; чешскій ученый г. Яромiръ Эрбенъ, въ своемъ чешскомъ переводѣ, понимаетъ здѣсь метаніе камней пращами; мною принято его толкованіе. *Стрѣляеши салтани за землями*: г. Дубенскій замѣчаетъ, что Галичане могли участвовать въ крестовыхъ походахъ вмѣстѣ съ Уграми.

(38) „А ты, буй Романе и Мстиславе!" Все обращеніе къ Роману есть мѣсто, наиболѣе затруднявшее переводчиковъ; поэтому считаю нужнымъ подробнѣе высказать, какъ я его понялъ. Первое, что сбивало съ толку, это то, что пѣвецъ говоритъ здѣсь то въ двойственномъ, то въ единственномъ числѣ, отчего нѣкоторые полагаютъ, что стоящее въ единственномъ числѣ должно быть переставлено выше, въ воззваніе къ Ярославу Галицкому, а именно, фраза: *высоко плававши на дѣло въ буести яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти*. Но образъ рисующійся здѣсь, никакъ нельзя отнести къ Ярославу, довершавшему уже свое дѣло, а напротивъ онъ скорѣе всего подходитъ къ мужу въ разгарѣ силъ; и именно скорѣе видѣнъ здѣсь намекъ на планы Романа, который хотѣлъ въ южной Руси сдѣлать то же, что Всеволодъ на сѣверѣ, т. е. собрать ее подъ одну свою руку (см. Исторію Соловьева, и еще письмо Романово у Татищева). Но кромѣ этого внутренняго несоотвѣтствія, мнѣ кажется, и надобности нѣтъ въ этой перестановкѣ; стоитъ

только опредѣлить, кто этотъ Мстиславъ, поставленный рядомъ съ Романомъ. Это не Мстиславъ Храбрый, умершій до похода Игорева, въ 1173 году; не сынъ его Мстиславъ Удалой, вышедшій на арену позже похода; первое о немъ извѣстіе относится къ 1193 году. Г. Максимовичъ весьма основательно указываетъ на Мстислава Пересопницкаго; первое объ немъ извѣстіе встрѣчаемъ въ 1183 году по поводу участія его въ половецкомъ походѣ, умеръ же онъ въ 1226 г., двумя годами раньше Мстислава Удалаго и двадцатью однимъ годомъ позже Романа. О немъ Волынскій лѣтописецъ говоритъ, что на Калкѣ онъ устремился спасать Даніила Романовича: „бѣбо мужъ крѣпокъ"... и „велику любовь имѣя къ отцю его", т. е. къ Роману. Изъ этихъ данныхъ видимъ, что онъ былъ моложе Романа. Въ Словѣ онъ является его товарищемъ въ войнахъ съ Деремелой, Ятвягами, Литвою и Половцами; очевидно, это былъ храбрый князь, но великихъ замысловъ въ немъ не замѣтно; и скорѣе онъ похожъ на подручника Романова. Вотъ почему, когда говорится о храбрости, о военныхъ дѣлахъ, пѣвецъ обращается къ обоимъ; когда-же говоритъ о замыслахъ, о починѣ—къ одному, и именно къ Роману. Такъ, похваливъ храбрость обоихъ, пѣвецъ обращается уже къ одному Роману, призывая его искать славы на Дону: „Донъ ти, княже, кличетъ".

„*Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля и многы страны хинова*". Папорзи—г. Тихонравовъ объясняетъ: верхняя часть брони, которую надѣвали на перси, на грудь. Шевыревъ и Максимовичъ говорятъ, что это крылья (отъ слова: папоротокъ). Но въ томъ и въ другомъ случаѣ предлогъ *подъ* возбуждаетъ сомнѣніе: можно ли сказать подъ шеломомъ нагрудникъ? Этакъ можно сказать, что и шпоры подъ шеломомъ; крылья тоже—какъ могутъ быть подъ шеломомъ? Очевидно, что папорзи—эти какая-нибудь принадлежность шелома: мнѣ кажется, что желѣзная сѣтка, прикрѣпляющаяся къ нижней части шелома и падающая на грудь, ближе всего удовлетворяетъ смыслу. Латинское вооруженіе у Романа не объясняется ли тѣмъ, что онъ воспитывался при дворѣ Казиміра Справедливаго, польскаго короля, жена котораго Елена была дочь Всеволода Бельзскаго? Съ помощью же поляковъ онъ овладѣлъ и Галичемъ. Но является еще сомнѣніе. Папорзи—точно-ли это часть вооруженія? Сообразимъ первое предложеніе: „суть бо у ваю желѣзныи папорзи"... со слѣдующимъ за нимъ: „Тѣми тресну земля... Литва, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ *тыи* мечи харалужныи". *Тѣми тресну земля*: подъ папорзами? подъ частью брони? Не особые-ли латники въ желѣзной бронѣ здѣсь разумѣются? Да и мечи харалужные какъ будто бы ихніе, т. е. что подъ ихъ мечами главы свои преклонили Литва, Деремела и пр.

(34) „Нъ уже, княже, Игорю утръпѣ солнцу свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони". См. прим. 43.

(35) Ингварь (ум. 1202 г.) и Всеволодъ, сыновья Ярослава Изяславича Луцкаго, внука Мстислава I. У Ярослава Луцкаго было четверо сыновей, но въ это время (въ 1185) двое были, вѣроятно, еще малолѣтніе, судя по годамъ, когда всѣ они женились: Всеволодъ—въ 1167 г., Ингварь - въ годъ смерти отца—въ 1180, Изяславъ только въ 1195, а Мстиславъ въ 1224 г. Вотъ почему пѣвецъ призываетъ только двоихъ старшихъ. „Три Мстиславичи" составляли искомое, которое различно опредѣлялось изслѣдователями. По моему, здѣсь разумѣются три сына Мстислава Храбраго: Мстиславъ, въ послѣдствіи названный Удалымъ (ум. 1224 г.), Владиміръ и Давидъ (ум. 1214 г.), князья еще молодые. *Не худа гнѣзда шестокрильци*": кажется, пѣвецъ употребилъ это слово шестокрылые вмѣсто *птенцы*.

(36) „И схоти ю на крогать, и рекъ: 'Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ". Мѣсто очень темное. Трудно опредѣлить: сочувственно относится пѣвецъ къ Изяславу Васильковичу, или не исключаетъ и его изъ общаго нерасположенія своего къ Полоцкимъ князьямъ? Этотъ вопросъ рѣшится только въ томъ случаѣ, когда будетъ опредѣлено, самъ ли Изяславъ говорилъ о своей дружинѣ, въ видѣ укора себѣ, или посторонній то приговоръ надъ нимъ. Въ первомъ случаѣ — пѣвецъ за него во второмъ — противъ. Я принялъ въ первомъ смыслѣ, основываясь на словѣ *рекъ*—3-е лицо ед. ч., и на трогательномъ изображеніи его смерти. *И схоти ю*: я принялъ по толкованію г. Вельтмана: *схити и*, взяли его, положили на кровать.

(37) Мѣсто очевидно плохо разобранное: *Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи на седмомъ вѣцѣ Трояни* (въ другомъ спискѣ Зояни). *На седьмомъ вѣкѣ Трояни*: въ прим. 5, я сказалъ, что безъ особенныхъ данныхъ о лѣтосчисленіи на Руси языческой, этого мѣста объяснить нельзя. Г. Дубенскій такъ переводитъ текстъ: „ибо вы своими крамолами накликали поганыхъ на землю Русскую, на время Всеславово: и отъ нихъ тоже насиліе, которое терпятъ на Руси отъ земли Половецкой",— объясняя его такъ: „отъ восточныхъ границъ заднѣпровскихъ княженій, поэтъ обращается къ сѣвернымъ и тамъ указываетъ на другихъ враговъ— Литовцевъ".

(38) „*Връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Кіеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевъскаго*". Г. Вельтманъ полагаетъ, что въ рукописи было *клѣками*, и читаетъ: подколѣнками. Г. Соловьевъ и Шевыревъ принимаютъ „клюками", говоря, что это деревянныя стремена, хотя у князей всегда видимъ въ Словѣ златъ-стремень. Что-бы ни значило это слово, картина не вы-

ясняется. Точно также и „*стружіемъ дотчеся*“. *О дьвицю любу* г. Вельтманъ читаетъ: *о дѣдину любу*, разумѣя дѣдовское наслѣдство, что мнѣ кажется весьма правдоподобно.

(39) *Нѣмига* принимается за Нѣманъ; но г. Вельтманъ полагаетъ, что это рѣчка Нѣмига, впадающая въ Свислочь въ Минскѣ. Дубенскій думаетъ, что здѣсь разумѣется не битва Ярославичей со Всеславомъ, а вообще битвы Русскихъ съ Литвой и западомъ.

(40) Въ текстѣ „Великому Хрсъви“, Хорсу.

(41) „Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ“ я принялъ чтеніе: *въ дрзѣ тѣлѣ*.

(42) Сего бо (Владиміра) нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидови“. Я выпустилъ собственныя имена, оставивъ только общій смыслъ. Въ слѣдующей фразѣ „нъ рози нося имъ хоботы пашутъ“ я послѣдовалъ чтенію Л. А. Мея: розно у нихъ хвостами машутся. *Копіа поютъ на Дунаи:* Дунай я принялъ въ общемъ значеніи рѣки, какъ у насъ поется въ пѣсняхъ.

(43) Здѣсь оканчивается „злато слово слезами смѣшено“ старца Святослава. Такъ его понимали всѣ первые издатели, переводчики и толкователи. Но впослѣдствіи времени вздумали его укорачивать, и ограничили однимъ приступомъ, Л. А. Мей оканчиваетъ ее тамъ, гдѣ у меня стихъ

Стонетъ-тужитъ Глѣбовичъ удалый.

Г. Гербель — тоже. Гг. Вельтманъ, Максимовичъ (въ малороссійскомъ переводѣ) и Деларю еще ранѣе, по моему тексту, стихомъ:

Времена тяжелыя настали!

Князь П. П. Вяземскій прерываетъ на стихѣ:

А полка ужь Игорева нѣту!

За симъ все послѣдующее воззваніе къ князьямъ неизвѣстно кѣмъ говорится и является какъ лирическое мѣсто, которое объясняютъ тѣмъ что тутъ пѣвецъ, „въ порывѣ лирическаго одушевленія“, забываетъ и оставляетъ уже своихъ героевъ, и самъ, отъ своего лица, начинаетъ взывать къ князьямъ. При этомъ гг. Гербель и Вельтманъ прерываютъ и этотъ лиризмъ, чтобъ объявить въ двухъ строчкахъ, что наступила осень, и что уже „Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони“ при чемъ г. Вельтманъ въ текстѣ поправляетъ, вм. *не бологомъ*, читая *побологомъ*). Послѣ краткаго объявленія о наступленіи осени, опять продолжается воззваніе. Такой перерывъ органически невозможенъ. Эта осень—не болѣе какъ фигуральный языкъ пѣвца, именно, чтобы побудить Романа, онъ говоритъ устами Святослава: Игорь погибаетъ, не на благо отпадаетъ листъ отъ древа, т. е. однимъ такимъ княземъ меньше, и всѣмъ будетъ хуже. Такъ это было понято и Шишковымъ, и Дубенскимъ.

Такое урѣзаніе рѣчи Святослава есть существенная порча памятника. Началось оно, какъ кажется, вслѣдствіе сомнѣнія Карамзина, который находилъ неприличнымъ достоинству великаго князя, обращеніе къ другимъ князьямъ словомъ: господинъ („Ты буй Рюриче и Давиде!.. вступиста, господина, въ злата стремень", и къ Ярославу Галицкому: „Стрѣляй, господине, Кончака"). Но сомнѣніе это нельзя было принять серьезно; во-первыхъ: такое-ли значеніе въ XII вѣкѣ имѣло слово „господинъ", какъ напримѣръ, при Іоаннѣ III, въ его преніяхъ съ Новгородцами? Можетъ быть, это была обыкновенная форма учтивости между князьями. Во всякомъ случаѣ гораздо важнѣе слова самого пѣвца: онъ торжественно открываетъ рѣчь Святослава, назвавъ ее златымъ словомъ, со слезами смѣшаннымъ. Гдѣ жь эти золотыя слова? Въ томъ, что оставляютъ за Святославомъ, не болѣе какъ жалоба на Всеволода и Игоря, да сѣтованіе на свою старость. Воззваніе-же проникнуто тѣмъ духомъ любви къ Русской землѣ, чувствомъ народнаго единства, въ чемъ и есть задушевная мысль пѣвца, его идеалъ того, чтобы должно дѣлать князьямъ и чего они не дѣлаютъ. Это-то воззваніе и можно назвать золотымъ словомъ, слезами окропленнымъ, и все оно логически вытекаетъ изъ капитальной мысли: князья мнѣ не помога! — Непонятно, какъ С. П. Шевыревъ, обладавшій такимъ поэтическимъ тактомъ, настаиваетъ, что все равно, отъ лица-ли Святослава это воззваніе, или отъ лица пѣвца. Совершенно не все равно! Если мы возвратимъ эти слова Святославу, то посмотрите, что за величественный, Пріамовскій образъ выходитъ изъ этого старца! Подобное-то раздробленіе слова на множество отдѣльныхъ мѣстъ и особенныхъ главъ, сдѣланное въ первый разъ, кажется, Сахаровымъ, и обратило этотъ цѣльный поэтическій памятникъ въ простой сборъ красивыхъ выраженій, повтореній, безъ всякой органической связи! Это были жемчугъ и камни, вырванные изъ драгоцѣннаго оклада; картина пропала; поставьте ихъ на мѣсто, и все получитъ смыслъ.

(44) Знаменитый плачъ Ярославны я старался передать, по возможности, сохраняя всѣ выраженія подлинника и избѣгая всякихъ ненужныхъ прибавленій словъ, развѣ только необходимыхъ для уясненія нынѣшнему читателю образа, который долженъ былъ рисоваться въ воображеніи читателя XII вѣка. Вникая въ текстъ, я понялъ такъ, что все дѣло происходитъ въ воображеніи Игоря, находящагося въ плѣну. Въ текстѣ открывается эта сцена предложеніемъ безъ подлежащаго: *Ярославнынъ гласъ слышитъ*. Кто слышитъ? да кому-же и слышать, кромѣ Игоря? *Зегницею незнаемъ*: должно-быть „незнаемѣ" мѣстный падежъ, то есть: зегницою въ незнаемой (такъ называлась степь) землѣ „рано кычетъ". Игорь вспоминаетъ жену—на стѣнѣ въ Путивлѣ, какъ видѣлъ ее, вѣроятно, въ послѣд-

ній разъ, уходя въ походъ: тоже черта глубоко психологическая! Разставаясь съ близкими сердцу, вы въ разлукѣ всегда воображаете ихъ въ томъ видѣ, при той обстановкѣ, какъ это было въ моментъ разставанія:

Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать...

Слово „зегзица“ обыкновенно у насъ принято переводить „кукушкой“. Но въ живомъ народномъ языкѣ слово зёгзица и теперь еще употребляется, г. Погосскій переводитъ его „ласточкой“, и ссылается на то, что слышалъ въ Новгородской губерніи это названіе за ласточкой. Многіе изъ Вологодской губерніи удостовѣряли меня, что зегзицею тамъ называютъ черныхъ ласточекъ, стрижей. Наконецъ въ „Причитаньяхъ Сѣвернаго Края“, собранныхъ г. Барсовымъ, ч. I, стр. 73, есть мѣсто:

И настанетъ весна красная,
Разольются быстры рѣченьки,
Налетятъ да птички *ластушки*,
Сѣры-малыя *Загозочки*.

(45) *Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи, тугою съпражеимъ тули затче.* Палицынъ, въ своемъ переводѣ шестистопнымъ ямбомъ, такъ развиваетъ эту мысль:

О солнце красное! . . . . . .
Почто ты знойный лучъ, почто простерло свой
Супруга моего на рать въ безводномъ полѣ,
Томиму жаждою и не могущу болѣ
Ни луковъ напрягать, ни стрѣлъ пускать отъ мукъ,
Съ гортанью пламенной, изъ ослабѣвшихъ рукъ?

Какой-же образъ представляла себѣ Ярославна (или пѣвецъ) въ этомъ обращеніи къ Солнцу или Дажьбогу, лучше всего можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ одного изъ великорусскихъ заклинаній (которыя, замѣтимъ кстати, нагляднѣе всего рисуютъ намъ, какъ наши языческіе предки воображали себѣ боговъ своихъ):

„Пойду я къ Окіянъ-морю: на томъ Окіянъ-морѣ стоитъ столъ-престолъ, на престолѣ стоитъ золотое блюдечко: и на томъ золотомъ блюдечкѣ стоитъ самъ..... матеръ человѣкъ, тугимъ лукомъ подперся, ка-

леными стрѣлами подтыкался... Помолюсь ему о любимой скотинкѣ: И стрѣли ты, батюшко, ... въ мою любимую скотинку своимъ тугимъ лукомъ и каленными стрѣлами въ ясныя очи, въ сырую кость“ и пр. (Зап. Геогр. Общ. по отд. Этногр. 1869, т. II, 494). Сообразно этому представленію вѣрнѣе было-бы это обращеніе Ярославны къ Солнцу передать такъ:

„Солнце ты, Тресвѣтлое ты, Солнце!
„Ахъ для всѣхъ тепло, красно ты, Солнце!
„Что жь разишь палящими стрѣлами
„Лады воевъ на безводномъ полѣ,
„Сушишь—гнешь и пр.

(46) *Кликну стукну земля; въшумѣ трава; вежи половецкія подвизашася.* Кажется Шишковъ правильнѣе всѣхъ видитъ здѣсь не всполохъ Половцевъ по поводу бѣгства Игоря (которое еще и не свершилось), а бурю, которою открывается эта картина: „ прысну море полунощи, идутъ сморци мьглами“. „Богъ кажетъ Игорю дорогу, именно воздвигши бурю, подъ шумъ которой ему легче уйти“ говоритъ Шишковъ. Прибавлю къ этому изъясненію одно: здѣсь, кажется, должно разумѣть Дажьбога, указующаго дорогу. *Сморци*: нѣкоторые полагаютъ, что это не смерчи, какъ стоитъ у Востокова въ словарѣ, а сумерки. Но сейчасъ-же будетъ: „погасоша вечеру зари“—зачѣмъ два раза одно и то-же?

(47) Картина, выраженная мною въ этихъ пяти стихахъ, въ текстѣ стоитъ ниже, при погонѣ Гзака и Кончака; но туда очевидно она приставлена переписчикомъ; настоящее ея мѣсто здѣсь, по мнѣнію многихъ.

(48) Стугна впадаетъ въ Днѣпръ, повыше Триполя. Въ 1095 г. Половцы разбили тутъ Русскихъ князей. При переправѣ черезъ разливщуюся тогда рѣку, утонулъ Ростиславъ, братъ Мономаха, который чуть не погибъ тутъ самъ, спасая его. „Рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи, и струги простре по кусту“ — г. Максимовичъ замѣчаетъ, что здѣсь разумѣются не *струги*, водоплавныя суда, а „струга (женск. р.), уменьшительное *стружка:* такъ и теперь въ поддѣпрской Украйнѣ называется протокъ бѣгучей воды между рѣчными плавнями или островами, заросшими кустами, деревьями или камышемъ... Пѣвецъ Игоря изображаетъ наводненіе Стугны, простершей тогда быстрыя струги (протоки) по кустамъ и потопившей юнаго князя“. (Укр. 112).

Въ словахъ Игоря къ Донцу говорится о *сребреныхъ* брегахъ этой рѣки. Этотъ эпитетъ взятъ отъ ковыля, которымъ покрытая степь кажется серебряною, или отъ мѣловыхъ горъ берега.

(49) Намекъ на дочь Кончака, на которой, дѣйствительно, будучи въ плѣну, Владиміръ Игоревичъ женился.

(50) „Рекъ Боянъ, и ходы на Святославля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти"... Мѣсто не объясненное: я прямо отнесъ слова Бояна къ частымъ отлучкамъ стараго Святослава Игоревича (отца Владиміра Святаго) изъ своей земли.

Примѣчанія къ II тому.

I. Къ стих: *„Надъ прахомъ генія свершать святую тризну“*, стр. 64. Это стихотвореніе было написано по поводу появившейся ругательной статьи на Пушкина въ какой-то газетѣ, написанной однимъ извѣстнымъ въ свое время писателемъ, враждовавшимъ съ Пушкинымъ при его жизни. Nomina odiosa sunt...

II. *„Никогда!“*

Пьеса эта заимствована изъ словацкаго поэта Халупки, и отчасти передѣлана мною. У него она озаглавлена Mor'ho, т. е. „убивай его!“ За основаніе своего разсказа Халупка взялъ эпизодъ изъ повѣствованія Амміана Марцеллина, относящійся къ IV вѣку по Р. Х.

III. *Любуша и Премыслъ.*

Здѣсь слиты два эпизода: Судъ Любуши въ краледворской рукописи и повѣствованіе Козьмы Пражскаго.

IV. *Странникъ.*

[1]) Дѣйствіе этой поэмы происходитъ въ мірѣ раскола. Я воспользовался поэтическими образами, созданными фантазіей значительной части русскаго народа, устремившагося по этому пути. Большая часть этихъ легендъ и сказаній уже извѣстны: нѣкоторыя изъ нихъ приведены въ трудахъ писателей о расколѣ, Н. И. Субботина, С. В. Максимова (*Разсказы изъ исторіи старообрядства*, С.-Петербургъ 1861 г.) и П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго), повѣсть котораго *Гриша* (С.-Петербургъ 1861 г.), дала мнѣ какъ сюжетъ, такъ и обстановку моей сцены. Посланіе о старцахъ (стр. 43) всято изъ *Посланія къ отцу отъ сына изъ онаго сокровеннаго монастыря* (Большаго Китежа), *дабы о немъ сокрушенія не имѣли и въ мертвые не вмѣняли, скрывшагося отъ міра; въ лѣто 7209 (1702) іюня въ 20 день*. Оно вполнѣ напечатано въ *Историческихъ Очеркахъ Поповщины* П. И. Мельникова, часть I, стр. 47 и 48. Сказанія о старцахъ горъ Кирилловыхъ, о Батыевой тропѣ и о Василегородской церкви въ раскольничьихъ рукописяхъ нѣтъ. Онѣ записаны П. И. Мельниковымъ на мѣстѣ, въ Нижегородской губерніи, напечатаны имъ въ *Русскомъ Дневникѣ* 1859 года, № 137, а потомъ приведены въ *Гришѣ* (стр. 79 и пр.). Преданія о градѣ Большомъ Китежѣ и самый *Лѣтописецъ Китежскій* напечатаны вполнѣ, въ примѣчаніяхъ къ 4 выпуску *Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ*, Москва 1862 г., стр. CXVIII—CXXXI. Преданія эти и прежде были извѣстны изъ *Москвитянина* 1843, №12, изъ *Русскаго Дневника* 1849, № 137, и изъ повѣсти Печерскаго *Гриша*.

[2]) *Бѣгуны*, иначе *странники*, иначе *сопѣлковское согласіе* (по селу Сопѣлкамъ, Ярославскаго уѣзда, гдѣ ихъ корень). Такъ называется одна безпоповщинская секта, составляющая крайнюю точку отрицанія въ расколѣ. Съ ихъ точки зрѣнія всѣ прочія секты—тоже антихристово царство, ибо онѣ уживаются и имѣютъ дѣла съ нимъ. Бѣгунъ долженъ все оставить, разорвать всѣ общественныя и семейныя связи и жить токмо какъ „Христовъ человѣкъ". Это воззрѣніе высказываетъ мой странникъ (ср. въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 года, № 4, статью Л. Н. Трефолева съ примѣчаніями И. С. Аксакова). П. И. Мельниковъ въ примѣчаніи къ своему *Гришѣ* о бѣгунахъ говоритъ: „Это сборище людей, удалившихся отъ общества и подъ личиною религіозныхъ убѣжденій совершающее дѣла, нетерпимыя ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ. Поддѣлка монеты, составленіе фальшивыхъ документовъ, воровство, конокрадство, грабежи—самыя обыкновенныя ихъ дѣянія... у нихъ не сходятъ съ языка слова Св. Писанія... они большіе начетчики, большіе казуисты и большіе мастера возбуждать въ неофитахъ фанатизмъ и такое слѣпое повиновеніе, съ которымъ можетъ сравниться развѣ только повиновеніе Ассасиновъ—старцу горы" (*Гриша* стр. 49, 50). Отношенія странника къ Ѳенькѣ и разгулъ его товарищей вполнѣ согласны съ обычною жизнью бѣгуновъ. *Цвѣтникъ* Евѳимія (рукопись), бѣглаго солдата, жившаго въ прошломъ столѣтіи и почитаемаго основателемъ бѣгунской секты, настольная книга бѣгуновъ.

[3]) Андрей Денисовъ Вторушинъ (князь Андрей Денисовичъ Мышецкій), основатель Поморскаго толка, умеръ въ 1703 году. Поселясь въ Выговской пустынѣ (Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи), онъ организовалъ обширную торговлю, старался соединить весь расколъ въ одно стадо, съ нѣкоторыми успѣлъ сладить, съ другими нѣтъ, былъ человѣкъ дѣятельный, умный, предпріимчивый. Онъ главный организаторъ политико-экономическаго быта раскола, составляющаго его матеріальную силу. (См. статью г. Барсова въ *Православномъ Обозрѣніи* 1865 года).

[4]) *Подъ большіе колокола:* Ивана Великаго въ Москвѣ. *Пойти подъ большіе колокола* значитъ перейдти изъ раскола въ православіе.

V. *Изъ Апокалипсиса.*

Переложенный мною отрывокъ заключаетъ въ себѣ IV—X главы книги Іоанна; только первые три стиха взяты изъ предъидущихъ главъ. Я старался передать подлинникъ почти подстрочно, придерживаясь болѣе греческаго текста, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняя обаяніе той прелести языка, которая разлита въ нашемъ церковно-славянскомъ переводѣ. По моему мнѣнію, новѣйшіе переводчики на русскій языкъ, въ синодальномъ изданіи, весьма ошибочно поступили, какъ бы задавшись мыслью избѣжать въ переводѣ малѣйшаго оборота и даже слова славянскаго, ставя, напримѣръ,

вмѣсто „грядетъ“ — идетъ и т. п., лишивъ такимъ образомъ языкъ перевода той красоты и силы, какими дышетъ славянскій текстъ.

VI. *Бальдуръ.*

Древнѣйшій памятникъ вѣрованій европейскихъ народовъ, германцевъ, скандинавовъ и славянъ представляютъ намъ скандинавскія Эдды. Такъ называются два сборника древнѣйшей народной, религіозной поэзіи Скандинавіи; одинъ называется Старшею Эддою, другой — Младшею. Въ первой заключаются отрывки древнихъ пѣсень въ стихахъ; вторая—цѣльное повѣствованіе въ прозѣ, написанное для поясненія этихъ отрывковъ. Записаны онѣ въ XII вѣкѣ, на островѣ Исландіи, куда перенесены были переселенцами изъ Норвегіи. Изъ разсѣянныхъ въ обоихъ сборникахъ чертъ я хотѣлъ возстановить цѣльное изложеніе мнѣнія о солнцѣ. Олицетвореніе жизни природы такъ прозрачно въ поэтическихъ сказаніяхъ Эдды, что, кажется, не нуждается въ дальнѣйшимъ разъясненіи. (См. мое Введеніе къ Слову о Полку Игоревѣ).

750211

750211